

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tyutchevfyodor.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев

Берковский. Ф. И. Тютчев[1]

1

Имя Федора Ивановича Тютчева, великого нашего поэта, соседствует в русской поэзии с именами Пушкина, Лермонтова и Некрасова.

Родился Тютчев в старинной дворянской семье, в селе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии, 23 ноября (5 декабря) 1803 года. Юные годы Тютчева прошли в Москве. Он рано проникся литературными интересами, стал следить за русской поэзией. Знание латыни и новых языков открыло ему широкий доступ к литературам древнего мира и новоевропейским.

С 1819 года по 1821-й Тютчев обучался в Московском университете, на словесном отделении. С 1822 года началась его служба по министерству иностранных дел. Родственные связи доставили ему в том же году место при русской дипломатической миссии в Мюнхене, – место, впрочем, очень скромное, долгое время сверх штата, и только с 1828 года он повысился в чине – всего лишь до младшего секретаря. Ни тогда, ни после Тютчев не стремился к служебной карьере, хотя не был богат и казенный оклад отнюдь не был лишним в его бюджете.

Тютчев провел за рубежом двадцать два года, из них двадцать лет в Мюнхене. Он был дважды женат, оба раза на иностранках, женщинах из родовитых семейств[2]. Его обиходный язык и за границей и позднее, по возвращении в Россию, был язык международной дипломатии – французский, которым он владел до тонкости. Обширную свою переписку Тютчев, за малыми исключениями, всегда вел на том же языке. Даже свои публицистические статьи он писал по-французски. Из этого нельзя делать выводы, что Тютчев терял духовную связь с Россией. Русская речь стала для него чем-то заветным, он не тратил ее по мелочам бытового общения, а берег нетронутой для своей поэзии (об этом хорошо писал его биограф Иван Аксаков[3]).

Мюнхен во времена пребывания там Тютчева был одним из духовных центров Германии и даже более того – Европы. Мюнхен отличался тогда богатством жизни художественной и умственной, хотя над ним и тяготел баварский клерикализм. В академическом Мюнхене главенство принадлежало стареющему Шеллингу и натурфилософам родственного с ним направления. Тютчев встречался с Шеллингом, и, вероятно, встречи эти более интимным образом приобщили Тютчева к немецкой философии. При всем том, хорошее знакомство с учением Шеллинга и с другими философскими учениями тогдашней Германии возникло вовсе не по случайным обстоятельствам биографии Тютчева, судьбой занесенного в столицу Баварии. Еще до отъезда Тютчева из России и целых два или три десятилетия после того в Москве, в Петербурге сильна была тяга к освоению немецкой культуры – философской, научной, художественной. Тютчев как бы выехал навстречу к ней в Мюнхен, а тем временем русские деятели изучали ее и оставаясь дома, без неизменных заграничных путешествий. Интерес к Шеллингу соединялся у Тютчева с любовью к поэзии и философии Гёте – «языческой», как тогда ее называли немцы. Шеллинга да и вообще немецкую духовную культуру Тютчев созерцал сквозь Гёте, и этот способ восприятия имел оздоравливающее значение, – Гёте, реалист и в области искусства, и в области отвлеченной мысли, усиливал для Тютчева добрые влияния, исходившие от культуры Германии, и задерживал, разрежал, сколько мог, влияния всего слабого, темного в ней, хилого, схоластического.

С Мюнхена началась и дружба Тютчева с Генрихом Гейне – самым смелым и свободомыслящим писателем тогдашней Германии. На поэзию Гейне Тютчев откликался до самого конца своей жизни – то переводами, то свободными вариациями, то цитатами или полцитатами из стихов Гейне в собственных стихах.

Связи Тютчева с культурой Запада иногда изображаются односторонне – их сводят к немецким только связям. На деле же для Тютчева имели немалое значение и другие европейские авторы: он усвоил поэзию Байрона, не однажды обращался к Шекспиру, отлично знал французский романтизм, французский реалистический роман, французскую историческую науку.

Мюнхен и Бавария, а потом на время Турин и Италия поучительны были для Тютчева не только сами по себе – они «вдвинули» его в Европу, из этих городов ему хорошо

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru видна была политическая и культурная жизнь других европейских столиц. Дипломатический чиновник, отнюдь не отличавшийся прилежанием, способный повесить замок на двери своей миссии и уехать в другую страну ради сугубо личных дел без уведомления о том начальства, как это и случилось с ним в Турине, Тютчев тем не менее страстно занят был вопросами внешней политики. Он лучше был осведомлен о происходящем в Европе, чем его непосредственные дипломатические шефы, и у него создавались смелые политические концепции, которые не снились этим людям, навсегда пришитым к бумагам, входящим и исходящим. В мюнхенский период у Тютчева вырабатывается свой взгляд на судьбы Европы, он обогащается мировым историческим опытом, с точки зрения его судит русские дела и обратно – сквозь призму русских проблем – оценивает ход, всемирной истории.

В 1844 году Тютчев переселяется в Россию, в Петербург. И здесь он снова, после некоторого перерыва, на службе в министерстве иностранных дел. С 1858 года он председатель Комитета иностранной цензуры.

Как это было и за границей, служебная деятельность не занимала Тютчева. Он оставался прежде всего светским человеком, завсегдаем аристократических салонов Петербурга и Москвы, – в старшей столице Тютчев бывал часто и ощущал там себя не гостем, а своим. Сохранилось много воспоминаний о светском Тютчеве, кумире стариков и молодежи, баловне женщин. Он был прославлен как великий мастер салонной беседы, как остро слов, автор устных афоризмов, передававшихся из одной гостиной в другую. Предшественниками его на этом поприще были князь Козловский, князь Вяземский. Соперники его по искусству блестящего разговора – тот же Вяземский, Соллогуб, Григорович – отзывались о его беседах с признанием и восхищением. Но салонное красноречие Тютчева далеко не до конца было бесцельным, как это водилось у прежних говорунов, обветшавших уже к его времени. Тютчев исподволь создавал общественное мнение, словом своим казнил инакомыслящих, осмеивал неудачные шаги правительства, подвергал критическому обзору иностранные дворы. Излюбленная сфера разговоров Тютчева – внешняя политика. Он по-своему делал ее – не в министерстве, а в светских домах. По письмам его мы знаем о постоянных его разъездах. Летом он остается в Петербурге и ездит с разговорами то на Елагин остров, где проводила летние месяцы аристократия, то в Царское Село, то в Петергоф, где мог застать придворных и двор.

Он внушает светским женщинам свои политические идеи; второй жене своей, урожденной баронессе Пфеффель, он посылает в орловскую деревню письма, пространно трактующие дела Запада и Востока – дипломатические и военные. Через женщин, приверженных к нему, через родню, друзей Тютчев надеется довести свои политические соображения до царя, до канцлера, до министерств. Он хочет обосновать по-своему политику Российской империи в Европе, по-своему направить ее, – напрасный труд. Политическая мысль Тютчева чересчур осложнена философией, в ней слишком много изощренности и эстетики. Власть не любила, чтобы ее интересы защищали оружием, которым она сама не владела. Тютчев, изготовлявший такое оружие, казался власти человеком ненадежным, вызывающим опасение, она редко выслушивала его, а чаще отдаляла. Александр II при случае отозвался о Тютчеве неласково. Самому же Тютчеву оставалось дивиться на умственную неповоротливость правительства, на его трусость перед идеями, которые, казалось бы, к нему же спешат на помощь. Не однажды Тютчев мстил правительству злыми эпиграммами, устными и написанными пером, – устные были в прозе, письменные – в стихах.

Тютчев задумал большой трактат, политико-философский, под названием «Россия и Запад». Он его частично выполнил, три большие статьи – «Россия и Германия» (1844), «Россия и революция» (1849), «Папство и римский вопрос» (1856) – могут рассматриваться как подготовительные шаги к нему. Сочинения эти тяготеют к излюбленным идеям славянофилов и панславистов. К концу 40-х годов Тютчев стал проповедовать политическое и духовное обособление России от Европы. Согласно его трактатам, Россия – великая патриархальная империя, опора порядка, исповедница христианского безличия и смирения. Христианская идея отлично уживалась у Тютчева с завоевательным пафосом, с призывами к расширению территорий, к захвату Константинополя, который должен был, по его теории, оказаться центром государства, объединяющего славянские народы под властью русского царя. Сходные мысли высказывались в политических стихотворениях Тютчева. Политические идеалы Тютчева отчасти сложились под воздействием всего пережитого им в Европе: христианская кротость и любовь должны были спасти Восток от анархического состояния буржуазных обществ Запада, от непомерного индивидуализма, там господствовавшего, этому же служила, в представлениях Тютчева, патриархальная государственная власть. Но сам Тютчев слишком был затронут новой европейской

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru культурой.

Национальное государство, ведущее наступательную политику, – тот же воинствующий индивидуум, агрессивные свойства которого передвинуты на коллектив. Позднее у Достоевского в «Дневнике писателя» мы находим ту же двойственную проповедь христианского смирения внутри общества и милитаристской «языческой», наступательной государственности на арене международной. Достоевский, как и Тютчев, не справился с индивидуализмом: изгнанный, он возвращался к обоим в виде, не всегда для них самих узнаваемом.

Публицистика Тютчева и его политические стихотворения близки к тому, что диктовала ему биографическая среда, каковы бы ни были размолвки его с нею. Тут виден дворянин, чиновник империи, оратор салонов. В политических писаниях участвует не весь Тютчев, они взяты как бы с поверхности его сознания и полностью не совпадают даже с его бытовой личностью. Монархист по убеждениям, связанный с царским двором, при встрече на балах, на приемах он не узнает в лицо высочайших особ – так мало они занимают его на деле, так не реальны они для него. Заскучав на парадном богослужении в Исаакиевском соборе, он бежит на улицу в своем камергерском мундире, являя собой перед мимоидущими ряженого. Самодержавие и православие в зримом своем виде действовали на него томительно-угнетающе. Первый его порыв был спрятаться от них подальше. Устные отзывы его о правительстве нередко превышают возможное и мыслимое для человека, который ощущает себя своим в среде официальных лиц и связей.

Глубочайшие и лучшие силы личности Тютчева ушли в лирическую поэзию. Здесь он наедине с самим собою, без давления извне, добровольно или недобровольно принятого. Он жил заодно с природой, сливался с нею, а через природу – с большим миром, с его стремлениями, без оглядки на то, как судят о них двор и канцелярии. В лирике своей Тютчев находит самого себя, и, что существенно, заодно он вступает и в широкий мир исторической жизни, современной ему. Прямая, непосредственная связь с большим современным миром способствует очищению и росту личности поэта.

Как человеческая личность Тютчев необыкновенно возвышается в своих лирических стихотворениях. Он сбрасывает с себя все, что могло бы умалить его; кажется, что он освобождается даже от своих физических черт, от постоянной своей телесной ущербности. Маленький, тщедушный, зябкий, вечно недомогающий, в лирической поэзии он приобретает стихийный голос, неслыханное могущество, способности судьи, кудесника, пророка. Политические идеи Тютчева – это и борьба с веком, это и борьба Тютчева с самим собой, с собственной лирикой, к счастью не дававшая побед. Биографический метод бессилен перед лирикой Тютчева. Биографический метод притязает на объяснение, и к тому же исчерпывающее, всего, что сотворил поэт. В отношении Тютчева загадкой, предметом, требующим особого толкования, становится сама биография – так мало соизмерима она с содержанием и характером его лирической поэзии. Биограф должен проделать обратный путь – не от биографии к поэзии, но от поэзии к биографии, указанное поэзией он должен искать и разыскивать в самой личности поэта, причем это задача нелегкая: поэзия ставит вопросы, а биография едва в силах на них ответить. Простые, снаружи видные факты здесь мало помогают. Быть может, что-то приоткрывается через вечные скитания Тютчева, через вечные его разъезды то по России, то по западным странам, через его бытовую и духовную неоседлость, неустроенность, через его духовное беспокойство, через болезненную его жажду общения, как если бы он постоянно терял связь с людьми, его окружающими, и тут же торопился восстановить ее, при любых обстоятельствах и во что бы то ни стало. Современники рассказали нам обо всем этом. Тютчев как бы тяготился своей бытовой оболочкой; в путешествиях, в почти божественной жизни, малопоходящей аристократу, которую он вел, Тютчев как бы стремился износить эту оболочку, истрепать ее, превратить в клочья, едва прикрывающие нагое тело, нагую душу.

Одно событие, очень важное в жизни Тютчева, оставившее следы в его поэзии, привело его в прямую оппозицию светскому обществу. С 1850 года начинаются отношения Тютчева с Еленой Александровной Денисьевой, племянницей инспектрисы Смольного института, где обучались две дочери Тютчева. Когда Тютчев познакомился с Денисьевой, ей было двадцать четыре года. Связь их длилась четырнадцать лет, вплоть до смерти Денисьевой, – большая злая чахоткой, вконец измучившей ее, Денисьева умерла 4 августа 1864 года. День этот остался в памяти Тютчева как день непоправимой скорби. У Денисьевой и Тютчева родились дочь и двое сыновей. С официальной своей семьей Тютчев не порывал, тем не менее в гостиных Петербурга и

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru окрестностей его нещадно поносили – ему не могли простить этот роман на стороне, потому что здесь была подлинная страсть, не таимая от света, отличавшаяся постоянством. На самое Денисьеву было воздвигнуто общественное гонение. Трудны и тяжелы были для Тютчева и сцены, нередко происходившие между ним и Денисьевой. Мы знаем о ней мало, помимо стихов, посвященных ей Тютчевым. Отрывочные сведения, дошедшие до нас, рисуют нам Денисьеву с чертами иных героинь Достоевского, душевно растерзанных, способных к самым мрачным выходкам.

Судьба Тютчева как поэта не совсем обычна. С пятнадцати лет он уже поэт, который печатается, и все же долгие годы он остается почти без читателей. В 1836 году Тютчева напечатал Пушкин – в журнале «Современник» появился цикл под названием «Стихотворения, присланные из Германии», за подписью: Ф. Т. Несмотря на дружественный прием со стороны поэтов пушкинского круга, Тютчев все же не вошел тогда подлинным образом в литературу. Лишь в 1850 году в том же «Современнике», издававшемся теперь уже совсем иными людьми, прозвучало уверенное суждение Некрасова о Тютчеве как о замечательном русском поэте, одном из первенствующих. В 1854 году впервые появился сборник стихотворений Тютчева. Мнение Некрасова о Тютчеве подтвердили Добролюбов и Чернышевский. Тютчев стоял очень высоко для Тургенева, Л. Толстого, Достоевского, Фета, Майкова. Его достижения в поэзии для них бесспорны, он для них – любимый спутник в собственных их раздумьях, они его крепко помнят, цитируют, отзываются ему в собственных произведениях.

Тютчев сам был виновником замедленного своего продвижения в читательскую и литературную среду. На судьбу своих стихов он взирал с равнодушием, которое иным казалось загадкой. Делом необходимости было для него писать их, а будут ли они напечатаны, где и когда – он предоставлял решать случаю. Историки литературы пытались порой опровергнуть факт безразличия Тютчева к собственным стихам. Удавалось доказать, что иной раз Тютчев проявлял несколько большую заинтересованность, чем это бывало обычно, – только и всего. Когда Иван Аксаков подготовил к новому изданию стихотворения Тютчева[4], то он не мог добиться, чтобы Тютчев хотя бы бегло просмотрел рукопись.

Вероятно, тут действовали многообразные мотивы. Пушкин говорил: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Тютчева, который был лириком, приглашали продавать именно вдохновение – лирическую исповедь в стихах, и он уклонялся от этого. Было и другое: поэзия Тютчева, которую приветствовали люди, чуждые ему по направлению, отдайся он ей всецело, последуй он сам за нею, привела бы его к разрыву с обычной для него светской средой. Поэзия сама исторгла бы его из этой среды, а он не был готов к коллизии столь решительной. Он предпочел главное дело своей жизни, поэзию, рассматривать как нечто не до конца для него обязательное, как приватное, домашнее занятие.

Не будучи профессиональным литератором, Тютчев поддерживал, однако, живые связи с русскими писателями. Многих из них он не обошел вниманием и знакомством. В поздние свои годы он все еще считал себя современником Карамзина и Жуковского, но водился с Л. Толстым (родственником своим с материнской стороны), с Тургеневым, с Достоевским, которых читал пристально и о которых судил весьма неравнодушно. В орбиту его знакомств и интересов попадали и такие далекие от него по складу своему авторы, как Мей, Мельников-Печерский, Писемский. Анализ стихотворений Тютчева показывает, что все примечательное, написанное на его памяти по-русски – стихами или прозой, – не прошло бесследно для его поэзии.

С начала 1873 года Тютчев был тяжело болен, но болезни своей признавать не хотел и порывался к деятельной жизни. Скончался Тютчев 15 (27) июля 1873 года в Царском Селе после долгих страданий, не уничтоживших в нем бодрости духа. На смертном одре он все еще был поэтом, политиком и домогался от посетителей последних политических известий, пытался диктовать стихи, уже не всегда связанные. Едва он оправился от своего последнего припадка, как уже стал расспрашивать о подробностях взятия Хивы. Для смерти этот человек, столь духовно живучий, столь враждебный ей всем своим бытием, не был легкой добычей.

2

Тютчев сложился как поэт к концу 20-х – началу 30-х годов XIX века. К этому времени он стал человеком, для которого Европа была привычна. Тогдашний день Европы был пережит им с необыкновенной интенсивностью. Несомненно его духовные связи с европейской мыслью и с литературой той поры. Но Тютчев никому не подражал, ни для кого из авторов не сочинял подсобных иллюстраций. У него

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
собственное отношение к предмету, который породил западных поэтов и философских писателей, к реальному бытию европейских народов. Он испытал на самом себе Европу того периода, недавно вышедшую из французской революции и создающую новый, буржуазный порядок. Порядок этот теснила Реставрация, но и сам он теснил ее. Предмет тогдашней европейской мысли и поэзии был также и предметом Тютчева, находился у него в духовном обладании. Поэтому никто из европейских писателей не мог воздействовать на Тютчева деспотически. Писатели эти – пособники, советчики при Тютчеве, до конца духовно самостоятельном. Тютчев пришел из отсталой страны, но это не препятствовало ему ценить и понимать прогресс, который совершался на Западе, который указывал ему, каков будет завтрашний день России. Европейский опыт был наполовину чужим, наполовину своим. Ход истории внушал, что новая цивилизация уже становится для России той же актуальностью, что и для Запада. Тютчев и в 20-х, и в 30-х, и в 40-х годах занят темой, столь же западной, сколько и национально-русской. Тютчева беспокоило то в Европе, что надвигалось и на Россию. Тютчев во многих своих стихах, как поэт лирический, предвосхитил большие темы, общественные и личные кризисы, о которых через четверть века, не ранее того, поведал миру русский психологический роман Достоевского и Л. Толстого.

Но Тютчев в русской поэзии, в русской литературе не только предвосхищал, он также и наследовал многое. Связи его с русской поэтической традицией часто заходят далеко в глубь времени – он связан с Державиным как поэт возвышенного стиля, отдавший большому философскому темам. При этом происходит характерная перемена. Возвышенное у Державина и его современников – по преимуществу официально возвышенное, получившее свои санкции от церкви и от государства. Тютчев по собственному почину устанавливает, что именно несет на себе печать возвышенного, и возвышенными у него оказываются существенное содержание жизни, ее общий пафос, ее главные коллизии, а не те принципы официальной веры, которыми воодушевлялись старые одические поэты. Русская высокая поэзия XVIII века по-своему была поэзией философской, и в этом отношении Тютчев продолжает ее, с той немаловажной разницей, что его философская мысль – вольная, подсказанная непосредственно самим предметом, тогда как прежние поэты подчинялись положениям и истинам, заранее предписанным и общеизвестным. Только в своей политической поэзии Тютчев зачастую возвращался к официальным догмам, и именно это наносило вред ей.

Связан Тютчев, конечно, и с развитием русской интимной лирики, начиная с Карамзина и с Жуковского. К Жуковскому и к его поэзии Тютчев до конца жизни сохранил благодарное отношение. Очень сложны и не сразу открываются связи Тютчева с Пушкиным, – нередко делались попытки полного обособления этих двух поэтов друг от друга. Нет сомнения, что Тютчев с годами не отдалялся от Пушкина, но приближался к нему. Психологический анализ в лирике зрелого Пушкина оказался стихией, все более привлекавшей к себе Тютчева, вначале дорожившего лиризмом в непосредственных его формах, родственных поэзии Жуковского.

В некоторых своих интересах и в подробностях поэтики, часто весьма специальных, Тютчев совпадает с поэзией московских «любомудров» – с Шевыревым и с Хомяковым. Впрочем, Хомякова не обольщало сходство его с Тютчевым, и он отлично сознавал, насколько Тютчев стоит выше по своему поэтическому рангу.

Тютчев по своим устремлениям порой перекликается с Боратынским, будучи, однако, поэтом, глубже осознавшим собственную проблему и вследствие этого более свободным, чем Боратынский.

Подобно Гейне, мюнхенскому своему приятелю, Тютчев начинает литературную жизнь среди европейских революций 20-х годов, сделавших кризис Реставрации несомненным, хотя Реставрация и выстояла против них. Нам не должны смущать непосредственные политические высказывания Тютчева, холодные и вялые слова, написанные им по поводу «Вольности» Пушкина, едва ли дружелюбные строки, обращенные им к декабристам. Тут перед нами не весь Тютчев, не самый бесспорный. Тут больше биографии Тютчева, чем поэзии его. Всем лучшим составом своей души Тютчев стоял в родственно близких отношениях к беспокойствию и тревоге, господствовавшим тогда в Европе. Осознавал то Тютчев или нет, но именно Европа, взрытая революцией 1789 года, воодушевляла его поэзию.

Когда мы утверждаем, что перед Тютчевым созидался новый социальный мир – мир буржуазии, с ее цивилизацией, с ее формами сознания, с ее эстетикой и нравственностью, – то нужна оговорка. Вернее было бы сказать, что этот новый

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru социальный и культурный мир для Тютчева и для современников его сперва был безымянным и только медленно приобретал имя, определенность. Не столь важно, как они его называли сами. Важно, что имя пришло не сразу, оставляя простор ожиданиям, обещаниям, надеждам. Казалось, что возник на месте учреждений старого режима мир неслыханно прекрасный и свободный. Проходили годы и десятилетия, прежде чем стало ясным, насколько не случайны границы, в которые заключило себя новосозданное общество, границы, узость которых ощущалась уже вначале.

Тютчев видел вещи двояко, и в этом был дар его времени, – он видел их во всей широте их возможностей, со всеми задатками, вложенными в них, и он видел их со стороны складывавшихся итогов. Перед ним расстилалась романтическая, становящаяся Европа, и он знал также Европу ставшую, отбросившую романтизм, указавшую всякому явлению его место и время – «от сих и до сих». Сразу же скажем, в чем состояла главнейшая духовная коллизия Тютчева: в вечном ропоте «возможного» против «действительного», в вечных столкновениях между стихией жизни как таковой и формами, которые были указаны ей на ближайший день историей.

Старый порядок в Европе рушился, философы и писатели мысленно довершали его разрушение там, где оно еще не произошло на деле. В этот период, когда все в Европе созидалось заново, а вещи стойкие представлялись обреченными, естественным было торжество философских и поэтических концепций, ставивших во главе всего творимую жизнь. В первой сцене из «Фауста» Гёте (в переводе Тютчева) говорится: «Волны в бореньи, стихии во преньи, жизнь в измененьи – вечный поток...» Романтическая Европа, далеко без полных прав на это, восприняла «Фауста» Гёте как произведение, совпадающее по пафосу своему с нею. Во всяком случае, концепция «вечного потока жизни» соответствовала устремлениям романтиков. И они видели повсюду этот поток, обращенный против застоя, способный всех увлечь за собой и все победить. Тютчев переводил монологи Фауста из сцены первой, как если бы они были также и его собственным высказыванием. Он оставил нам немало переводов. Они не делались ради популяризации, с отвлеченною просветительною целью. Тютчев переводил, если чужие стихи могли быть первым очерком его будущих собственных; не однажды чужими стихами он загодя готовил себя к стихам своего сочинения.

Если современный мир уже отчасти построен заново, то Тютчев отнюдь не считает, что он построен должным образом. По Тютчеву, мир, окружающий его современников, едва им знаком, едва освоен ими, по содержанию своему он превышает их практические и духовные запросы. Мир глубок, таинствен. Тютчев пишет о «двойной бездне» – о бездонном небе, отраженном в море, тоже бездонном, о бесконечности вверху и о бесконечности внизу.

«Стихии во преньи» – переводит Тютчев строку из «Фауста». Он стремится рассматривать вещи «во преньи», иначе говоря, в их противоречиях. Позднее написано будет стихотворение о «близнецах»: «Есть близнецы – для земнородных два божества, – то Смерть и Сон...» Близнецы у Тютчева не двойники, они не вторят друг другу, один – рода женского, другой – мужского, у каждого свое значение, они совпадают друг с другом, они же и враждуют. Современник философской диалектики Шеллинга и Гегеля, Тютчев содержал ее в собственной крови. Для него естественно всюду находить полярные силы, единые и однако же двойственные, сообразные друг другу и однако же обращенные друг против друга.

Природа, стихия, хаос на одной стороне, цивилизация, космос – на другой – это едва ли не важнейшие из тех полярностей, с которыми имеет дело Тютчев в своей поэзии. Образ и идею «хаоса» он берет через Шеллинга из античной мифологии и философии. Хаос соотносителен космосу – упорядоченному, благоустроенному миру. Хаос – условие, предпосылка, живой материал для космоса. Понятие космоса в античном смысле его не встречается в поэзии Тютчева. Оно присутствует в ней отрицательным образом – как нечто, противостоящее понятию «хаос», как его «близнец», которому оно и соответствует и не соответствует.

Современник эпохи, в которой все созидалось заново – и техника, и быт, и человек, и отношения людей, – Тютчев усвоил себе особый взгляд на вещи: они для него были плавкими, видоизменяемость входила в главный принцип их. Тютчев делит их, различает в них элементы; вещи, недавно казавшиеся простыми, под рукой у Тютчева проявляют свою многосложность. Но Тютчев различает, делит, с тем чтобы снова и самым неожиданным образом сблизить разделенное. Он исходит из предположения, что все существующее обладает единством, что всюду скрывается однородность. Можно думать, он ради того и разбирает оттенки явлений,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru противопоставляет одно явление другому, чтобы глубже проникнуть в единую природу, в которой все они содержатся.

Поэзия классицизма поступала по-иному. Для нее мир был строго расписан по логическим отделам и подотделам, исключаям всякое взаимное смешение. Следы этого мы находим еще у Пушкина. В его элегии «Погасло дневное светило...» (1820) повторяется строка: «Волнуйся подо мной, угрюмый океан...» Волны океана суть у Пушкина не что иное, как именно волны океана, волны материальные, природе материальных вещей принадлежащие. В элегии велик соблазн объединить в одно волнение души с морским волнением, но все же Пушкин не позволяет двум категориям сплыться так, чтобы граница между ними утерялась. Мы читаем в элегии: «С волненьем и тоской туда стремлюся я...» У этого «волненья» опасная близость к словам рефрена «Волнуйся подо мной...», и тем не менее здесь и там – разные слова; мостов метафор и сравнений Пушкин между ними не перебрасывает. У Пушкина дается отдаленный намек на возможное отождествление двух понятий, двух слов, двух образов, относящихся к внешней жизни и к внутренней жизни, на самом же деле отождествление не происходит. Совсем по-другому пишутся стихи у Тютчева: «Дума за думой, волна за волной – два проявленья стихии одной...» Уподобление волны морской человеку, его душе – одно из наиболее привычных в поэзии Тютчева. Для Тютчева нет больше заветных старых границ между одними категориями жизни и другими. В отношении поэтического языка и образности Тютчев беспредельно свободен. Он заимствовал из своей эпохи дух ниспровержения. У Тютчева-поэта отсутствуют какие-либо незыблемые принципы иерархии вещей и понятий: низкое может сочетаться с высоким, они могут меняться местами, они могут бесконечно переоцениваться. Поэтический язык Тютчева – это бесконечный обмен образа на образ, неограниченная возможность подстановок и превращений. В стихотворении «Конь морской» взят образ натурального коня, того самого, которого содержат в конюшне, со всеми словами натурального значения, относящимися к нему. На элементарные образы и слова набегает, набрасываются совсем иные, более высокого поэтического ранга, – слова о морской волне. И те, и эти проникают друг в друга, одни становятся на место других, во второй половине стихотворения вплоть до последней, заключительной строки мы все читаем о коне, а косвенно здесь описана волна морская, и только последняя строка внезапно обнаруживает ее. В «Коне морском» дается цепь сравнений. Еще не все исчерпано сравнением коня и волны морской. В стихотворении подразумевается третья, самая высокая сила – душа и личность человеческая. Они подобны волне, и они же трагически отличны от нее. Изменчивые, как волны, нестойкие в том или ином образе, полученном ими, они не столь весело и беззаботно прощаются с этим своим образом, как делают это морские волны – морские кони.

Тютчев не ведает предрассудков в своем поэтическом словаре, он сближает слова разных лексических разрядов, метафора у него объединяет слова и понятия, на многие и многие версты удаленные друг от друга. Царство языка у него проходимо все насквозь, во всех направлениях, как проходим у него, без застав, весь реальный мир. Время Тютчева – время отмены в Европе старых привилегий и преимуществ, время возвращения к первоначальному равенству, на основе которого, как предполагалось, должны были по-новому возникнуть различия как в среде вещей, так и в среде людей. Всеобщая плавкость, всеобщее возвращение к первостихии, к хаосу, к природе, из которых заново выработываются космос и культура, – вот что лежит в последней глубине тютчевских представлений о мире и тютчевского языка.

Мир для Тютчева никогда и ни в чем не имеет окончательных очертаний. Все предметы, все законченные образы ежедневно рождаются заново, должны ежедневно подтверждать себя. В существе своем они всегда текучи. Тютчев в стихотворении «Альпы» описывает, как рождается в Альпах утро – после тяжелого распада, происходившего ночью, опять складывается светлый, блистающий альпийский пейзаж. То же понимание природы в «Утре в горах» – за радостным обликом ее стоит предварительная трудная работа: были палаты, они стали руинами, и из руин возводятся опять палаты. Замечательно стихотворение более зрелой поры «Вчера, в мечтах обвороженных...», описывающее, как возникает утро в опочивальне красавицы. Все вещественное, отчетливо зримое представлено здесь полурасплавленным, как бы подсмотрена тайна, что делается с вещами, когда человек не пользуется ими, в тихий утренний час. Ковры – «темно брезжущие», как называет их Тютчев. Ковры превращены в переливы теней и красок. Женщина, ее постель, предметы вокруг изображаются как если бы это был материал для ковра, который вот-вот возгорится. Солнце вошло в окна, и солнечный свет поджигает одеяло, бежит навстречу красавице. В четырех последних строках описаны солнце, его утренние хождения, и солнце ни разу не названо, нет существительного, есть только

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru местоимение «оно», есть множество очень цветных, живописных прилагательных, даны и глаголы, не менее живописные. Тютчев лишает солнце предметной формы, все оно – потоки света, змеящаяся сила, обособленная от своей субстанции, явление прелестное, обольстительное и неопределимое: «Дымно-легко, мглисто-лилейно Вдруг что-то порхнуло в окно».

По Тютчеву, владеть каким-то явлением – это знать его не только в готовом виде, но и в черновом, недосозданном. Утро нужно знать с самого его рождения, человека – в те минуты, когда открывается подпочва его личности, когда все острое и характерное в нем ослабевает. Это не значит, что Тютчев черновое состояние ставит выше белого, дохарактерное выше характерного. Он хочет знать, какие еще возможности содержатся в человеке, чем и как он способен обновлять себя. Очевидно, в этом смысл стихотворения «Тени сизые смешались...», в котором как бы воспроизводится генезис личной души, начиная от первозданного безразличия, где личное еще не отделилось от безличного, сознательное от материального – «Всё во мне, и я во всем». Здесь допустима некоторая аналогия с Шеллингом, считавшим, что воспроизводить историю вещей, их генезис – это и значит познавать их по существу. В стихотворении «Тени сизые смешались...» человек как бы нырнул в собственную предысторию, которая, однако, шире того, что он сделал из нее в своей сознательной жизни. Здесь слышны и тоска расставания с самим собой, и восторг каких-то новых приобретений, возможных для человеческой личности, познавшей свои богатства, так и оставшиеся без движения. Лев Толстой плакал, читая эти стихи, повествовавшие о том, как человеческая личность предаёт себя гибели ради собственного возрождения, наступающего вслед за гибелью.

До конца поэтического пути сохранилось у Тютчева чувство первородного целого – того единства, из которого все родилось, а также чувство условности всяких границ между явлениями, понятиями, словами. Метафора у Тютчева готова развернуть свои силы в любом направлении, не боясь, что ей станут сопротивляться. Сопоставления у Тютчева возникают вопреки всем мыслимым преградам. В начале 1871 года Тютчев сочинил четверостишие, необыкновенное по своей поэтической смелости:

Впросонках слышу я – и не могу
Вообразить такое сочетанье,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.

В поздних этих стихах в предельном виде выражен принцип тютчевского стиля – непризнание категорий как абсолютной силы, отделяющей вещь от вещи. У Тютчева падают преграды времен года, он пренебрегает здесь порядком времени вообще. В этих стихах нет метафор, нет и сопоставлений, – простейшим образом следуют и названы друг за другом явления, которым природа никак не позволяет находиться вместе. Через весь мир идет сквозная перспектива, все прозрачно, все пронцаемо, весь мир отлично виден из конца в конец.

По облику своему Тютчев – поэт-импровизатор. Он высоко оценивал в человеке игру естественных, произвольных сил. Сам Тютчев в своей поэзии как художник, как мастер опирается на этот элемент «природы» в собственной душе – на стихию импровизации. Тютчев следует собственным наитиям, возлагает надежды на прихоть чувства и мысли – они сами должны вывести его на верный путь. В поэтическом изложении он делает крутые прыжки и повороты, узаконивает внезапные свои находки – будет ли это поэтическая идея, будет ли это слово, – твердо верит в правоту своих догадок, не ища доказательств для них.

Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту?..

(«Нет, моего к тебе пристрастья...»)

В этих стихах – импровизаторская программа Тютчева. Он отдается впечатлениям жизни, идет за ними, благодарный тому, что они подсказут, что внушат. Как подлинный импровизатор, он сочиняет по мгновенно пришедшему поводу, без подготовки и безошибочно верно. Впечатление импровизации, несомненно, придает особую действенность стихам Тютчева. Романтическая эпоха, к которой принадлежал Тютчев, чтит импровизаторов, их считали художниками высочайшего разряда, черпающими из первоисточников жизни и поэзии. Не требовали, конечно, чтобы поэт был импровизатором на самом деле, дающим перед публикой сеансы, как приезжий итальянец, описанный в повести Пушкина[5]. Но от поэтического стиля ждали импровизаторского натиска, неожиданности и стремительности.

3

Тютчев часто и упорно объявлял себя пантеистом. Стихотворение «Не то, что мните вы, природа...» – красноречивая декларация пантеизма, притом весьма приближенного к философии Шеллинга.

Пантеизм, в тех или иных своих мотивах, коснулся едва ли не всех людей искусства, подвизавшихся в конце XVII – в первые десятилетия XIX века. Тут были романтики всех поколений и всех направлений – немецкие, английские, отчасти французские, тут были и в стороне от романтизма стоявшие художники – такие, как Гёте, Бетховен. В России с большей или меньшей явственностью настроения пантеизма уследимы у Лермонтова, Боратынского, Веневитинова, Кольцова. Свое теоретическое обоснование – далеко не всегда заботившее людей искусства – пантеизм получил у Шеллинга в ранней философии тождества.

Пантеизм этих десятилетий – явление, двойственное по своему смыслу. Направленный против официальной религии, он все же и сам является религией своего рода. У Тютчева написались стихотворения, почти саркастические в том, что относится к религии и к церковности: «Я лютеран люблю богослуженье...», «И гроб опущен уж в могилу...». Оба они – вызов Реставрации, с всепременными для нее елейностью и ханжеством. И все же у Тютчева держалась некоторая религиозность даже в самые его вольнодумные годы – религиозность в Шеллинговом, пантеистическом смысле.

Пантеизм устранил религию из ближайшего бытового окружения человека. Под влиянием пантеизма домашние и церковные алтари опустели. Пантеизм отселил религию в глубь природы. Верховное божество прежних религий получило новое имя и осмысление: у Шеллинга это абсолют, «мировая душа», вечная духовная сущность материальной природы, тождественная с нею. Казалось бы, пантеизм сделал серьезные уступки в пользу мира материального. «Нет, моего к тебе пристрастья Я скрыть не в силах, мать-Земля!» – пишет Тютчев, в духе Шеллинговой философии оправдывая чувственность. Казалось бы, пантеизм стоит за богатство и красоту развития – под рукой у Шеллинга он и был прежде всего теорией развития. Однако пантеизм при каждой своей уступке слишком многое снова отнимал – пантеистический бог не столько предоставлял на долю материального мира, сколько поглощал в собственную пользу.

Пантеистическая лирика Гёте, Байрона, Тютчева следовала своему особому, живому импульсу, была подсказана средой, исторической минутой, обладала чисто светским, психологически реальным содержанием, к которому догматика пантеизма присоединялась только дополнительно. Поэты, художники ощущали огромную жизненную силу, накопленную в них самих, в современниках, и сила эта требовала распространения. По главному импульсу своему лирика Тютчева – страстный порыв человеческой души и человеческого сознания к экспансии, к бесконечному освоению ими внешнего мира. Поэт богат, время его обогатило, и настолько, что собственного духовного бытия ему хватает на других, на все вещи, какие есть в мире. Лирика Тютчева твердит нам о тождестве человека и коршуна, который кружит в воздухе, человека и нагорного ручья, человека и бедной ивы, нагнувшейся над водой. В лирике Тютчева весь мир приобщен к сознанию и воле. Отсюда не следует, что философия тождества таким образом доказана. На деле доказано совсем иное: вся суть – в человеке, находящемся в центре этой поэзии, в интенсивности его внутренней жизни. Щедростью человека, щедростью эпохи, душевно одарившей его, держатся все предметы, описанные в этих стихотворениях, – ивы, камни, ручьи, коршуны, морские волны. Тютчев обладал правом на внутреннюю гиперболу – напряжение души, «энтузиазм» были столь велики, что позволено было возводить их в еще и еще дальнейшие степени. В поэзии Тютчева внутренняя сила жизни далеко отодвигала положенную ей границу, отождествляя себя с предметами предметного мира. Она выражала так свою безбрежность, масштабы своей власти над миром. Эта сила готова была на приступ, если перед ней находились предметы, по сути своей недоступные для нее. Сфера ее распространения – «от земли до крайних звезд», как говорится у Тютчева. Думаем, это и придает всегдашнюю живость пантеистической лирике Тютчева, независимо от самого пантеизма, от его догмы. Вот этот объем жизни, вот эта энергия жизни («струй кипенье»), вот эта вдохновенность и вдохновительность ее – они-то и передаются и будут передаваться от поколения к поколению, независимо от философских концепций, к которым была близка лирика Тютчева. Можно быть равнодушным к этим концепциям, можно быть враждебным к ним, а лирика Тютчева переживается тем не менее с благодарностью, со всей полнотой сочувствия к ней.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru Самому Тютчеву концепции и догмы пантеизма нужны были, однако. Сила жизни и сознания в его поэзии, конечно, не являлась одинокой силой поэта. Эпохальное, коллективное содержание входило в эту силу, без этого содержания она никла. В 1823 году Тютчев с воодушевлением, очень бодрими словами переводил на русский язык «Песнь Радости» Шиллера, которая как раз и посредствует между старыми деистическими концепциями просветителей XVII века и новым, романтическим пантеизмом:

Душ родство! О луч небесный!
Вседержащее звено!

К небесам ведет оно,

Где витает Неизвестный!

«Неизвестный» Шиллера и Тютчева – это высшая санкция, которая дана коллективной жизни людей. «Душ родство» – моральная близость между людьми, санкционированная этой верховной властью, наблюдающей за ними издали. Следует напомнить, что именно в переводе-переложении Тютчева звучит «Песнь Радости» Шиллера у Достоевского в «Братьях Карамазовых» [6], в романе, где по-новому дана жизнь многим из тютчевских мотивов, общефилософских, этических и социальных.

Пантеизм Тютчева – некая утопия, философская, социальная и художественная. Перед современниками Тютчева, пережившими французскую революцию, лежали хаос, природа – первоначальный строительный материал, из которого воздвигались новое общество, новая культура. Пантеизм – это собственный проект строительства, предложенный и Тютчевым и другими в виду реального строительства, которое шло тут же рядом и далеко не всегда их радовало. Нужно было высветлить хаос, внести в него разумную организацию, добро, человечность. Нужно было пустить в дело человеческую рать, в которой все и каждый в действиях своих были бы связаны узами общего замысла. И так как проникнутая индивидуализмом буржуазная общественность не являла собой этих сплоченных сил, то новый град земной строился отчасти по устаревшему образцу, с помощью ангелов, как в Библии.

Этим и объясняется, что поэзия Тютчева, выражавшая мощь человеческого сознания, силу развивающейся жизни, нуждалась все же в некоторых гарантиях религиозного или полурелигиозного характера, а они-то и приходили со стороны «мировой души», прокламированной у Шеллинга.

Как представлял себе Тютчев развитие современного мира в идеальном его образце, можно судить, например, по стихотворению «Над виноградными холмами...». Стихотворение это описательное, замедленное и торжественное. Описано движение, очень плавное, уступ за уступом, от низших областей пейзажа к высшим. Сперва говорится о виноградных холмах, о реке, о горах, которые надо всем нависли, и кончается все «круглообразным светлым храмом», поставленным на краю вершины. Пейзаж с виноградниками – это еще природа, но переходящая в цивилизацию, это бывший хаос с уже приобретенными чертами культуры и разума. Круглообразный храм – цивилизация, искусство в их чистоте, в освобожденном их виде. Движение завершается храмом – доведено до тех пределов, в которых усматривает свои последние высоты пантеизм. Четыре вступительные строки стихотворения движутся строго параллельно, поэтический синтаксис внутренне соразмерен, эпитеты находят в центре строк, понятия, к которым эпитеты тяготеют, – на краях, в рифмах. Неспешным движением природа переходит в цивилизацию, в творение рук человеческих, зато переходит – вся. Развитие совершается как бы освобожденное от суетности времени. В последней строке у Тютчева создается атмосфера некоторой блаженной пустоты, – идеал жизни выступает за пределы самой жизни, не допуская вблизи себя ничего способного внести смуту или огрубить его.

Тютчев в такой же степени пантеист и шеллингист, в какой он и бурный, неудержимый спорщик против этих направлений. Благообразная утопия не могла рассчитывать на его постоянство, он был слишком открыт влияниям действительности. Даты стихотворений Тютчева указывают, что здесь нет никакой хронологической последовательности: сперва одни позиции, потом другие. Свой манифест пантеизма «Не то, что мните вы, природа...» Тютчев пишет, очевидно, в 1836 году, а гораздо ранее, в стихотворении «Безумие» 1830 года, решительно и гневно высказывается против каких-либо идей в шеллинговском духе. Он и верил в эти идеи, и не верил поочередно, он метался от утверждения к отрицанию и обратно. Как это почти всегда бывает в его стихотворениях, Тютчев и здесь, в «Безумии», исходит из наглядного образа, со всей энергией прочувствованного, – из этой же энергии чувства почерпается у Тютчева и философская мысль. Описан пейзаж засухи, грозный, безотрадный в каждой своей подробности; бездожде,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru безветрие, солнечный пожар, человек затерян и затерт в горячих, иссушающих песках. Органическая жизнь, как кажется, прекратилась навсегда. А человек все еще «чего-то ищет в облаках» – ищет пантеистического бога, ищет признаков «мирской души», которая была бы милостива к нему, послала бы дождь, влагу, жизнь. В этом и состоит безумие человека. В последней строфе описано, как человек этот, припавший ухом к земле, надеется услышать движение вод, бьющих под землей. К последней строфе существует комментарий (К. В. Пигарева[7]): Тютчев подразумевает «водоискателей» (les sourciers). Комментарий этот можно продолжить. Водоискатели, рудознатцы – люди особого значения в глазах Шеллинга и его приверженцев. Водоискатели – посвященные, доверенные лица самой природы, Тютчев мог слышать в Мюнхене о прославленном водоискателе Кампетти, в 1807 году призванном в этот город. Кампетти был любимцем мюнхенских шеллингистов – Риттера, Баадера и, наконец, самого Шеллинга. О водоискателях Шеллинг писал в своих размышлениях о человеческой свободе (1809)[8], хорошо известных Тютчеву. Таким образом, последняя строфа «Безумия» – по сюжету своему «строфа Кампетти» – точно указывает, с каким миропониманием ведет свой спор Тютчев.

В «Безумии» перед нами человек-одиночка, тот самый, для которого непосильно нести на одном себе долг одушевления мира, и поэтому все так бесплодно и безответно вокруг него. Пантеизму нужен был некоторый намек на широкие плечи коллективного человечества, чтобы возложить на них бремя всеобщей одушевленности.

В 1833 году Тютчев написал стихотворение:

С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? Никто не знает ныне –
Сорвался ль он с вершины сам собой
Или низвергнут мыслящей рукой?
Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.
<<Problème>>

В 1857 году Тютчев снова воспроизвел это стихотворение – в альбоме Н. В. Гербеля, с вариацией в четвертой строке. Вместо стиха: «Или низвергнут мыслящей рукой» – написан был стих: «Иль был низринут волею чужой». Тютчев существенно исправил текст, хотя и с запозданием почти на двадцать лет. В первой редакции тема двоится и теряет ясность: «мыслящая рука» – эпитет сбивает с верного следа. Ведь философский вопрос не в том, мыслящая ли рука толкнула камень или же не мыслящая. Сюжет и проблема этого стихотворения не в руке, но в камне, в том, какова его судьба, каков способ его существования. В альбоме Гербеля появился наконец настоящий эпитет, соответствующий теме: сказано о «воле чужой», а это и было важно – к камню приложили внешнюю, чужую силу. Спор идет именно по этому поводу: каковы отношения камня ко всей природе в целом, как связаны в природе ее элементы – внешней связью или внутренней. Стихотворение Тютчева и в том и в другом своем виде перекликается с известным высказыванием Спинозы в письме к Г. Г. Шуллеру: обладай летящий камень сознанием, он вообразил бы, что летит по собственному хотению. В позднейшей редакции стихотворение Тютчева отчетливее выражает мысль Спинозы. По Спинозе, природа неорганична, она механизм сил, соединенных друг с другом внешней причинностью. Раздумья над Спинозой, готовность признать его философию снова показывают нам, как было и в стихотворении «Безумие», сколь часто сомневался Тютчев в природе по Шеллингу – живой и человекообразной. Сам Шеллинг в свое время шел от Спинозы, но ставил себе целью преодолеть его механистические и рационалистические мотивы. Для Тютчева этот сделанный Шеллингом труд преодоления отменяется – перед Тютчевым снова «философия камня», внешних сил, соотношенных друг с другом по законам механики и геометрии. В стихотворении своем 1836 года Тютчев писал, гневаясь на инакомыслящих:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик...
А здесь он сам уверяет: природа – слепок, природа – бездушный лик, жизнь и сознание – случайный придаток к ней.

Для пантеизма, для философии Шеллинга органическая жизнь являлась ключом к бытию; неживая природа рассматривалась как вырождение органической, как частный и аномальный случай ее.

Пантеизм брал под свое покровительство всю органическую жизнь в целом. Без

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru предпосылкой пантеизма перевес, казалось, переходит на сторону механистических концепций, согласно которым жизнь – «игра внешних, чуждых сил». В стихотворении 1836 года Тютчев сталкивает две концепции – органическую и механистическую – ради прославления первой и ради посрамления второй. Но стихи о камне меняют дело, в них все оценки – обратные.

Колебания Тютчева зависели от того, чью точку зрения он принимал – мира возможностей и желаний или же мира наличного и действительного. То и дело Тютчев переходил от мечтаний, «чудесных вымыслов» к фактам, и ему видна была тогда на большую глубину зловещая суть европейской жизни.

Тютчев по-своему и очень напряженно переживал противоречия современного мира. Ему свойственно было и романтическое чувство бесконечности резервов жизни, ее внутренних возможностей, и другое чувство, тоже романтическое, – отнормальности, стесненности всякой жизненной формы. Что бы ни представало перед Тютчевым, он всегда подозревал великие несоответствия между явным и тайным, наличным и скрывающимся, идущим в жизнь и уже пришедшим в нее. Повседневная практика обнаруживала, что современный мир находится в распоряжении воинствующего индивидуума и его «злой жизни», как названа она в тютчевских стихах. Повсюду сказываются последствия и отголоски этой «злой жизни», столько же губительной, сколько и всепроникающей.

К теме человеческой личности Тютчев относился со страстью, естественной для просвещенного русского, испытавшего режим Аракчеева, потом императора Николая. Стихи, написанные Тютчевым по поводу его наездов в Россию, всегда об одном и том же: как мало жизни и движения в родной стране, в каком загоне находятся здесь человек и его инициатива. Юным студентом Тютчев говорил Погодину: «В России канцелярия и казарма», «все движется около кнута и чина» [9]. В зрелых стихах он пишет о «сне железном», которым все спит в империи царей (сравни с «зимой железной» в стихотворении о декабристах). «Человек лишь снится сам себе», – говорит Тютчев о российской действительности. Он ощущает мертвенный покой; всех и вся умышленно содержат в скудости, проявления жизни похожи на «лихорадочные грезы». Были трагические жалобы на социальную несудьбу России у Пушкина, потом у Гоголя. Жалобы Тютчева одного источника с ними.

Личную свободу, возведенную буржуазными революциями, Тютчев воспринял жадно. В 20-х годах, после смерти Байрона, Тютчев воскрешает байронические темы. Тютчев снова трактует тему личности с первозданной остротой и смелостью.

Лирика Тютчева в отношении личности, трудностей и парадоксов ее судьбы предвосхищает позднейшее – роман Достоевского и Л. Толстого. Буржуазное общество знало только одну форму утверждения личности – индивидуализм, риск индивидуальной свободы, оторванности от массы, свободы для одиночек, то есть свободы фиктивной, так как общество в целом не было свободным, не распоряжалось ходом собственной жизни. Индивидуализм в поэзии Тютчева – горькая неизбежность для современной личности, в такой же степени ее эмансипация, как и разрушение. Индивидуализм – великие притязания и малые свершения, широта, грандиозность жеста и спертость, сжатость, удушье во всем, что относится к внутренней жизни личности. Это полюсы, между которыми качаются и герои Достоевского – Свидригайлов или Ставрогин. Тютчев и сопротивляется индивидуализму, и сам бывает его безвольной добычей. Индивидуализм у Тютчева всего нагляднее выражен в той области, где, казалось бы, он менее всего уместен, – в лирике любви. Если его находят и здесь, то, значит, он вездесущ. Лирика любви у Тютчева подчеркивает, что нет и в любви внутренних путей от человека к человеку. Любовь у Тютчева – некоторое самоотчуждение, отказ от собственной личности во всей ее глубине и подлинности. Стихотворение «Восток белел, ладья катилась...» – собственно, рассказ о юной женской душе, которая готовит себя к самозакланию. Она предает себя любви, прощаясь со всем беспечным, светлым, святым, что она знала. О любово-страсти как о таковом говорят и другие стихотворения Тютчева, посвященные любви: «Ты любишь, ты притворствовать умеешь...», «В душном воздуха молчанье...», «Люблю глаза твои, мой друг...». Любовь трактуется как умышленная неполнота в отношениях людей, как некоторая преступная односторонность, овладевшая этими отношениями, вопреки человеческому сознанию и воле.

Человеческая личность, получившая свою свободу, тем не менее лишена главного: ей не дано изжить себя, она полна избыточной жизни, для которой нет выхода. Человек раскрывается с помощью других и через других. Если у него нет путей к этим другим, то он остается нем и бесплоден. Знаменитое «*silentium!*» вовсе не есть

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru диктат индивидуализма, как иногда толковали это стихотворение. Здесь оборонительный смысл преобладает над наступательным. Более того, стихотворение это – жалоба по поводу той замкнутости, безвыходности, в которой пребывает наша душа.

Два стихотворения Тютчева, вероятно близкие по дате, говорят об одном и том же – о том, что личность человеческая не осуществляет себя сполна и обречена на внутреннюю жизнь, которая никогда не станет внешней. Это – «В толпе людей, в нескромном шуме дня...», «Ты зрел его в кругу большого света...».

По Тютчеву, мысль, духовная деятельность человека не менее стеснены, чем жизнь его эмоций. Замечательно стихотворение «Фонтан». Тютчев нашел зрительный образ, превосходно уясняющий внутренние отношения. Струя фонтана выбрасывается с необыкновенным напором, с вдохновением. Казалось бы, струя предоставлена самой себе, собственной энергии, для которой невозможна граница извне. Тем не менее граница налицо, заранее установлено, до какой черты поднимется струя, высота ее – «заветная», определил ее строитель фонтана. Каждый раз, когда высота достигнута, струя не собственной волей ниспадает на землю. Такова же предначертанность человеческой мысли. И ей предуказано, без собственного ее ведома, где и в чем ее предел. Мысль мнит себя свободной, безотчетной, а осуществляется она через формы, ей чуждые и роковые для нее. Мысль – явление живое, первородное. Тем не менее над нею властвуют механизм, сделанность, неподвижность.

«Фонтан» держится на поэтическом сравнении – прием, обычный у Тютчева. Он охотно сводил целое лирическое стихотворение к параллельному развитию двух тем, к скрещиванию их. Сравнение у Тютчева плодотворно – оно добавляет нечто новое к нашему пониманию вещей. Мысль Тютчев сравнивает с водометом. Следовательно, наша мысль нечто большее, чем мысль только, в ней содержится стихия, в ней участвует весь человек. В первой строфе Тютчев применяет слово «фонтан» – слово чужеземное, технологическое. Во второй только строфе появляется слово «водомет» – слово свое, национальное, живописующее и характерное. Перед нами два словесных варианта того же образа: в одном варианте человеческая мысль – мертвая форма, в другом – непосредственная жизнь, движимая изнутри.

Стихотворение «Фонтан» – тютчевская, русская разработка темы «Фауста», точнее – романтических мотивов, свойственных этому в общих своих итогах ничуть не романтическому произведению. У Гёте Фауст проходит через те же мучения: он не может принять пределов, поставленных его познанию, стесняющих его духовный опыт. Инициативное, новаторское, наступательное – «природное» – вступает у Фауста в конфликт с коллективным, формальным, традиционным – с цивилизацией. Тютчев изложил фаустовскую тему с удивительной энергией и краткостью. В этом состояли преимущества русской поэзии и русской мысли, трактовавших тогда всемирные темы. Русские авторы пришли к темам буржуазного общества и буржуазной культуры, когда Запад уже произнес свои первые обобщающие слова. Поэтому России предоставлена была последующая ступень: обобщение обобщения. Напомним о маленьких драмах Пушкина с их западными сюжетами или же о его «Сцене из „Фауста“», одной-единственной, которая, по видимости, должна была заменить «Фауста» большого, развернутого, каким его знали на Западе.

По-особому вошла фаустовская тема и в стихотворение «Что ты клонишь над водами...». Скромная ива, героиня этого стихотворения, близка к фольклорным образам, что у Тютчева в редкость. Струя бежит и плещет, а иве не достать до струи. Не сама ива клонится, как хочет, а у нее наклон, который ей придали. Ива здесь олицетворяет человека и его духовную судьбу. Вода бежит мимо, иве не позволено коснуться ее своими устами. Стихия жизни находится подле, и ни человеку, ни иве не дано соединиться с нею в одно. Связь человеческой личности с природой, с непосредственной жизнью не прямая, но круглая – именно это и открывается с простейшей наглядностью в маленьком стихотворении Тютчева. Мы знаем, как идет эта связь – через культуру, через формы культуры и общества, как это подразумевалось в поэтической образности «Фонтана». Ива не собственным произволом живет, ее поместили, ее наклонили, ее определили внешней силой. Неуловимая струя смеется над ивой-неудачницей. Еще в 20-х годах Тютчев по-своему передал стихотворение Гейне о сосне и пальме – у Тютчева это были кедр и пальма. Деревья как заменители человека в драме чувств и отношений не были, таким образом, новостью для поэтики Тютчева.

Гейне называл иные свои стихотворения «колоссальными эпиграммами». По-особому

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru можно применить это и к Тютчеву. Стихотворения его – эпиграммы, в них энергия, сжатость и острота надписей. Они колоссальны – по смыслу, который обнят ими. Тютчев – своеобразный классик в романтизме. Он умел сообщить определенность самим неопределенностям романтизма, устойчивыми словами высказать зыбкие его истины. Для романтизма русского и мирового стихотворения Тютчева – формулы формул, последние слова, кладущие конец спорам, которые велись десятилетиями.

4

Тютчев дает обобщенный образ духовным силам, скрытым в отдельном человеческом существе, осужденном на «молчание» («Silentium!»). Он пишет стихотворение о ночном гуле над городом. Речь идет не о думах одиночек, речь идет о человеческих множествах. Думы человеческой толпы освобождаются во сне, от них, от этих дум, стоит ночной гул. Весь город бредит жизнью, которая днем владела им и не была истрачена, – в ночные часы, в снах она уходит от людей («Как сладко дремлет сад темно-зеленый...»).

Тут шире обычного обнаруживает себя главенствующая тема Тютчева – возможностей жизни, не поглощенных ее действительностью. Вокруг современного индивидуализма – возможности жизни цельной, широкой, богато общительной, а он все рвет и рушит. Старый мир завещал ему хаос, из которого он должен бы построить собственный космос; как одиночка, он сам носитель хаоса, он узаконивает хаос, расширяет его область.

В изображении Тютчева вся эта первоматерия, весь этот хаос, все эти возможности, с которых должно бы начинаться строительство современного мира, остаются большей частью не у дела, им не дано формы, не дано признания, и они тогда превращаются в злую силу и бунтуют. Очень важна у Тютчева особая парная тема: ночь и день. Ночь – это вся область жизни, в полном составе своих могуществ, день же – это жизнь, которой даны форма, обдуманное устройство. Эти образы-понятия и соответствуют, и не соответствуют другим тютчевским «близнецам» – хаосу и космосу. По Тютчеву, ночь и день – образы, выражающие хаос и космос в их современном состоянии. Область дня в современном мире слишком узка – на долю космоса приходится немного. Область ночи чересчур обширна – современность предоставила хаосу преувеличенные права.

Сам ясный день, по Тютчеву, изнутри себя темен, обременен чем-то непосильным для него, одолевающим: «Жизни некий преизбыток в знойном воздухе разлит...». Тютчевская ночь как бы разоблачает жизнь дня: что скрывалось за кулисами дня, то в ночные часы предъявляет себя человеческим взорам во всей своей бесформенности. Одно из важнейших «ночных» стихотворений Тютчева начинается строками:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...

Эти сны – возможности, так и оставшиеся в недрах земной жизни, силы, не вошедшие в ясное сознание людей, хотя и управляющие людьми. От этих сил люди днем хотят и умеют отделаться, ночью зрелище этих сил становится неотвязным. Ночью кругозоры жизни бесконечно раздвигаются: «...звучными волнами стихия бьет о берег свой». Ночное освещение отличается широтой и беспощадностью. Стихотворение это ни в коей мере не является похвалой хаосу и ночи – оно говорит о них как о началах, нуждающихся в обуздании и дисциплине. Все несчастье в том, что современные способы управлять этими началами вызывают в них только возмущение. Все стихотворение – парафраза монолога Просперо из «Бури» Шекспира. Этот маг и волшебник, шекспировский фауст, знал способы подчинять стихию человеческому уму и воле. Тень Просперо, которая носится над этим стихотворением, важна для понимания его смысла.

Могущественные первостепенные начала жизни предстают перед современным человеком только ночью, – им придается, таким образом, еще и оттенок чего-то опасного, криминального, вражеского. Человек изгнал их за пределы своей дневной, сознательной практики, и они возвращаются к нему в темный час, бунтуя и угрожая. Поэзия Тютчева полна этого чувства грозного напора на современность ее собственных сил, которые попытались свести на нет или изгнать. Творимая жизнь, с которой обошлись мелкодеспотически, несоответственно природе ее, превратилась в источник бед и катастроф. Тютчев однажды называет хаос «родимым», то есть родственным человеку. Стихия жизни, способная быть другом человека, вдохновлять его, становится при дурном с нею обращении разрушительной, пагубной силой. Во множестве стихотворений Тютчев описывает страх и ужас ночи – образной, метафорической. Если человек держится норм разума, добра, общественности, если

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru он ищет разума и в стихии, то он найдет разум в глубине ее. Если же он сам анархичен, произволен, то стихия явится к нему со своей темной стороны и не пощадит его. Несчастный Хома Брут, тупой ко всему на свете, что не было его плотским интересом, что не было его бурсацкой повседневностью, понес у Гоголя страшное наказание, жизнь обернулась к нему бессмысленным, темным, убийственным лицом Вия, духа земли, и отомстила ему сторицей за его бесчувственное к ней отношение. Близость к Вию не случайна. Гоголь вступал в пределы той же ночной темы, которая беспокоила и Тютчева. «Ночные стороны» природы и души – тематика и символика литературы первых десятилетий XIX века, как позднеромантической, так и реалистической, обратившейся к человеку эпохи капитализма, к его сознанию, к его морали. В эту литературу входили философы-шеллингисты и романтики Тик и Гофман, реалисты Гоголь, Бальзак, Мериме. Делались попытки, малоубедительные, связать Тютчева с ночной темой XVIII века, с Юнгом и другими предромантиками. На деле связи Тютчева и в этом случае резко современные, сближавшие его с самыми характерными явлениями окружающей литературы.

Когда Тютчев пишет о цивилизации, каков ее день, то появляются многозначительные, весьма им продуманные определения. Цивилизация и день цивилизации – «золотой ковер», который свертывается, когда приходит час для иных сил. Цивилизация – «ковер златотканый», накинутый над бездной. В стихотворении «Сон на море» цивилизация – золотой мираж, арабская сказка: «сады-лабиринфы, чертоги, столпы». Буря качает ночью корабль, человеку, который спит в корабле, снится этот сон цивилизации – «грохот пучины морской». Цивилизация, как ее порой освещает Тютчев, – несерьезна, в ней слишком много искусственности, орнаментальности и слишком мало грубой, здоровой природы. Тютчев в отношении цивилизации и эллин и скиф: как эллин, он умеет ценить ее красоту; как скиф, он презирает ее неподлинность, непрочность. Цивилизация провоцирует хаос – и своей слабостью перед ним, и своими насилиями, оскорбляющими его.

С точки зрения эстетики Тютчев колеблется между прекрасным и возвышенным. Уже в XVIII веке делались строгие различия между этими категориями. Прекрасное – ласковое к человеку, прирученное им, сообразное ему. Но в прекрасном нет силы, величия и серьезности. Кто выбрал прекрасное, тому в удел переходят одни мелочи и блески. Крупное, внушительное, обладающее властью над людьми лишено красоты и привлекательности, оно сурово, оно по-недоброму возвышенно. Эти различия в эстетике установил уже Эдмунд Берк. Уже ему была ясна постоянная коллизия в искусстве буржуазного общества: на одной стороне красота без масштаба и без существенной силы, на другой – масштаб и сила, зато враждебные красоте. Тютчев делает свой выбор мужественно. Как поэт, он будет там, где наибольшие жизненные силы, пусть они и проявляются под маской безобразия. В стихотворении «Μαλα αγία» Тютчев недоверчиво высказывается о красоте – не есть ли она всего только легкий заслон, который ставится перед злыми явлениями жизни с целью нашего с ними примирения. Как Пушкин, как Лермонтов, как Некрасов, так и Тютчев против красоты малой, непрочной, двусмысленной. Он устремлен к большой жизни. Красота должна покорить эту жизнь, если хочет оправдать себя, – пусть сегодня здесь все безотносительно к красоте или даже противоположно ей.

В «Видении» точно говорится, в чем призвание поэзии, где находится настоящая область ее:

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
□□□□□□□□И в оный час явлений и чудес
□□□□□□□□Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.
Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
□□□□□□□□Беспамятство, как Атлас, давит сушу...
□□□□□□□□□□□□□□□□Лишь музы девственную душу
□□□□□□□□В пророческих тревожат боги снах!

В этом стихотворении все от начала до конца выдержано в духе и стиле античности. Не один лишь Атлас, не одни лишь музы, не одни лишь боги заимствованы из мира эллинского. Живая колесница мирозданья – опять-таки античный образ: греки называли колесницей созвездие Большой Медведицы. Можно заподозрить, что у стихотворения этого живые связи и с античной философией. Гераклит Эфесский называл спящих «тружениками и соучастниками космических событий», – Тютчев мог знакомиться с Гераклитом хотя бы по книге знаменитого Шлейермахера, посвященной этому философу (вышла в 1807 г.). Изречение Гераклита дает Тютчеву главенствующий мотив: в ночные часы свои человек приобщается к движению мира, к его истории, которые приглашены для дневного сознания. Тот же Гераклит учил, что

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
природа любит скрываться – именно вечное свое движение она таит от непосвященных. В час «всемирного молчания», по Тютчеву, обнажается эта немолчная работа всемирной жизни, человек лишается обычных своих опор – иллюзий костности, перед ним мир в своей непосильной для него истине. Последние два стиха прямо относятся к роли и к призванию поэзии: мир в его устрашающей глубине, мир в его возвышенно-динамическом содержании, он-то и предстоит музе, тревожит ее сны, как говорится здесь у Тютчева. Поэзия не боится мучительных зрелищ и потрясений, она вдохновляется истиной, какова бы та ни была. Где для одних «беспамяństwo», обморок, потеря сил, там для поэтов, для музыки – бодрость и повод к пророчествованиям.

Тютчев, с его слухом к стихиям, которые не может сдержать в своих границах существующее общество, с его сочувствием к ним, ощущал величие революционных потрясений истории. Он мог написать такое стихотворение, как «Цицерон», со знаменитыми строками: «Счастлив, кто посетил сей мир В его минуты роковые». Счастье, по Тютчеву, в самих «минутах роковых», в том, что связанное получает разрешение, в том, что подавленное и насильственно задержанное в своем развитии выходит наконец на волю. Четверостишие «Последний катаклизм», так же как «Цицерон», очевидно написанное в революционный 1830 год, пророчит «последний час природы», пророчит его в грандиозных образах, возвещающих конец старого мироустройства.

Великие общественные взрывы недаром для Тютчева совпадали с «последним часом природы». Буржуазно-европейский порядок вещей был для него неприемлем, но Тютчев считал его заключительным и окончательным, так что после него более высокий порядок не предполагался. Поэтому метаниям и мятежам Тютчева свойствен трагизм. Он – лирический поэт с кругозором и силами художника, склонного к эпосу или трагедии. Он сам в лирике своей достигает масштабов трагедии и пафоса ее.

В предпосылках поэзии Тютчева лежат природа и хаос, с которых должны начинать строители современного общества. Поэзия Тютчева демонстрирует, что новое общество так и не вышло из состояния хаоса. Современный человек не выполнил своей миссии перед миром, он не позволил миру вместе с ним взойти к красоте, к стройности, к разуму. Поэтому у Тютчева так много стихотворений, в которых человека как бы отзывают назад, в стихию, как не справившегося с собственной ролью. Природа, по Тютчеву, ведет более честную и осмысленную жизнь до человека и без человека, чем после того, как человек появился в ней.

Бунт против цивилизации выражается в том, что она объявляется излишней. Она не возвысилась над природой – и должна исчезнуть в ней. Сознание человека эгоистично, оно только и служит личности как таковой, за что человек бывает достаточно наказан – проникающим его чувством ничтожества своего и страхом смерти. Тютчев не однажды объявлял природу совершенной по той причине, что природа не дошла до сознания. В «Успокоении» описан конец грозы, она повалила высокий дуб, а над вершинами леса, где опять все звучит и веселится, перекинулась радуга. Природа снова празднует свой прерванный праздник – над телом дуба, павшего героя, никем не оплакиваемого, не ощутившего собственной гибели. Когда Тютчев в 1865 году пишет одно из программных своих стихотворений – «Певучесть есть в морских волнах...», то и здесь гармонию природы он понимает в том же смысле. Природа не задумываясь переступает через своих индивидуумов, она осуществляет себя через частное, равнодушная к частному.

Личное сознание, которое человек носит в себе, становится для него болезнью и бесполезностью: «О нашей мысли обольщенье, Ты, человеческое я». Оценка личного существования колеблется в таких стихотворениях Тютчева, как «Листья», как «Конь морской». Листья – «легкое племя», им жить одно лето, зато у них свежесть, зато у них краса. Конь морской – волна морская, вечно меняющая свой образ, с тем чтобы уйти в море, в вечную его безбрежность. Тютчев, очевидно, ценит здесь краткость личного существования: краткое – интенсивно. Но Тютчев думает и о другом: жизнь природы циклична, листья рождаются, умирают и вновь рождаются, волна возникает, рассыпается и опять возникает, и не лучше ли оставаться в природе с ее чередованием жизни и смерти, чем купить себе личность, как это делает человек, ценою того, чтобы родиться однажды и умирать тоже однажды и навсегда.

С этим связана тема времени – одна из коренных, настойчиво проводимых у Тютчева. Есть необозримое время природы, и есть малое время индивидуума, от сих и до сих, как это представлено косвенно в тех же «Листьях» и в «Коне морском». У Тютчева

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru тема времени выражена классично, он ведет нас к основным мотивам новоевропейской поэзии. Время индивидуума – тема, появившаяся со всей присущей ей выразительностью уже в культуре Ренессанса и не исчезающая с тех пор. Это тема Фауста и Дон-Жуана, в культуре Возрождения впервые сложившаяся. Средневековые коллективные формы жизни разваливались, индивидуум выступил из коллектива, и это меняло прежнее отношение к времени. Личность, утонувшая в родовом коллективе, в общине, мерила свое время тем же временем рода – бесконечным, уходящим, как это могло казаться, в космическое время. Индивидуум выделился из коллективной жизни, получив на руки то самое время, бедное, малое, которое причиталось ему как таковому. С этим связана жажда жизни, напряженность жизненная у Дон-Жуана, у Фауста. Они – герои минуты, из которой они хотят взять все – возможное и невозможное, время для них распалось. Новым способом, свойственным новой исторической индивидуальности, они хотят собрать его, складывая минуту с минутой, с бесконечностью других минут, и это сказывается на универсальности дел и занятий Фауста, на его далеких странствиях, на любовных похождениях Дон-Жуана, которых по счету оперы Моцарта было «тысяча и три».

Письма и поэзия Тютчева полны жалоб на время и пространство. «...они, – пишет Тютчев жене, – угнетатели и тираны человечества» (письмо от 26 июля 1858 г.). В одном из его французских стихотворений говорится: «Как мало действительности в человеке, как легко для него исчезновение. Когда он здесь, он так мало значит; и он ничто, когда он вдалеке от нас. Его присутствие – одна-единственная точка, его отсутствие – все пространство, как оно есть». По Тютчеву, человек движется по жизни, время убывает, и пространство, которое ему открывается, растет. Слово «индивидуум» означает «неделимое». По Тютчеву, индивидуум, однако, делится; личное его сознание – дым, призрак, и это одна его часть, другая – он же как физическое тело. Ужас смерти в сознании Тютчева очень навязчив. Когда человек выпадает из своих общественных, духовных связей, биологическая его судьба обнажается перед ним со всей безжалостностью. «Бесследно всё – и так легко не быть!» – пишет Тютчев в позднем стихотворении на кончину брата [10], повторяя более ранние свои французские стихи, сложившиеся еще лет за тридцать до того. «Легко не быть» – потому что само бытие личности было некрепким, неукрепленным, без широко развитых связей и отношений, потому что личность эта недостаточно распространила себя в среде окружающих, не сошлась в одно с ними.

Стихотворения Тютчева по внутренней форме своей – впечатления минуты. Он жаждет до минуты и возлагает на нее великие надежды, как это было уже у Дон-Жуана, у Фауста, у первых знаменательных людей новой культуры. Пафос минуты – тот же, импровизаторский. Поэзия Тютчева исключает долгие сборы, требует быстроты действий, на всякий вопрос, ею поставленный, нужен стремительный ответ. В мгновенное впечатление Тютчев хотел бы вместить всего себя, мысли и чувства, давно им носимые, всю бесконечность собственной жизни. Его стихотворения – своеобразная борьба за время, за большую жизнь в малые сроки.

В 60-х годах Тютчев пишет жене, как нужны ему встречи с людьми разных поколений, «все это прошлое, воскресающее с такой полнотой жизни и толкающее под локоть настоящее». Он досаждает, почему не попал одним летом в Киссинген: «Как подобное местопребывание, сближая эпохи, помогло бы мне восстановить цепь времен, что составляет настоящую потребность моего существа». «Восстановить цепь времен» – Тютчев сам нашел слова, которыми можно определить пафос, воедино связывающий его лирические стихотворения.

Трагический характер поэзии Тютчева сочетается в ней с гладиаторской бодростью и энергией. Историческую границу человеческих возможностей он считает абсолютной и все же исподволь, могущественными усилиями и толчками стремится сдвинуть ее. Ему присуще знакомое нам и по другим великим поэтам, по Шекспиру, по Гёте, чувство, что силы исторической жизни, однажды приведенные в движение, не уничтожатся, не сойдут со сцены. Хаос должен выйти из первоначального состояния и получить свое законное место в системе космоса. Как отвлеченный мыслитель, как славянофильский публицист, Тютчев проповедует движение назад, – это лишний раз учит нас, насколько он считал абсолютно непререкаемой современную цивилизацию в ее установленном виде: от нее возможно только отступать, идти дальше – всем и каждому заказано. Как поэт, он призывает к другому – к новым, повторным буре и натиску. Как публицист и философ, он доказывает, что все беды от человеческой личности, слишком много для себя требующей, и поэтому он предлагает свести ее на нет. В поэзии своей он демонстрирует совсем иное: личности слишком мало отпущено, ее заключили в ней самой, нужно с этим покончить, приобщить ее к жизни мира, нужно дать ей новые богатства.

Буря и натиск Тютчева торжествуют в стихотворении «Два голоса» (по-видимому, 1850 г.). Здесь один голос – предостерегающий, останавливающий, так как борьба безнадежна, другой – зовущий к дальнейшей неустанной борьбе. Слышнее у Тютчева и в этом стихотворении, и во всей его поэзии второй голос. В этом голосе великая убежденность, в нем настоящее тютчевское вдохновение. Тютчев не считал покоренным навсегда, что покорили на сегодня, – таково было его чувство. Поэтому он и писал: «Мужайтесь, боритесь, о храбрые други...». Поэтому Тютчев не покидал своей арены художника и после того, как он, казалось бы, отменил свои художественные деяния, их смысл и пафос в своей политической публицистике.

Нам сохранились мысли В. И. Ленина о Тютчеве в передаче мемуариста. «Он <В. И. Ленин> восторгался его поэзией. Зная прекрасно, из какого класса он происходит, совершенно точно давая себе отчет в его славянофильских убеждениях, настроениях и переживаниях, он... говорил об его стихийном бунтарстве, которое предвкусало величайшие события, назревавшие в то время в Западной Европе». [11] Новизна этих мыслей служит порукой тому, что запись мемуариста точна. Нигде и никогда прежде Ленина не говорилось о бунтарстве Тютчева, о том, что поэзия Тютчева полна ощущением европейского кризиса, – нам дана Лениным точка зрения на Тютчева и на его поэзию, с которой они открываются для нас по-необычному.

5

С конца 40-х годов и особенно в 50-х поэзия Тютчева заметно обновляется. Он возвратился в Россию и приблизился к подробностям русской жизни, которую он доселе трактовал с очень обобщенной точки зрения, в совокупности ее с жизнью мировой. У Тютчева появляются свои соответствия тому, что делалось тогда в реалистической и демократической по направлению и духу русской литературе. Советские исследователи открыли поучительные аналогии между поэзией Тютчева позднего периода и прозой Тургенева, стихами Некрасова. Важны не только отдельные совпадения и переклички. Важно, что русская освободительная мысль и практическое движение, служившее ее основой, затронули Тютчева и он на них в своей поэзии отозвался. По общим своим очертаниям поэзия Тютчева оставалась все та же, однажды сложившееся миропонимание держалось, старые темы не умирали, старый поэтический метод применялся по-прежнему, и все же в поэзии Тютчева появились течения, которые спорили со старым методом и со старыми идеями. Спор далеко не был доведен до конца, противоречие не получило полного развития, нет признаков, что оно до конца ясным было для самого поэта, и все же поздний Тютчев – автор стихотворений, каких никогда не писал прежде, новых по темам, смыслу, стилю, пусть эти стихотворения и не исключают других, в которых прежний Тютчев продолжается.

Перемены в поэзии Тютчева можно увидеть, если сравнить два его стихотворения, очень расходящиеся друг с другом, написанные на расстоянии между ними более чем в четверть века: «Есть в светлости осенних вечеров...» [12] 1830 года и «Есть в осени первоначальной...» 1857 года. Второе из них как будто бы уже со вступительной строки отвечает первому, а между тем оно прочувствовано и направлено по-иному, по-своему. Отсутствует пантеистическое осмысление пейзажа, которым в очень тонких и особых формах отмечены стихи 1830 года, где осень – стыдливое, кроткое страдание, болезненная улыбка природы. Если в поздних стихах и налицо «душа природы», то это «душа» местная, не вселенская, скорее это характерности ландшафта, местные черты и краски. Осень 1857 года – характерно русская осень, к тому же трудовая, крестьянская; «бодрого серпа» не было в прежних ландшафтах Тютчева. «Лишь паутины тонкий волос блестит на праздной борозде» – «праздная борозда» восхищала Льва Толстого, это центральная подробность в пейзаже осени у Тютчева. Борозда праздная – та, по которой больше не ходит плуг. «Душа» осени сейчас для Тютчева в том, что осенью кончаются крестьянские полевые работы и трудовая борозда отдыхает, она и все к ней относимое становятся всего лишь поводом к созерцанию. «Паутины тонкий волос» – здесь новая для Тютчева теплота, интимность внимания к ландшафту – к национальному ландшафту, который переживается с чувством близости и соучастия в самой и незаметной его жизни. «Но далеко еще до первых зимних бурь» – осень тут у Тютчева как бы время перемирия, междудействие; драматический акт лета сыгран, и не наступил еще срок для акта зимы. У Тютчева появляется новый интерес – не к одним только вершинам действия, но и к промежуткам между ними, к безбурному течению времени. Прежний Тютчев – «поэт минуты» – от минуты, от мгновенного переживания круто и быстро восходил к самым большим темам природы и истории, восходил к «вечности». Сейчас это расстояние от малого к великому и величайшему у Тютчева удлинено; сама минута удлиняется, распадается на малые доли, содержит

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
в себе целые миры, достойные участия и изучения.

К 1849 году относится стихотворение Тютчева «Неохотно и несмело...». Здесь опять-таки перед нами новый Тютчев. Как всегда, он мыслит конфликтами, жизнь природы, как всегда, у него драма, столкновение действующих сил. Но на этот раз весь интерес в том, что конфликт наметился и не развернулся, гроза наспела, разрядилась с каким-то сердитым добродушием, и опять вернулись солнце, сияние солнца и успокоение. Тютчев стал уделять внимание срединным состояниям жизни, повседневности, ее делам, оттенкам. С эсхилиовских трагических высот он стал спускаться на нивы Гесиода, к гесиодовским «трудам и дням», или, если иметь в виду более близкое, на нивы Тургенева, Л. Толстого, Гончарова, Некрасова. Интерес к повседневности, к ее затрудненному ходу, к заботам массы человеческой – одно из существенных проявлений демократического духа русской литературы, сказавшихся первоначально еще у зрелого Пушкина. Есть известный аристократизм в том, чтобы жить общей жизнью лишь в одни «минуты роковые», во времена взрывов и катастроф, пренебрегая всем, что к ним вело и к ним готовило, всем, что приходило вслед за ними. Поздний Тютчев покидает эту свою несколько надменную точку зрения: пафос его – большие узлы истории, но он следит теперь и за тем, как изо дня в день в русской жизни завязываются эти узлы.

Еще одно из стихотворений 1849 года:

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

Стихотворение это, на первый взгляд, кажется непритязательным описанием, и по этой, верно, причине его так жаловали составители хрестоматий. Между тем оно полно мысли, и мысль здесь скромно скрывается, соответственно описанной и рассказанной здесь жизни – неяркой, неброской, утаенной и в высокой степени значительной. Стихотворение держится на глаголах: рдеют – зреют – блестят. Дается как будто бы неподвижная картина полевой июльской ночи, а в ней, однако, мерным пульсом бьются глагольные слова, и они главные. Передано тихое действие жизни, переданы рост ее, рост хлеба на полях. От крестьянского трудового хлеба в полях Тютчев восходит к небу, к луне и звездам, свет их он связывает в одно со зреющими нивами. Здесь под особыми ударами выражения находятся у Тютчева ночь, сон и тишина. Жизнь хлебов, насущная жизнь мира, совершается в глубоком молчании. Для описания взят ночной час, когда жизнь эта полностью представлена самой себе и когда только она и может быть услышана. Ночной час выражает и то, насколько велика эта жизнь – она никогда не останавливается, она идет днем, она идет и ночью, бесменно. Стихотворение относится прямо к природе, но человек – действующий, производящий – косвенно включен в нее, так как хлеб в полях – дело его рук. Все стихотворение можно бы назвать гимном, тихим, простым, ясным гимном трудам и дням природы и человека.

С 40-х годов появляется у Тютчева новая для него тема – другого человека, чужого «я», воспринятого со всей полнотой участия и сочувствия. И прежде Тютчев страдал, лишенный живых связей с другими, но он не ведал, как обрести эти связи, теперь он располагает самым действенным средством, побеждающим общественную разорванность. Внимание к чужому «я» – плод демократической настроенности, захватившей Тютчева зрелой и поздней поры. Стихотворение «Русской женщине» (1848 или 1849) обращено к анониму. Его героиня – одна из многих, едва ли не каждая женщина в России, страдающая от несправедливости, от узости и бедности условий, от невозможности свободно строить свою судьбу. Обращение к анониму, к собирательному лицу прочувствовано у Тютчева так, как если бы он обращался к лицу хорошо знакомому, близкому и родственному: аноним для поэта – тоже конкретное, живое существо, вызывающее к себе самое сосредоточенное и грустно-заинтересованное внимание. Границы между индивидуальным и множественным, своим и чужим здесь у Тютчева снимаются. Напрашиваются аналогии с Некрасовым, со стихотворениями его 40-х и 50-х годов, написанными к женщинам, где Некрасов сочувствует их бедам в настоящем и предчувствует их беды в будущем, бездоле и гибель, которые им предстоят («Тройка», «Еду ли ночью по улице темной...», «Вчерашний день, часу в шестом...», «Я посетил твое кладбище...», «Памяти <Асенковой>», «Свадьба», «Гадающей невесте») Стихотворение Тютчева предвосхищает

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru и иные строки Блока, тоже направленные к женским анонимам, демократические по замыслу и чувству.

«Слезы» Тютчева, относящиеся, вероятно, к 1849 году, быть может, и есть то стихотворение, где дана программа на весь новый период его поэзии. Тютчев здесь высказывается во имя социального сострадания, во имя тех, кто оскорблен и унижен. Этим стихотворением он входит в широкую полосу русской литературы, ознаменованную именами Некрасова и Достоевского. Дактилические строки с многочисленными фигурами повторения на пространных немногих строк – волна за волной, с длинными рифмующимися словами, с двумя дактилическими рифмами рядом – «незримые – неисчислимы» – приближают нас к знакомому для нас по стихам Некрасова. Сам ход стиха – движение дождя, движение слез. Тут есть и отдаленный отблеск фольклорности – крестьянского плача, связь с которым у Некрасова обычна. Фольклорность эта по-особому напоминает, о чьих слезах написано стихотворение – о слезах тех, кого город не жалуется, кого он гонит на улицу или держит в пригородах. По теме и по внутреннему характеру своему к «Слезам» примыкает более позднее стихотворение – «Эти бедные селенья...» (1855), где, впрочем, социальное сострадание не остается делом только мирским, но связывается с христианскими идеями.

Тютчев еще в 30-х годах осваивался с темой «бедных людей». До нас дошел не доделанный им перевод из Беранже «Пришлось кончить жизнь в овраге...». В новый период – это его собственная тема, настолько с ним неразлучная, что она может выражаться непрямо, служить опорой для другой темы, метафорой для нее. Новый Тютчев не только передает эту тему, он мыслит ею, он через нее идет к темам, далеким от нее, для него же самого интимнейшим.

В июле 1850 года написано стихотворение из цикла, посвященного Е. А. Денисьевой [13]. Июль 1850 года – время первого знакомства и сближения Тютчева с нею. Стихотворение это – косвенная, скрытая и жаркая мольба о любви. Оно строится на косвенном образе «бедного нищего», бредущего по знойной мостовой. Нищий заглядывает через ограду в сад – там свежесть зелени, прохлада фонтана, лазурный грот, все, что дано другим, что так нужно ему и навсегда для него недоступно. «Бедный нищий» описан с горячностью, с сочувствием очень щедрым и широким. Поэт не задумывается сделать его своим двойником. Поэт мечтает о запретной для него любви, как тот выгоревший на солнце нищий, которого поманили тень, роса и зелень в чужом саду – в обители богатых. Та, к которой написаны эти стихи, тоже богата – она владеет всем и может все.

Стихи, написанные при жизни Денисьевой, и стихи, посвященные ее памяти, издавна ценятся как высокие достижения русской лирики. Сам Тютчев, создавая их, менее всего думал о литературе. Стихи эти – самоотчет, сделанный поэтом с великой строгостью, с пристрастием, с желанием искупить вину свою перед этой женщиной, – а он признавал за собой вину. Хотя о литературе Тютчев и не заботился, воздействие современных русских писателей весьма заметно на стихах, посвященных Денисьевой. Сказывается психологический роман, каким он сложился у Тургенева, Л. Толстого, Достоевского. В позднюю лирику Тютчева проникает психологический анализ. Лирика раннего периода избегала анализа. Каждое лирическое стихотворение по душевному своему содержанию было цельным. Радость, страдание, жалобы – все это излагалось одним порывом, с чрезвычайной смелостью выражения, без раздумья о том, что, собственно, означают эти состояния души, весь пафос заключался в точности, в интенсивности высказывания. Там не было суда поэта над самим собой. Поздний Тютчев находится под властью этики: демократизм взгляда и этическое сознание – главные его приобретения. Как это было в русском романе, так и в лирике Тютчева психология неотделима от этики, от требований писателя к себе и к другим. Тютчев в поздней лирике и отдается собственному чувству, и проверяет его – что в нем ложь, что правда, что в нем правомерно, что заблуждение и даже преступление. Конечно, непредвзятый, стихийный лиризм слышится и тут, но если приглядеться ко всему денисьевскому циклу, то впечатление расколотости, анализа, рефлексии в этом лирическом цикле преобладает. Оно улавливается уже в первом, вступительном стихотворении «Пошли, господь, свою отраду...». Поэт молит о любви, но он считает себя недостойным, не имеющим права на нее, – этот оттенок заложен в сравнении с нищим: нищий – неимущий в отношении права и закона. В лирическом чувстве есть неуверенность в самом себе, оно изливается с некоторой внутренней оговоркой, столько же смелое, сколько и несмелое, – и в этом его новая природа. Через год, в другом стихотворении к Денисьевой Тютчев опять говорит о своей «бедности»: «Но как я беден перед ней», – и опять у него строки покаяния, самоунижения: «Перед любовью твоею Мне больно вспомнить о себе» («Не раз ты

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru слышала признание...», 1851).

Русский психологический роман по первооснове своей был социальным романом. В денисьевский цикл тоже входит социальная тема – неясственная, она все же определяет характер стихотворений цикла. Так или иначе, Тютчев затрагивает общую тему женщины, а женская тема была тогда и не могла не быть социальной темой, – так было в поэзии Некрасова, в русском романе вплоть до «Анны Карениной» Л. Толстого и дальше. Быть женщиной означало занимать некое зависимое положение в обществе, бесправное, незащищенное. Тем более относилось это к героине стихотворений Тютчева. Она решилась на «беззаконную» любовь и тем самым добровольно поставила себя в самое худшее из положений, какое только было для нее возможно:

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.
(«Чѐму молилась ты с любовью...»)

По сути своей социальная тема присутствовала и в прежней поэзии Тютчева – всегда и всюду он выражал, какова социальная судьба человеческой личности, что может личность в современном мире и чего она не может. Новое в денисьевском цикле – то, что здесь трактуется разница социальных судеб, разница в тот же век, в тех же обстоятельствах. Герой и героиня – оба гонимые, «людское суесловие» преследует обоих, но вся тяжесть падает на героиню, и в общей для обоих судьбе возможность свободы, привилегии свободы все же остаются на стороне героя. Постоянно Тютчев обнажает кулисы своего лирического романа и делает это великодушно, не в собственную пользу, но в пользу героини. Если он был виноват как действующее лицо, то он исправляет вину как автор – в своем изложении событий, через освещение, которое он им дает. Героиня своим поступком отделила себя от общественного мнения, потеряла опору в обществе. Тем самым она отныне вся во власти любимого человека, другой опоры ей не дано. У него сила, преобладание и внутри их личных отношений и вне их – в обществе, где, при всех оговорках, он больше сохранил, чем потерял. Видимость та, что оба они выпали из общества – любовь исключала их из общества, из светской жизни. Действительность в другом: общество продолжается и в личных отношениях обоих. По законам общества он – сильный, она – слабая. Как ни ценит он высоко ее любовь, ее жертвы, он все-таки не умеет отказаться от своих преимуществ. Он ведет борьбу с нею, он ведет борьбу с самим собой. Через внутренние отношения постоянно проглядывают внешние – «роковые», как принято было Тютчевым их называть.

Эта приближенность стихотворений денисьевского цикла к коллизиям жизни в их социальной характерности, в их реальных подробностях сказывается и на поэтическом стиле, более интимном, более портретном, чем это прежде было у Тютчева. Мемуарные сведения о Денисьевой скудны, но мы немало знаем об этой женщине из стихотворений Тютчева непосредственно. Почти портретное – стихотворение «Я очи знал, – о эти очи!..». Мы читаем в стихах о рождении у Денисьевой ребенка («Не раз ты слышала признание...») с такой подробностью: мать качает колыбель, а в колыбели «безымянный херувим»; следовательно, здесь рассказано о том, что было еще до крещения, до имени, полученного младенцем. В стихах описана последняя болезнь Денисьевой, ее умирание в середине лета, под шум теплого летнего дождя («Весь день она лежала в забытьи...»). По стихотворениям Тютчева проходят довольно явственно и биография Денисьевой, и биография любви его к ней. Создаются строки портретные, бытовые, строки небывалые у Тютчева: «Она сидела на полу И грудю писем разбирала». [14] Но все эти приближения Тютчева к домашнему, к повседневно знакомому несколько не означают, что он как поэт готов предать себя бытовой сфере, бездумно заключить себя в близком и ближайшем. В том же стихотворении о письмах, которое началось так обыденно, уже со второй строфы происходит крутой, внезапный подъем к самым необычным, высочайшим состояниям человеческой души, для которых нужны другие слова и другой способ изображения.

Замечательно, что в денисьевском цикле присутствуют и стародавние мотивы Тютчева. Они составляют в этом цикле основу, тезис. Новое, что вносит Тютчев, – только антитезис, только борьба с опытом, который сложился долгими годами. «О, как убийственно мы любим...», «Предопределение», «Близнецы», – во всех этих стихотворениях прежние темы индивидуализма, рока, стихии, трагизма любви, непосильной для индивидуалистически направленной личности. Любовь, говорится в

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru «Предопределении», – «поединок роковой». В «Близнецах» любовь сближается с самоубийством. Тютчев описывает отдельно, в особых стихотворениях, какие силы стоят между героем и героиней денисьевского цикла, какие силы их разделяют и губят их отношения. Он обобщает эти силы, показав нам, как они проявляются заурядным, бытовым образом. Общество поощряет героя, поскольку он эгоистичен, поскольку он настаивает на своих особых правах. У Тютчева показано, как велик соблазн посредственных поступков даже в человеке высоко настроенном, высоко чувствующем, далеко от посредственности в собственных помыслах. «И самого себя, краснея, узнаю Живой души твоей безжизненным кумиром», – говорится саморазоблачительно в одном из стихотворений от имени героя. Он хочет поступать возвышенно, но нечто заключенное в нем самом и ему же чуждое толкает его в противоположную сторону. Герой пользуется своим сильным положением и слабым героини, в этом посредственность его поведения. Он неудержимо поступает как все, поступает против собственной воли. Герой Тютчева, высоко взметенный собственной страстью, не может, однако, превзойти предназначенного ему уровня и неотвратимо свертывается вниз, как те кипящие струи фонтана, однажды уже Тютчевым описанные. Порядок общественной жизни владеет им, вошел в его инстинкты, укрепился в них без его собственного одобрения. Как тот же водомет, он живет и действует внутри некоего механизма, от которого до конца зависит.

У предшественников Пушкина, у сверстников его, отчасти у самого Пушкина в раннюю пору любовь относилась к области изящной чувственности: «Падут ревнивые одежды на царградские ковры» В старой лирике ее герои не могли быть дружны – они были только любовниками, от узости их отношений зависели лад и согласие, в которых герои эти пребывали. Они знали только одно несчастье в любви – когда ее не разделяют, когда она оставлена без ответа. В денисьевском цикле любовь несчастна в самом ее счастье, герои любят и в самой любви остаются недругами. Отношения любви у Тютчева простираются очень далеко, они захватывают всего человека, и вместе с ростом духовного содержания любви в нее проникают все коренные слабости людей, вся их «злая жизнь», переданная им из общественного быта.

Этот же духовный рост любви – причина, по которой Тютчев так героически отстаивает ее: он хочет спасти любовь от внешнего мира и, что труднее всего, от мира внутреннего, который он сам же носит в себе. В денисьевском цикле очень высок этический пафос. Тютчев хочет принять точку зрения любимой женщины, он не однажды взирает на себя ее глазами, и тогда он судит самого себя строго и жестоко. Стихотворение «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» замечательно переделом ролей. Стихотворение написано от ее имени, и все оно – обвинительная речь против него. Тютчев настолько входит в чужую душевную жизнь, настолько ею проникается, что способен стать своим же собственным противником В этом стихотворении Тютчев субъективен чужой субъективностью – через чужое «я» – и неподкупно объективен в отношении самого себя. Он не страшится самообвинений. В том же стихотворении говорится от имени героини: «Он мерит воздух мне так бережно и скудно...», – слово «бережно» здесь обвинительное слово; имеется в виду не бережность к самому себе, а осмотрительность в расходовании собственных запасов. В денисьевском цикле мы находим примеры особой лирики чужого «я» – лирики, способной переходить на позиции чужого «я», как если бы это были ее собственные. Русская поэзия богата лирикой, так направленной: Лермонтов, Некрасов, Блок. Для нее существовали у нас могучие этические предпосылки. Она сродни русскому роману и русской драме, где так велик талант входить в чужую жизнь изнутри, отождествляться с нею, говорить и действовать от ее имени. В стихотворениях к Денисьевой, описывающих «поединок роковой» между сильным и слабою, горький, злосчастный для сильного, скрывается еще одна мысль, привычная в классической русской литературе. Сильный ищет спасения у слабой, защищенный – у беззащитной. В бесправном существе велика потребность личной свободы, но приобрести ее оно может не для одного себя, а вместе с другими бесправными. В социально слабом человеке заключен тот идеал личного-общественного, в котором сильному отказано, о котором тот мечтает, нуждаясь в нем не менее, чем слабый.

Среди стихотворений, обращенных к Денисьевой, быть может, самые высокие по духу те, что написаны после ее смерти. Происходит как бы воскрешение героини. Делаются печальные попытки исправить по смерти неисправленное при жизни. Тут есть внутреннее сходство с лирикой зрелого Пушкина, трагически призывающего разрушенную любовь («Явись, возлюбленная тень» [15]), с теми настроениями Пушкина, которые сошли в одно в гениальной «Русалке». Стихотворение «Накануне годовщины 4 августа 1864 года» (день смерти Денисьевой) все целиком – призыв к мертвой, запоздалое раскаяние в грехах перед нею. Оно – своеобразная молитва, светская, со скептическими для молитвы несветской словами: «где б души ни

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru витали» (молящийся не знает, куда уходят души мертвых). Молитва обращена не к богу, но к человеку, к тени его: «Вот Тот мир, где жили мы с тобою, Ангел мой, ты слышишь ли меня?» Здесь впервые в этом цикле стихов появилось слово «мы», – при жизни Денисьевой насущного этого слова не было, и потому оба они так жестоко пострадали.

Через четыре года после кончины Денисьевой написаны стихи:

Опять стою я над Невою,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.
«Как бы живой», – Тютчев говорит здесь о последующем так, чтобы угадывалось предшествующее ему. Денисьева умерла, но Тютчев и о себе говорит как об умершем тогда же: жизнь его с тех пор стала условностью. Последняя строфа – воспоминание:

Во сне ль всё это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?
Снова столь запоздавшее и столь необходимое им обоим «мы», и снова о единой жизни, которой были живы оба и которую нельзя было делить: половина – одному, половина – другому.

Тютчев в стихотворениях, посвященных Денисьевой, отслужил этой женщине, вместе с тем отслужил идеям и настроениям новых людей, появившихся в России. До конца жизни верный направлению, принятому им в поэзии еще в 20-х и 30-х годах, он нашел, однако, собственную связь с русской литературой последующих десятилетий, а нераздельно с нею – и с демократической общественностью, с ее убеждениями, с ее новой моралью, по временам и с ее эстетикой.

Н. Берковский

Стихотворения
На новый 1816 год*
Уже великое небесное светило,
Лиущее с высоты обилие и свет,
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет! –
И се! Одеанный блистательной зарею,
Пронзив эфирных стран белеющийся свод,
□□□□□□Слетает с урной роковой
□□□□□□Младый сын Солнца – Новый год!..
Предшественник его с лица земли сокрылся,
И по течению вратящихся времен,
Как капля в океан, он в вечность погрузился!
Сей год равно пройдет!.. Устав небес священ..
О Время! Вечности подвижное зеркало! –
Всё рушится, падет под дланию твоей!..
□□□□□□Сокрыт предел твой и начало
□□□□□□От слабых смертного очей!..
Века рождаются и исчезают снова,
Одно столетие стирается другим;
Что может избежать от гнева Крона* злого?
Что может устоять пред грозным богом сим?
Пустынный ветер свистит в руинах Вавилона!
Стадятся звери там, где процветал Мемфис*!
□□□□□□И вокруг развалин Илиона*
□□□□□□Колючи терны обвились!..
А ты, сын роскоши! о смертный сладострастный,
Беспечна жизнь твоя средь праздности и нег
Спокойно катится!.. Но ты забыл, несчастный:
Мы все должны узреть Коцита* грозный брег!..
Возвышенный твой сан, льстецы твои и злато
От смерти не спасут! Ужель ты не видал,
□□□□□□Сколь часто гром огнекрылатый
□□□□□□Разит чело высоких скал?..

И ты еще дерзнул своей рукою жадной
Отнять насущный хлеб у вдов и у сирот;
Изгнать из родины семейство безотрадно!..
Слепец! Стезя богатств к гибели ведет!..
Разверзлась пред тобой подземная обитель!
О жертва Тартара! о жертва евменид,
□□□□□□Блеск пышности твоей, грабитель!
□□□□□□Богинь сих грозных не пленит!..
Там вечно будешь зреть секиру изощренну,
На тонком волоске висящу над главою;
Покроет плоть твою, всю в язвах изможденну,
Не ткани пурпурны – червей кипящий рой!..
Возложишь не на одр растерзанные члены,
Где б неге льстил твоей приятный мягкий пух,
□□□□□□Но нет – на жупел* раскаленный, –
□□□□□□И вечный вопль пронзит твой слух!
Но что? сей страшный сонм! сии кровавы тени
С улыбкой злобною, они к тебе спешат!..
Они прияли смерть от варварских гонений!
От них и ожидай за варварство наград!
Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести! –
Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! –
□□□□□□И навсегда со гласом лести
□□□□□□Умолкла о тебе молва!
Начало 1816

Двум друзьям*
В сей день, блаженный день, одна из вас прияла
И добродетели и имя девы той,
□□□□Котора споборала
□□□□Религии святой;
Другой же бытие Природа даровала.
Она обеих вас на то произвела,
□□□□□□Чтоб ваши чувства и дела
□□□□□□Взаимно счастье составляли
И полу нежному пример бы подавали.
□□□□□□Разлука угнетает вас,
О верные друзья! Настанет вскоре час –
Приятный, сладостный, блаженный час свиданья:
□□□□□□И в излиянии сердец
□□□□□□Вы узрите ее конец
И позабудете минувшие страданья!..
4 декабря 1816

"Пускай от зависти сердца зоилов ноют..."*
Пускай от зависти сердца зоилов ноют.
Вольтер! Они тебе вреда не нанесут...
Питомца своего Пиериды* покроют
И Дивного во храм бессмертья проведут!
8 мая 1818

Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду*
Приди, желанный гость, краса моя и радость!
Приди, – тебя здесь ждет и кубок круговой,
И розовый веночек, и песней нежных сладость!
□□□□□□Возженны не льстеца рукой,
□□□□□□Душистый анемон и крины*
□□□□□□Лиют на брашны* аромат,
□□□□□□И полные плодов корзины
□□□□□□Твой вкус и зренье усладят.
Приди, муж правоты, народа покровитель,
Отчизны верный сын и строгий друг царев,
Питомец счастливый кастальских чистых дев*,
□□□□□□Приди в мою смиренную обитель!
□□□□□□Пусть велелепные* столпы,
□□□□□□Громады храмин позлащенны
Прельщают алчный взор несмысленной толпы;
Оставь на время град, в заботах погруженный,

Склонись под тень дубрав; здесь ждет тебя покой.

Под кровом сельского Пената*,
Где всё красуется, всё дышит простотой,
Где чужд холодный блеск и пурпура и злата, –
Там сладок кубок круговой!
Чело, наморщенное думой,
Теряет здесь свой вид угрюмый;
В обители отцов всё льет отраду нам!
Уже небесный лев* тяжелою стопою
В пределах зноя стал – и пламенной стезею
Течет по светлым небесам!..
В священной рощице Сильвана*,
Где мгла таинственна с прохладой слиянна,
Где брезжит сквозь листов дрожащий, тихий свет,
Игривый ручеек едва-едва течет
И шепчет в сумраке с прибрежной осокою;
Здесь в знойные часы, пред рощею густою,
Спит стадо и пастух под сению прохлад,
И в розовых кустах зефиры легки спят.
А ты, Фемиды жрец*, защитник беззащитных,
Проводишь дни свои под бременем забот;
И счастье сограждан – благий, достойный плод
Твоих стараний неусыпных! –
Для них желал бы ты познать судьбы предел;
Но строгий властелин земли, небес и ада
Глубокой, вечной тьмой грядущее одел.
Благоговейте, персти чада*! –
Как! Прах земной объять небесное посмеет?
Дерзнет ли разорвать таинственный покров?
Быстрейший самый ум, смутясь, оцепенеет,
И буйный сей мудрец – посмешище богов!
Мы можем, странствуя в тернистой сей пустыне,
Сорвать один цветок, ловить летящий миг;
Грядущее не нам – судьбине;
Так предадим его на произвол благих!
Что время? Быстрый ток, который в долах мирных,
В брегах, украшенных обильной муравой,
Катит кристалл валов сапфирных;
И по серебру зыбей свет солнца золотой
Играет и скользит; но час – и, бурный вскорее,
Забыв свои брега, забыв свой мирный ход,
Теряется в обширном море,
В безбрежной пустоте необозримых вод!
Но час – и вдруг нависших бурь громады
Извергли дождь из черных недр;
Поток возвысился, ревет, расторг преграды,
И роет волны ярый ветр!..
Блажен, стократ блажен, кто может в умиленье,
Возревши на Вождя светил*,
Текущего почить в Нептуновы владенья*,
Кто может, радостный, сказать себе: «Я жил!»
Пусть завтра тучею свинцовой
Всесильный бог громов вкруг ризою багровой
Эфир сгущенный облечет
Иль снова в небесах рассыплет солнца свет –
Для смертных всё равно; и что крылаты годы
С печального лица земли
В хранилище времен с собою увлекли,
Не пременит того и сам Отец природы.
Сей мир – игральница фортуны злой.
Она кичливый взор на шар земной бросает
И всей вселенной потрясает
По прихоти слепой!..
Неверная, меня сегодня осенила;
Богатства, почести обильно мне лиет,
Но завтра вдруг простерла крыла,
К другим склоняет свой полет!
Я презрен – не ропщу, – и, горестный свидетель

□□□□□□И жертва роковой игры,
□□□□□□Ей отдаю ее дары
□□□□□□И облакаюсь в добродетель!..
□□□□□□Пусть бурями увитый Нот*
Пучины сланы крутит* и воздымает
И черные холмы морских кипящих вод
□□□□□□С громовой тучею сливает,
□□□□□□И бранных кораблей
Рвет снасти, всё крушит в свирепости своей..
Отчизны мирныя покрытый небесами,
Не буду я богов обременять мольбами;
Но дружба и любовь, среди житейских волн,
Безбедно приведут в пристанище мой челн.
<1819>

"Всесилен я и вместе слаб..."*
□□□□□□Всесилен я и вместе слаб,
□□□□□□Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю – о том не рассуждаю,
Я много отдаю, но мало получаю,
И в имя же свое собой повелеваю,
□□□□□□И если бить хочу кого,
□□□□□□То бью себя я самого.
Вторая половина 1810-х годов

Урания*
Открылось! – Не мечта ль? Свет новый! Нова сила
Мой дух восторженный, как пламень, облекла!
Кто, отроку, мне дал парение орла! –
Се муз бесценный дар – се вдохновенья крыла!
Несусь – и дольний мир исчез передо мной, –
□□□□□□Сей мир, туманною и тесной
Волнений и сует обвитый пеленой, –
□□□□□□Исчез! – Как солнца луч златой,
□□□□□□Коснулся вежд эфир небесный..
□□□□И свеял прах земной..
Я зрю превыспренних селения чудесны..
Отсель – отверзшимся таинственным вратам –
□□□□□□Благоволением судьбины
□□□□□□Текут к нам дщери Мнемозины*,
Честь, радость и краса народам и векам!..
Безбрежное море лежит под стопами,
И в светлой лазури спокойных валов
С горящими небо пылает звездами,
□□□□□□Как в чистом сердце – лик богов;
□□□□□□Как тихий трепет – ожиданье;
□□□□□□Окрест священное молчанье.
И се! Как луна из-за облак, встает
Урании остров* из серебряной пены;
Разлился вокруг немерцающий свет,
□□□□□□Богинь улыбкою рожденный..
□□□□□□Несутся свьше звуки лир;
□□□□□□В очарованьях тонет мир!..
Эфирного тени сложив покрывала
И пояс волшебный всеильных харит,
Здесь образ Урания свой восприяла,
И звездный венец на богине горит!
Что нас на земле мечтою пленяло,
Как Истина то нам и здесь предстоит!
□□□□□□Токмо здесь под ясным небосклоном
□□□□□□Прояснится жизни мрачный ток;
□□□□□□Токмо здесь, забытый Аквилонем*,
□□□□□□Льет он, и светел и глубок!
□□□□□□Токмо здесь прекрасен жизни гений,
Здесь, где вечны розы чистых наслаждений,
□□□□□□Вечно юн Поэзии венки!..
Как фарос* для душ и умов освященных,
Высоко воздвигнут Небесныя храм; –

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

И Мудрость приветствует горним плененных
Вкусить от трапезы питательной там.
Окрест благодатной в зарях златоцветных,
На тронах высоких, в сиянье богов,
Сидят велелепно* спасители смертных,
Создатели блага, устройства, градов;
Се Мир вечно юный, златыми цепями
Связавший семейства, народы, царей;
Суд правый с недвижимыми вечно весами;
Страх божий, хранитель святых алтарей;
И ты, Благосердие, скорби отрада!
Ты, Верность, на якорь склоненна челом,
Любовь ко отчизне – отчизны ограда,
И хладная Доблесть с горящим мечом;
Ты, с светлыми вечно очами, Терпенье,
И Труд, неуклонный твой врач и клевет...
Так вышние силы свой держат совет!..
□□□□□□□□Средь них, вокруг них в святом благоговенье
Свершает по холмам облаковидных гор
□□□□В кругах таинственных теченье
□□□□Наук и знаний светлый хор..
Уrania одна, как солнце меж звездами,
Хранит Гармонию и правит их путями:
По манию ее могущего жезла
Из края в край течет благое просвещение;
□□□□Где прежде мрачна ночь была,
□□□□Там светозарна дня явленье;
□□□□□□□□Как звезд река, по небосклону вокруг
Простершиися, оно вселенну обнимает
□□□□И блага жизни изливает
На Запад, на Восток, на Север и на Юг..
Откройся предо мной, протекших лет вселенна!
Уrania, вещай, где первый был твой храм,
Твой трон и твой народ, учитель всем векам? –
Восток таинственный! – Чреда твоя свершенна!..
Твой ранний день протек! Из ближних Солнце врат
Рожденья своего обителью надменно
Исходит и течет, царь томный и сомненный..
Где Вавилоны здесь, где Фивы*? – Где мой град?
Где славный Персеполь*? – Где Мемнон*, мой глашатай?
Их нет! – Лучи его теряются в степях,
Где скорбно встретит их ловец* или оратай,
Бесплодно роющий во пламенных песках;
Или, стыдливые, скользят они печально
□□□□По мшистым ребрам пирамид..
Сокройся, брэнного величья мрачный вид!..
□□□□И Солнце в путь стремится дальний:
Эгея на брегах* приветственной главой
К нему склонился лавр; и на холмах Эллады
Его алтарь обвил зеленый мирт Паллады*;
Его во гимнах звал Певец к себе слепой*,
Кони и всадники, вожди и колесницы,
Оставивших Олимп собрание богов;
Удары гибельны Ареевой* десницы,
□□□□И сладки песни пастухов; –
Рим встал, – и Марсов гром и песни сладкогласны
Стократ на Тибровых раздалися холмах*;
И лебедь Мантуи*, взрыв Трои пепл злосчастный*,
Вознесся и разлил свет вечный на морях!..
Но что сретает* взор? – Куда, куда ты скрылась,
Небесная! – Бежит, как бледный в мгле призрак,
□□□□Денница света закатилась,
□□□□□□□□□□Везде хаос и мрак!
«Нет! вечен свет наук; его не обнимает
Бунтующая мгла; его нетленен плод
□□□□□□□□□□И не умрет!..» –
Рекла Уrania и скиптром помавает,
□□□□□□□□И бледную, изъязвленну главу

Италия от склеп железных освобождает,
Рвет узы лютых змей, на вью ставши льву!..*
Всего начало здесь!.. Земля благословенна,
Долины, недра гор, источники, леса
И ты, Везувий сам! ты, бездна раскаленна,
Природы грозныя ужасная краса!
Всё возвратили вы, что в ярости несытой
Неистовый Сатурн укрыть от нас хотел!
Эллады, Рима цвет из пепела исшел!
И Солнце потекло вновь в путь свой даровитый!..
Феррарскому Орлу* ни грозных боев ряд,
Ни чарования, ни прелести томимы,
Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад
Превыспренних путей нигде не воспретят:
На пламенных крылах принес он в храм Солимы*
□□□□□□□□□□Победу и венец; –
Там нимфы Тага*, там валы Гвадалквивира*
Во сретенье текут тебе, младой Певец,
Принесший песни к нам с берегов другого мира*; –
□□□□□□□□□□Но кто сии два гения стоят*?
□□□□□□□□□□Как светonosны серафимы,
□□□□□□□□□□Хранители Эдемских врат
□□□□□□□□□□И тайн жрецы непостижимых? –
Един с Британских вод, другой с Альпийских гор,
Друг другу подают чудотворящи длани;
Земного чуждые, возносятся к небу взор
□□□□□□□□□□В огне божественных мечтаний!..
□□□□□□□□□□Почто горит лицо морских пучин?
Куда восторженны бегут Тамизы* воды?
Что в трепете святом вы, Альпы, Апеннин!..
Благоговей, земля! Склоните слух, народы!
Певцы бессмертные вещают бога вам:
Един, как громов сын, гремит средь вас паденье;
Другой, как благодать, благовестит спасенье
□□□□□□□□□□И путь, ведущий к небесам.
И се! среди снегов Полунощи глубокой,
Под блеском хладных зорь, под свистом льдистых вьюг,
Восстал от Холмогор, – как сильный кедр, высокой,
Встает, возносится и всё объемлет вокруг
□□□□□□□□□□Своими крепкими ветвями;
Подъемлясь к облакам, глава его блеснит
□□□□□□□□□□Бессмертными плодами.
И тамо, где металл блистательный сокрыт,
Там роет землю он глубокими корнями, –
Так Русский Пиндар* встал! – взнес руку к небесам,
□□□□□□□□□□Да воспретит пылающим громам;
Минервы копием бьет недра он земные –
□□□□□□□□□□И истекли сокровища златые;
Он повелительный простер на море взор –
И свет его горит, как Поллюкс и Кастор*!..
□□□□□□□□□□Певец, на гроб отца, царя-героя,*
□□□□□□□□□□Он лавры свежие склонил
И дни бесценные блаженства и покоя
□□□□□□□□□□Елизаветы озарил!
Тогда, разлившись, свет от северных сияний
Дал отблеск на крутых Аракса берегах;
И гении туда простерли взор и длани,
И Фивы* новые зарделися в лучах..
□□□□□□□□□□Там, там, в стране денницы,
□□□□□□□□□□Возник Певец Фелицы!..*
□□□□□□□□□□Таинственный судеб прорек
□□□□□□□□□□Царя-героя* в колыбели..
□□□□□□□□□□Он с нами днесь! Он с неба к нам притек,
Соборы гениев с ним царственных слетели;
□□□□□□□□□□Престол его обстали вокруг;
□□□□□□□□□□Над ним почиет божий дух!
□□□□□□□□□□И музы радостно воспели
Тебя, о царь сердец, на троне человек!

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

Твоей всеильною рукою
Закрылись Януса* врата!
Ты оградил нас тишиною,
Ты слава наша, красота!
Смиренно к твоему склоняся престолу,
Перуны спят горé и долу*.
И здесь, где всё – от благодати твоей,
Здесь паки гений просвещенья,
Блестая светом обновленья,
Блажит своих веселье дней! –
Здесь клятвы он дает священны,
Что, постоянный, неизменный,
В своей блестящей высоте,
Монарха следуя заветам и примеру,
Взнесется, опершись на Веру,
К своей божественной мете.
<1820>

С. Е. Раичу ("Неверные преодолев пучины...")*
Неверные преодолев пучины,
Достиг пловец желанных берегов;
И в пристани, окончив бег пустынный,
С веселостью знакомится он вновь!..
Ужель тогда челнок свой многомогущий
Восторженный цветами не увьёт?..
Под блеском их и зеленью роскошной
Следов не скроет мрачных бурь и вод?..
И ты рассек с отважностью и славой
Моря обширные своим рулем, –
И днесь, о друг, спокойно, величаво
Влетаешь в пристань с верным торжеством.
Скорей на брег – и дружеству на лоно
Склони, певец, склони главу свою –
Да ветвию от древа Аполлона*
Его питомца я увью!..
14 сентября 1820

К оде Пушкина на Вольность*
Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея* –
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседробящую струей,
Как пламень божии, ниспадали
На чела бледные царей.
Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден?
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!
Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!
1820?

Харон и Каченовский*
Харон
Неужто, брат, из царства ты живых –
Но ты так сух и тощ. Ей-ей, готов божиться,
Что дух нечистый твой давно в аду томится!

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Каченовский

Так, друг Харон. Я сух и тощ от книг...
Притом (что долее таиться?)
Я полон желчи был – отмстителен и зол,
Всю жизнь свою я пробыл спичкой...
1820?

Одиночество*

«Из Ламартина»

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,
Сажусь задумчивый в тени древес густой,
□□□□□□□□И развиваются передо мной
Разнообразные вечерние картины!
Здесь пенится река, долины красота,
И тщетно в мрачну даль за ней стремится око;
Там дремлющая зыбь лазурного пруда
□□□□Светлеет в тишине глубокой.
□□□□По темной зелени дерёв
Зари последний луч еще приметно бродит,
Луна медлительно с полуночи восходит
□□□□На колеснице облаков,
□□□□И с колокольни одинокой
Разнесся благовест протяжный и глухой;
Прохожий слушает, – и колокол далекий
С последним шумом дня сливает голос свой.
□□□□Прекрасен мир! Но восхищенью
□□□□В иссохшем сердце места нет!..
По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть бессилен солнца свет.
□□□□□□□□С холма на холм скользит мой взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте;
Но, ах, где стречу то, что б взор остановило?
И счастья нет, при всей природы красоте!..
И вы, мои поля, и рощи, и долины,
Вы мертвы! И от вас дух жизни улетел!
И что мне в вас теперь, бездушные картины!..
Нет в мире одного – и мир весь опустел.
□□□□□□□□Встает ли день, ночные ль сходят тени –
□□□□И мрак и свет противны мне...
□□□□□□□□Моя судьба не знает изменений –
□□□□□□□□И горесть вечная в душевной глубине!
Но долго ль страннику томиться в заточенье.
Когда на лучший мир покину дольний* прах,
Тот мир, где нет сирот, где вере исполненье,
Где солнца истины в нетленных небесах?..
□□□□Тогда, быть может, прояснится
Надежд таинственных спасительный предмет,
□□□□□□□□К чему душа и здесь еще стремится
□□□□□□□□И токмо там, в отчизне, обоймет...
Как светло сонмы звезд пылают надо мною,
□□□□Живые мысли божества!
□□□□□□□□Какая ночь сгустилась над землею,
□□□□□□□□И как земля, в виду небес, мертва!..
Встает гроза, и вихрь, и лист крутит пустынный!
□□□□□□□□И мне, и мне, как мертвому листу,
□□□□Пора из жизненной долины, –
Умчите ж, бурные, умчите сироту!..
Между 1820 и мартом 1822, «1823»

Весна (Посвящается друзьям)*

□□Любовь земли и прелесть года,
□□Весна благоухает нам!..
□□Творенью пир дает природа,
□□Свиданья пир дает сынам!
□□Дух жизни, силы и свободы
□□Возносит, обвевает нас!..
□□И радость в душу пролилась,
□□Как отзыв торжества природы,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

□□Как бога животворный глас!
□□Где вы, Гармонии сыны?
□□Сюда!.. И смелыми перстами
□□Коснитесь дремлющей струны,
□□Нагретой яркими лучами
□□Любви, восторга и весны!..
□□Как в полном, пламенном расцвете,
□□При первом утра юном свете,
□□Блистают розы и горят;
□□Как зéфир в радостном полете
□□Их разливает аромат, –
□□Так разливайся жизни сладость,
□□Певцы!.. За вами по следам!
□□Так порхай наша, други, младость
□□По светлым счастья цветам!..
Вам, вам сей бедный дар признательной любви,
□□□□□□цветок простой, не благовонный,
□□□□□□Но вы, наставники мои,
Вы примете его с улыбкой благосклонной.
Так слабое дитя, любви своей в залог,
□□□□□□Приносит матери на лоно
□□□□□□В лугу им сорванный цветок!..
<1821>, <1828>

А. Н. М<уравьеву>*

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок всё опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников – их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу,
Давала тело бестелесным!..
Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно, без очков!..*
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков.
О раб ученой суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их златокрылые мечты;
Поверь – сам опыт в том порукой, –
Чертог волшебный добрых фей
И в сновиденье – веселей,
Чем наяву – томиться скукой
В убогой хижине твоей!..
13 декабря 1821

Гектор и Андромаха*

(Из Шиллера)

Андромаха

Снова ль, Гектор, мчишься в бурю брани
Где с булатом в неприступной длани
Мстительный свирепствует Пелид*?..
Кто же призрит Гекторова сына,
Кто научит долгу властелина,
Страх к богам в младенце поселит?..

Гектор

Мне ль томиться в тягостном покое?..
Сердце жаждет прохладенья в бое,
□□□□□□Мести жаждет за Пергам*!..
Древняя отцов моих обитель!
Я паду!.. но, родины спаситель,
Сниду весел к Стиксовым брегам*...
Андромаха
Суждено ль мне в сих чертогах славы

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Видеть меч твой праздный и заржавый? –
Осужден ли весь Приамов род*?..
Скоро там, где нет любви и света, –
Там, где льется сумрачная Лета,
Скоро в ней любовь твоя умрет!..
Гектор
Все души надежды, все порывы –
Всё поглотят воды молчаливы, –
□□□□□□□□□□Но не Гектора любовь!..
Слышишь?.. Мчатся... Пламя пышет боя!..
Час ударил!.. Сын, супруга, Троя!..
Бесконечна Гектора любовь!..
<1822>

"Не дай нам духу празднословия!.."*
«Не дай нам духу празднословия!»
Итак, от нынешнего дня
Ты в силу нашего условия
Молитв не требуй от меня.
Начало 1820-х годов

Противникам вина*
(Яко и вино веселит сердце человека)
О, суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино.
Проклятие и горе
На спорщиков главу!
Я помощь в важном споре
Святую призову.
Наш прадед, обольщенный
Женою и змием,
Плод скушал запрещенный
И прогнан поделом.
Ну как не согласиться,
Что дед был виноват:
Чем яблоком прельститься,
Имея виноград?
Но честь и слава Ною*, –
Он вел себя умно,
Рассорился с водою
И взялся за вино.
Ни ссоры, ни упреку
Не нажил за бокал.
И часто гроздий соку
В него он подливал.
Благие покушенья
Сам бог благословил –
И в знак благоволенья
Завет с ним заключил.
Вдруг с кубком не слюбился
Один из сыновей.
О, изверг! Ной вступился,
И в ад попал злодей.
Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в божье вместе с Ноем
Святилище вступить.
Начало 1820-х годов

Послание к А. В. Шереметеву*
Насилу добрый гений твой,
Мой брат по крови и по лени,
Увел тебя под кров родной
От всех маневров и учений,
Казарм, тревог и заточений,
От жизни мирно-боевой.

В кругу своих, в халате, дома
И с службой согласив покой,
Ты праздный меч повесил свой
В саду героя-агронома*
Но что ж? Ты мог ли на просторе
Мечте любимой изменить?
Ты знаешь, друг, что праздность – горе,
Коль не с кем нам ее делить.
Прими ж мой дружеский совет
(Оракул говорил стихами
И убеждал, бывало, свет):
Между московскими красами
Найти легко, сомненья нет,
Красавицу в пятнадцать лет
С умом, душою и душами.
Оставь на время плуг Толстого,
Забудь химеры и чины,
Женись и в полном смысле слова
Будь адъютант своей жены.
Тогда предамся вдохновенью,
Разбудит Музу Гименей,
Своей пожертвую я ленью,
Лишь ты свою преодолей!
январь 1823

Песнь Радости*
(Из Шиллера)
Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославленья,
Предаем тебе сердца!
Всё, что делит прихоть света,
Твой алтарь сближает вновь,
И душа, тобой согрета,
Пьет в лучах твоих любовь!
Хор
В круг единый, божьи чада!
Ваш Отец глядит на вас!
Свят его призывный глас,
И верна его награда!
Кто небес провидел сладость,
Кто любил на сей земли,
В милом взоре черпал Радость, –
Радость нашу раздели.
Все, чье сердце сердцу друга
В братской вторило груди;
Кто ж не мог любить, – из круга
Прочь с слезами отойди!..
Хор
Душ родство! О, луч небесный!
Вседержащее звено!
К небесам ведет оно,
Где витает неизвестный!
У груди благой природы
Всё, что дышит, Радость пьет!
Все созданья, все народы
За собой она влечет;
Нам друзей дала в несчастье –
Гроздий сок, венки харит,
Насекомым – сладострастье,
Ангел – богу предстоит.
Хор
Что, сердца, благовестите?
Иль творец сказался вам?
Здесь лишь тени – солнце там, –
Выше звезд его ищите!..
Душу божьего творенья
Радость вечная поит,

Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит;
Травку выманила к свету,
В солнцы – хаос развила
И в пространствах – звездочету
Неподвластных – разлила!

Хор

Как миры катятся следом
За вседвижущим перстом,
К нашей цели потечем –
Бодро, как герой к победам!
В ярком истины зеркале
Образ твой очам блеснит;
В горьком опыта фиале
Твой алмаз на дне горит.
Ты, как облак прохладенья,
Нам предходишь средь трудов,
Светишь утром возрожденья
Сквозь расселины гробов!

Хор

Верьте правящей деснице! –
Наши скорби, слезы, вздох
В ней хранятся как залог
И искупятся сторицей!
Кто постигнет провиденье?
Кто явит стези его?
В сердце сыщем откровенье,
Сердце скажет божество!
Прочь вражда с земного круга!
Породнись душа с душой!
Жертвой мести – купим друга,
Пурпур – вретища ценой.

Хор

Мы врагам своим простили,
В книге жизни нет долгов;
Там, в святилище миров,
Судит бог, как мы судили!..
Радость грозды наливает,
Радость кубки пламенит,
Сердце дикого смягчает,
Грудь отчаянья живит!
В искрах к небу брызжет пена,
Сердце чувствует полней;
Други, братья, – на колена!
Всеблагому кубок сей!..

Хор

Ты, чья мысль духов родила,
Ты, чей взор миры зажег!
Пьем тебе, великий бог!
Жизнь миров и душ светило!
Слабым – братскую услугу,
Добрым – братскую любовь,
Верность клятв – врагу и другу,
Долгу в дань – всю сердца кровь!
Гражданина голос смелый
На совет к земным богам;
Торжествуй святое дело –
Вечный стыд его врагам.

Хор

Нашу длань к твоей, Отец,
Простираем в бесконечность!
Нашим клятвам даруй вечность,
Наши клятвы – гимн сердец!
Февраль 1823

Друзьям при посылке "Песни Радости" из Шиллера*
Что пел божественный, друзья,
В порыве пламенном свободы

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

И в полном чувстве Бытия,
Когда на пиршество Природы
Певец, любимый сын ея,
Сзывал в единый круг народы;
И с восхищенною душой,
Во взорах – луч животворящий,
Из чаши Гения кипящей
Он пил за здравие людей.
И мне ли петь сей гимн веселый,
От близких сердцу вдалеке,
В неразделяемой тоске, –
Мне ль Радость петь на лире онемелой?
Веселье в ней не сыщет звука,
Его игривая струна
Слезами скорби смочена, –
И порвала ее Разлука!
Но вам, друзья, знакомо вдохновенье!
На краткий миг в сердечном упоенье
Я жребий свой невольно забывал
(Минутное, но сладкое забвенье!),
К протекшему душою улетаю
И Радость пел – пока о вас мечтал.
Между февралем 1823 и серединой 1826

Слезы*

O lacrimarum fons... Gray[16]

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов между листьями
Благоухающий рубин.
Люблю смотреть, когда созданья
Как бы погружены в весне
И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне!..
Люблю, когда лицо прекрасной
Зефир лобзаньем пламенит,
То шелк кудрей взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!
Но что все прелести пафосския царицы*,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы!..
Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.
И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами –
Туман рассеется слезами
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.
21 июля 1823

С чужой стороны*

(Из Гейне)

На севере мрачном, на дикой скале
□□□□□□□□Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
□□□□□□□□И сон его вьюга лелеет.
Про юную пальму всё снится ему,
□□□□□□□□Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
□□□□□□□□Стоит и цветет, одинока..
1823 или 1824

"Друг, откройся предо мною..!"*

(Из Гейне)

Друг, откройся предо мною –
Ты не призрак ли какой,
Как выводит их порою
Мозг поэта огневой!..
Нет, не верю: этих щечек,
Этих глазок милый свет,
Этот ангельский роточек –
Не создаст сего поэт.
Василиски* и вампиры,
Конь крылат и змий зубаст –
Вот мечты его кумиры, –
Их творить поэт горазд.
Но тебя, твой стан эфирный,
Сих ланит волшебный цвет,
Этот взор лукаво-смирный –
Не создаст сего поэт.
Между 1823 и 1829

"Как порою светлый месяц..."*
(Из Гейне)

Как порою светлый месяц
Выплывает из-за туч –
Так, один, в ночи былого
Светит мне отрадный луч.
Все на палубе сидели,
Вдоль по Рейну неслись,
Зеленеющие бреги
Перед нами раздались.
И у ног прелестной дамы
Я в раздумьи сидел,
И на милом, бледном лице
Тихий вечер пламенел.
Дети пели, в бубны били,
Шуму не было конца,
И лазурней стало небо,
И просторнее сердца.
Сновиденьем пролетали
Горы, замки на горах –
И светились, отражаясь,
В милых спутницы очах.
Между 1825 и 1829

К Н.*

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог, увы! умилоствить их –
Он служит им укорю безмолвной.
Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.
Но для меня сей взор благодаянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живит и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.
Таков горé* духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.*
23 ноября 1824

К Нисе*

Ниса*, Ниса, бог с тобою!
Ты презрела дружный глас,
Ты поклонников толпою
Оградилась от нас.
Равнодушно и беспечно,
Легковерное дитя,

Прижать к груди своей хотим.
Как верим верою живую,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!
Но, ах! не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, –
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.
Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, –
И отягченную главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.
<1825>

В альбом друзьям*
(Из Байрона)
Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..
Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его нет боле в вашем круге,
Но сердце здесь погребено!..»
<1826>

Саконтала
(Из Гёте)
Что юный год дает цветам –
□□□□□□Их девственный румянец;
Что зрелый год дает плодам –
□□□□□□Их царственный багрянец;
Что нежит взор и веселит,
□□□□□□Как перл, в морях цветущий;
Что греет душу и живит,
□□□□□□Как нектар, всемогущий;
Весь цвет сокровищниц мечты,
□□□□□□Весь полный цвет творенья,
И, словом, небо красоты
□□□□□□В лучах воображенья, –
Всё, всё Поэзия слила
□□□□□□В тебе одной – Саконтала.
<1826>

14-е декабря 1825*
Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, –
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена –
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.*
О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула,
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула –
И не осталось и следов.
1826

Вечер*

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной*, –
И в звучных листьях замер он.
Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, –
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.
Около 1826; <1829>

С. Е. Раичу ("На камень жизни роковой...")*

На камень жизни роковой
□□□□□□Природою заброшен,
Младенец пылкий и живой
□□□□□□Играл – неосторожен,
Но Муза сирого взяла
□□□□□□Под свой покров надежный,
Поэзии разостлала
□□□□□□Ковер под ним роскошный.
Как скоро Музы под крылом
□□□□□□Его созрели годы –
Поэт, избытком чувств влеком,
□□□□□□Предстал во храм Свободы*, –
Но мрачных жертв не приносил,
□□□□□□Служа ее кумиру, –
Он горсть цветов ей посвятил
□□□□□□И пламенную лиру.
Еще другое божество
□□□□□□Он чтит в молодые лета –
Амур резвился вокруг него*
□□□□□□И дани брал с поэта.
Ему на память стрелку дал,
□□□□□□И в сладкие досуги
Он ею повесть начертал
□□□□□□Орфеевой супруги*.
И в мире сем, как в царстве снов,
□□□□□□Поэт живет, мечтая, –
Он так достиг земных венцов*
□□□□□□И так достигнет рая...
Ум скор и сметлив, верен глаз,
□□□□□□Воображенье – быстро...
А спорил в жизни только раз –
□□□□□□На диспуте магистра.*
1827?

"Закралась в сердце грусть, – и смутно..."*
(Из Гейне)

Закралась в сердце грусть, – и смутно
Я вспомянул о старине:
Тогда всё было так уютно
И люди жили как во сне.
А нынче мир весь как распался:
Всё кверху дном, все сбились с ног, –
Господь-бог на небе скончался
И в аде сатана издох.
Живут как нехотя на свете,
Везде брюзга, везде раскол, –
Не будь крохи любви в предмете,
Давно б из мира вон ушел.
Между 1826 и 1829

Вопросы*

(Из Гейне)

Над морем, диким полуночным морем
□□□□□□Муж-юноша стоит –
В груди тоска, в душе сомненье, –
И, сумрачный, он вопрошает волны:

«О, разрешите мне загадку жизни,
Мучительно-старинную загадку,
Над коей сотни, тысячи голов –
В египетских, халдейских шапках*,
Гиероглифами ушитых,
В чалмах, и митрах, и скуфьях,
И с париками, и обритых, –
Тьмы бедных человеческих голов
Кружились, и сохли, и потели, –
Скажите мне, что значит человек?
□□□□□□□□Откуда он, куда идет,
И кто живет над звездным сводом?»
По-прежнему шумят и ропщут волны,
□□□□□□□□И дует ветер, и гонит тучи,
□□□□□□□□И звезды светят хладно-ясно –
□□□□□□□□Глупец стоит – и ждет ответа!
Между 1827 и 1829

"За нашим веком мы идем..."*
За нашим веком мы идем,
Как шла Креуза за Энеем*:
Пройдем немного – ослабеем,
Убавим шаг – отстаем.
Между 1827 и 1829

Кораблекрушение*
(Из Гейне)

Надежда и любовь – всё, всё погибло!..
И сам я, бледный, обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!..
Передо мной – пустыня водяная,
За мной лежат и горе и беда,
А надо мной бредут лениво тучи,
Уродливые дочери неба!
Они в туманные сосуды
Морскую черпают волну,
И с ношей вдаль, усталые, влекутся,
И снова выливают в море!..
Нерадостный и бесконечный труд!
И суетный, как жизнь моя!..
Волна шумит, морская птица стонет!
Минувшее повеяло мне в душу –
Былые сны, потухшие виденья
Мучительно-отрадны встают!
Живет на севере жена!
Прелестный образ, царственно-прекрасный!
Ее, как пальма, стройный стан
Обхвачен белой сладострастной тканью;
Кудрей роскошных темная волна,
Как ночь богов блаженных, льется
С увенчанной косами головы
И в легких кольцах тихо веет
Вкруг бледного, умильного лица,
И из умильно-бледного лица
Отверсто-пламенное око
Как черное сияет солнце!..
О черно-пламенное солнце,
О, сколько, сколько раз в лучах твоих
Я пил восторга дикий пламень,
И пил, и млел, и трепетал, –
И с кротостью небесно-голубиной
Твои уста улыбка обвевала,
И гордо-милые уста
Дышали тихими, как лунный свет, речами
И сладкими, как запах роз...
И дух во мне, оживши, воскрылялся

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И к солнцу, как орел, парил!..
Молчите, птицы, не шумите, волны,
Всё, всё погибло – счастье и надежда,
Надежда и любовь!.. Я здесь один, –
На дикий берег заброшенный грозою,
Лежу простерт – и рдеющим лицом
Сырой песок морской пучины рою!..
Между 1827 и 1829

Весенняя гроза*
Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.
С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный –
Всё вторит весело громам.
Ты скажешь: ветреная Геба*,
Кормя Зевесова орла*,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.
<1828>, начало 1850-х годов

Могила Наполеона*
Душой весны природа ожила,
И блещет всё в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весной разогретом..
Еще гремит твоих побед
Отзывный гул в колеблющемся мире..
. . .
. . .
И ум людей твою тенью полн,
А тень твоя, скитаясь в крае диком,
Чужда всему, внимая шуму волн,
И тешится морских пернатых криком.
<1828>

Cache-cache[17]*
Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?
О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида* моя?
Волшебную близость, как благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.
Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!
Не арфы ль твоей мне послышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.
Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?
<1828>

Летний вечер*
Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.
Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.
Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.
И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.
<1828>

Видение*
Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
□□□□□□□□И в оный час явлений и чудес
□□□□□□□□Живая колесница мирозданья*
Открыто катится в святилище небес.
Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
□□□□□□□□Беспмятство, как Атлас*, давит сушу...
□□□□□□□□Лишь музы девственную душу
□□□□□□□□В пророческих тревожат боги снах!
<1829>

Олегов щит*
1
«Аллах! пролей на нас твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров* лицемерных!
□□□□□□□□□□Пророк твой – Магомет!..»
2
«О наша крепость и оплот!
Великий бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вёл в пустыне
□□□□□□□□Свой избранный народ*!..»
–
Глухая полночь! Всё молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула –
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.
<1829>, начало 1850-х годов

Бессонница ("часов однообразный бой...")*
Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!
Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?
Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг –
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих.
И наша жизнь стоит пред нами,

Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...
И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!
Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!
<1829>

Утро в горах*
Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.
Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.
<1829>

Снежные горы*
Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, –
И задымилась гора
С своими черными лесами.
Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи...
И между тем как полусонный
Наш дольний* мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, –
Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей,
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.
<1829>

Полдень*
Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
В лазури пламенной и чистой
Лениво тают облака.
И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.*
<1829>

Сны*
Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...
Настанет ночь – и звучными волнами
□□□□□□□□ Стихия бьет о берег свой.
То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
□□□□□□□□ В неизмеримость темных волн.
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
□□□□□□□□ Со всех сторон окружены.
<1829>

Двум сестрам*
Обеих вас я видел вместе –
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж свежесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!..
И всё, как в зеркале волшебном,
Всё обозначилось вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!..
<1829>

Императору Николаю I*
<Из Людвиг Баварского>
О Николай, народов победитель,
Ты имя оправдал свое! Ты победил!
Ты, господом воздвигнутый воитель,
Неистовство врагов его смирил*...
Настал конец жестоких испытаний,
Настал конец неизреченных мук.
□□□□Ликуйте, христиане!
□□□□□□□□□□Ваш бог, бог милостей и браней,
Исторг кровавый скиптр из нечестивых рук.
Тебе, тебе, послу его велений –
Кому сам бог вручил свой страшный меч, –
Известь народ его из смертной тени
И вековую цепь навек рассечь.
Над избранной, о царь, твоей главою
Как солнце просияла благодать!
□□□□Бледнея пред тобою,
□□□□Луна покрылась тьмою* –
Владычеству Корана не восстать...
Твой гневный глас послыша в отдаленье,
Содроглися Османовы врата*:
Твоей руки одно лишь мановенье –
И в прах падут к подножию креста.
Сверши свой труд, сверши людей спасенье.
Реки: «Да будет свет»* – и будет свет!
□□□□□□□□□□Довольно крови, слез пролитых,
□□□□□□□□□□Довольно жен, детей избитых,
Довольно над Христом ругался Магомет!..
Твоя душа мирской не жаждет славы,
Не на земное устремлен твой взор.
Но тот, о царь, кем держатся державы,
Врагам своим изрек их приговор...
Он сам от них лицо свое отводит,
Их злую власть давно подмыла кровь,
Над их главою ангел смерти бродит,
□□□□Стамбул исходит –
Константинополь воскресает вновь...
<1829>

К N. N.*
Ты любишь! Ты притворствовать умеешь:
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!
Всё тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенья персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной!..
Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет... Он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.
Стыдливости румянец невозвратный,

Он улетел с младых твоих ланит –
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.
Но так и быть... В палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть, в тени как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.
<1829>

"Еще шумел веселый день..."*
Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала,
И доносились порой
Все звуки жизни благодатной, –
И всё в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный – и невнятный.
Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье...
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...
Затих повсюду шум и гам
И воцарилось молчанье –
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...
Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.
И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлёк, незримый, в царство теней.
<1829>, 1851

Последний катаклизм*
Когда пробьёт последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!
<1829>

Безумие*
Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, –
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.
Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.
То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.
И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!.
<1829>

"Здесь, где так вяло свод небесный..."*
Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, –
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...
Лишь кой-где бледные березы,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.
<1829>

Странник*
Угоден Зевсу бедный странник*,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..
Сей дивный мир, их рук создание,
С разнообразием своим,
Лежит, развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...
Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, –
Ему отверста вся земля,
Он видит всё и славит бога!..
<1829>

Успокоение*
Гроза прошла – еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозой освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роце раздалася
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.
<1829>

Ночные мысли*
(Из Гёте)
Вы мне жалки, звезды-горемыки!
Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви – и ввек не знали!
Неудержно вас уводят Оры*
Сквозь ночную беспредельность неба.
О! какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятых милой
Вас и полночь сладко забываю!
<1829>

Весеннее успокоение*
(Из Уланда)
О, не кладите меня
В землю сырую –
Скройте, заройте меня
В траву густую!
Пусть дыхание ветерка
Шевелит травую,
Свирель поет издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..
<1829>

Приветствие духа*
(Из Гёте)
На старой башне, одиноко,
□□□□□□□□ дух рыцаря стоит –
И, лишь завидит он челнок,
□□□□□□□□ приветом огласит:
«Играла жизнь и в сей груди,
□□□□□□□□ кулак был из свинца,
И богатырский мозг в кости,
□□□□□□□□ и кубок до конца...»

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Пробушевал полжизни я –
□□□□□□□□□□Полжизни провололок...
А ты плыви, плыви, ладья,
□□□□□□□□□□Куда несет поток».
<1829>, начало 1830-х годов

Певец*

(Из Гёте)

«Что там за звуки пред крыльцом,
За гласы пред вратами?..
В высоком тереме моем
Раздайся песнь пред нами!..»
Король сказал, и паж бежит,
Вернулся паж, король гласит:
«Скорей впустите старца!..»
«Хвала вам, витязи, и честь,
Вам, дамы, обожанья!..
Как звезды в небе перечесть!
Кто знает их названья!..
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся взор – не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»
Седой певец глаза смежил
И в струны грянул живо –
У смелых взор смелей горит,
У жен – поник стыдливо.
Пленился царь его игрой
И шлет за цепью золотой –
Почтить певца седого!..
«Златой мне цепи не давай,
Награды сей не стою,
Ее ты витязям отдай,
Бесстрашным среди бою;
Отдай ее своим дьякам,
Прибавь к их прочим тяготам
Сие златое бремя!..
На божьей воле я пою,
Как птичка в поднебесье,
Не чая мзды за песнь свою –
Мне песнь сама возмездье!..
Просил бы милости одной, –
Вели мне кубок золотой
Вином наполнить светлым!»
Он кубок взял и осушил
И слово молвил с жаром:
«Тот дом господь благословил,
Где это – скудным даром!..
Свою вам милость он пошли
И вас утешь на сей земли,
Как я утешен вами!..»
<1829>

"Запад, Норд и Юг в крушенье..."*

(Из Гётева «Западо-Восточного дивана»)

Запад, Норд и Юг в крушенье,
Троны, царства в разрушенье, –
На Восток укройся дальный
Воздух пить патриархальный!..
В играх, песнях, пированье
Обнови существованье!..
Там проникну, в сокровенных,
До истоков потаенных
Первородных поколений,
Гласу божиих велений
Непосредственно внимавших
И ума не надрывавших,
Память праотцев святивших,
Иноземию претивших,

Где во всем хранилась мера,
Мысль – тесна, пространна вера,
Слово – в силе и почтенье,
Как живое откровенье!..
То у пастырей под кущей,
То в оазиси цветущей
С караваном отдохну я,
Ароматами торгуя:
Из пустыни в поселенья
Исслежу все направленья.
Песни Гафица* святые
Усладят стези крутые:
Их вожатый голосистый,
Распевая в тверди чистой,
В позднем небе звезды будит
И шаги верблюдов нудит.
То упьюся в банях ленью,
Верен Гафица ученью:
Дева-друг фату* бросает,
Амвру* с кудрей отрясает, –
И поэта сладкопевность
В девах райских будит ревность!..
И сие высокомерье
Не вменяйте в суеверье;
Знайте: все слова поэта
Легким роем, жадным света,
У дверей стучатся рая,
Дар бессмертья вымоляя!..
<1829>

Заветный кубок*

(Из Гёте)

Был царь, как мало их ныне, –
По смерти он верен был:
От милой, при кончине,
Он кубок получил.
Ценил его высоко
И часто осушал, –
В нем сердце сильно билось,
Лишь кубок в руки брал.
Когда ж сей мир покинуть
Пришел его черед,
Он делит всё наследство, –
Но кубка не дает.
И в замок, что над морем,
Друзей своих созвал
И с ними на прощанье,
Там сидя, пировал.
В последний раз упился
Он влагой огневой,
Над бездной наклонился
И в море – кубок свой..
На дно пал кубок морское, –
Он пал, пропал из глаз,
Забилось ретивое,
Царь пил в последний раз!..
<1829>

Из "Вильгельма Мейстера" Гёте

"Кто с хлебом слез своих не ел..."

□□Кто с хлебом слез своих не ел,

□□Кто в жизни целыми ночами

□□На ложе, плача, не сидел,

Тот незнаком с небесными властями.

□□Они нас в бытие манят –

□□Заводят слабость в преступленья

□□И после муками казнят:

Нет на земли проступка без отмщенья!

"Кто хочет миру чуждым быть..."

□□Кто хочет миру чуждым быть,
□□Тот скоро будет чужд, –
□□Ах, людям есть кого любить,
□□Что им до наших нужд!
□□□□Так! что вам до меня?
□□□□Что вам беда моя?
□□□□Она лишь про меня, –
□□□□С ней не расстанусь я!
Как крадется к милой любовник тайком:
«Откликнись, друг милый, одна ль?»
□□Так бродит ночью и днем
□□Кругом меня тоска,
□□Кругом меня печаль!..
□□Ах, разве лишь в гробу
□□От них укрыться мне –
□□В гробу, в земле сырой –
□□Там бросят и оне!
<1829>

Из Шекспира

"Любовники, безумцы и поэты..."¹
Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты!..
Тот зрит бесов, каких и в аде нет
(Безумец то есть); сей, равно безумный,
Любовник страстный видит, очарован,
Елены красоту в цыганке смуглой.
Поэта око, в светлом исступленьи,
Круговращаясь, блещет и скользит
На землю с неба, на небо с земли –
И, лишь создаст воображенья виды
Существ неведомых, поэта жезл
Их претворяет в лица и дает
Теням воздушным местность и название!
Песня
Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.
Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.
Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов
В сумрак месяца сырой
Высылают мертвецов!..
<1829>

Байрон*

Отрывок < Из Цедлица >

1
Войди со мной – пуста сия обитель*,
Сего жилища одичали боги,
Давно остыл алтарь их – и без смены
На страже здесь молчанье. На пороге
Не встретит нас с приветствием служитель,
На голос наш откликнутся лишь стены.
□□□□□□Зачем, о сын Камены*
Любимейший, – ты, наделенный даром
Неугасимо-пламенного слова,
Зачем бежал ты собственного крова*,
Зачем ты изменил отцовским ларам?
Ах, и куда, безвременно почивший*,
Умчал тебя сей вихрь, тебя носивший!

2

Так, некогда здесь был жилец могучий,

Здесь песнями дышал он – и дыханье
Не ветерка в черемухе душистой
Казалось игривое журчанье, –
Нет, песнь его грозней гремящей тучи,
Как божий гнев, то мрачный, то огнистый,
□□□□□□Неслась по тверди мгlistой, –
Вдруг над зеленой нивой или садом
Невыцветшим заклепы расторгала
И мрак, и лед, и пламень извергала,
Огнем палила, бороздила градом, –
Местами лишь, где туча разрывалась,
Лазурь небес прелестно улыбалась!

3

Духов, гласят, неистовое пенье
Внимающих безумьем поражало, –
Так и его, как неземная сила,
Все пропасти душевные взрывало,
На самом дне будило преступленье,
Дыханье замирало, сердце ныло,
□□□□□□И нечто грудь теснило.
Как бы кругом воздушный слой, редея,
Земную кровь сосал из нашей жилы,
И нам, в борьбе, недоставало силы
Стряхнуть с себя господство чародея,
Пока он сам, как бы для посмеянья,
Своим жезлом не рушил обаянья!

4

И мудрено ль, что память о высоком
Невольной грустью душу осенила!..
Не лебедем ты создан был судьбою,
Купающим в волне румяной крыла,
Когда закат пылает над потоком
И он плывет, любуясь сам собою,
□□□□□□Между двойной зарею, –
Ты был орел – и со скалы родимой,
Где свил гнездо – и в нем, как в колыбели,
Тебя качали бури и метели,
Во глубь небес нырял, неутомимый,
Над морем и землей парил высоко,
Но трупов лишь твое искало око!..

5

Злосчастный дух! Как в зареве пожара
Твое кроваво-тусклое зеркало,
Блестящее в роскошном, свежем цвете,
И мир и жизнь так дико отражало!..
С печатью на челе святого дара
И скиптром власти в неземном совете
□□□□□□Любил ты в мутном свете
Земную жизнь виденьями тревожить!..
В тебе самом, как бы в иносказанье,
Для нас воскресло грозное преданье, –
Но распознать наш взор тебя не может –
Титан ли ты, чье сердце снедью врана,
Иль сам ты вран, терзающий титана!..*

6

Своих отцов покинул он обитель,
Где тени их скитаются безмолвны,
Где милые остались залогом, –
И как весь день метет крылами волны
Морская птица, скал пустынных житель, –
Так и ему по жизненной дороге
□□□□□□Пройти судили боги,
Нигде не встретив мирной, светлой кущи! –
И тщетно он, в борьбе с людьми, с собою,
Рвался схватить земное счастье с бою.
Над ним был Рок, враждебный, всемогущий!
Всходил за ним на снежные вершины,
Спускался в дол, переплывал пучины!..

7

То мчится бард, беглец родного края,
На встречу солнца, по стихии бурной,
Где Лиссабон, на жарком небе рдея,
Златым венцом объял залив лазурный, –
Там, где земля горит, благоухая,
И где плоды, на пыльных ветвях зрея,
□□□□□□душистей и свежее, –
Тебя потом он огласил приветом,
Страна любви, геройства, приключений*,
Где и поднесь их сладкопевный гений
Как бы волшебным обвеваает светом
Узорчатой Альгамбры* колоннады
Иль рощи благовонные Гренады!

8

То совершитель тризны благочестной*,
Теней погибших окруженный роем,
Равнину ту обходит он с тоскою,
Где жребий мира выпал славным боем,
Где был судим сей страшный суд железный!..
Сия земля, клейменная судьбою,
□□□□□□Под чуткою стопою
Дрожит еще невольню и поныне,
Как тундра крови, – здесь, в мученьях страшных,
Притоптаны ряды сердец отважных,
И слоem лег их пепел по равнине, –
Враждебные, они затихли вместе,
Те с жаждою, те в упоенье мести!..

9

Но дале бард – и видит пред собою
Грозноносящий вечно юный Рейн, –
И там и сям на выси виноградной
Мелькает замок, и поднесь обвеян
Волшебной былью, мглисто-золотою!..
И вот, вдали, сияющий и хладный,
□□□□□□Возник титан громадный* –
Швейцария!.. Там мир как за оградой;
Звучит рожок, поют вольней потоки,
В горах, как в чаше, озерá глубоки,
Свет на холмах, в долинах тень с прохладой
И надо всем вершины ледяные,
То бледные, то огненно-живые!..

10

Потом с высот, где, разлучаясь, воды
В широкие, полдневные равнины,
Как бы на пир, стремят свое течение,
Отколь не раз, как льдистые лавины,
Полночные срывались народы*, –
В Италию, родимое владенье,
□□□□□□Он сводит вдохновенье –
Небесный дух сей край чудес обходит,
Высокий лавр и темный мирт колышет,
Под сводами чертогов светлых дышит,
С цветущих персей запах роз уводит
И шевелит прозрачной пеленою
Над дремлющей в руинах стариною!..

11

Но на Восток цветущий и пустынный
Влекло певца всесильное пристрастье,
В любимый край его воображенья!..
Сей мир насильства, лени, сладострастья
Он зрел еще перед его кончиной –
Где обнялись в роскошном запустенье
□□□□□□И жизнь и разрушенье
И дружески цвели в вечернем свете
Вершины гор, где жил разбой веселый,
Там, за скалой, пирата парус белый,
Здесь рог луны, горящий на мечети,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И чистые остатки Парфенона*

На девственном румянце небосклона.

12

Но ты расторг союз сего творенья,
Дух вольности, бессмертная стихия!
И бой вспылал Отчаяния с Силой!..*
Кровь полилась, как воды ключевые,
В ночи земля пила их без зазренья,
Лишь зарево, как светоч над могилой,
Горе* над ней светило, –
И скоро ли – то провиденье знает –
Взойдет заря и бурный мрак развеет!..
Но юный день с любовью да светлеет
На месте том, где дух певца витает,
Где в сумраке болезненной надежды
Сомкнула смерть его земные вежды!..

13

Певец угас пред жертвенником брани!..
Но песнь его нигде не умолкала, –
Хоть из груди, истерзанной страстями,
Она нередко кровью вытекала,
Волшебный жезл не выпадал из длани,
Но двигал он лишь адскими властями!..
□□□□□□В распри с небесами
Высокая божественность мученья
Была ему загадкою враждебной –
И, упиваясь чашею врачебной,
Отравы жаждал он, не исцеленья, –
Вперенные в подземный ужас очи
Он отвращал от звездной славы ночи!..

14

Таков он был, могучий, величавый,
Восторженный хулитель мирозданья!..
Но зависти ль удел его достоин?..
Родительским добром существованья
Он приобрел даруемое славой!
Но был ли он, сим демоном присвоен,
□□□□□□Иль счастлив, иль спокоен?
Сиянье звезд, денницы луч веселый
Души его, где вихри бушевали,
Лишь изредка угрюмость проведали.
Он стихнул днесь*, вулкан перегорелый.
И позднее бессмертия светило
С ночных небес глядит в него уныло..
1828 или 1829

"Едва мы вышли из Трезенских врат..."*

⟨Из «Федры» Расина⟩

Едва мы вышли из Трезенских врат*,
Он сел на колесницу, окруженный
Своею, как он сам, безмолвной стражей.
Микенскою дорогой* ехал он,
Отдав коням в раздумий бразды.
Сии живые, пламенные кони,
Столь гордые в обычном их пылу,
Днесь, с головой поникшей, мрачны, тихи,
Казалось, согласовались с ним.
Вдруг из морских пучин исшедший крик
Смутил кругом воздушное молчанье,
И в ту ж минуту страшный некий голос
Из-под земли отвечает стенаньем.
В груди у всех оледенела кровь,
И дыбом стала чутких тварей грива.
Но вот, белея над равниной влажной,
Подъялся вал, как снежная гора, –
Возрос, приблизился, о брег расшибся
И выкинул чудовищного зверя.
Чело его ополчено рогами,

Хребет покрыт желтистой чешуей.
Ужасный вол, неистовый дракон,
В бесчисленных изгибах вышел он.
Брег, зыблясь, стонет от его рыканья;
День, негодуя, светит на него;
Земля подвиглась; вал, его извергший,
Как бы объятый страхом, хлынул вспять.
Всё скрылося, ища спасенья в бегстве, –
Лишь Ипполит*, героя истый сын,
Лишь Ипполит, боязни недоступный,
Остановил коней, схватил копье
И, меткою направив сталь рукою,
Глубокой язвой зверя поразил.
Взревело чудо, боль копья почуя,
Беснуясь, пало под ноги коням
И, роя землю, из кровавой пасти
Их обдало и смрадом и огнем!
Страх обуял коней – они помчались,
Не слушаясь ни гласа, ни вожжей, –
Напрасно с ними борется возница,
Они летят, багря удила пеной:
Бог некий, говорят, своим трезубцем
Их подстрекал в дымящиеся бедра..
Летят по камням, дебрям.. ось трещит
И лопнула.. Бесстрашный Ипполит
С изломанной, разбитой колесницы
На землю пал, опутанный вожжами, –
Прости слезам моим!.. Сей вид плачевный
Бессмертных слез причиной будет мне!
Я зрел, увы! как сына твоего
Влекли, в крови, им вскормленные кони!
Он кличет их... но их пугает клик –
Бегут, летят с истерзанным возницей.
За ним вослед стремлюся я со стражей, –
Кровь свежая стезю нам указывает.
На камнях кровь... на терниях колючих
Клоки волос кровавые повисли..
Наш дикий вопль равнину оглашает!
Но наконец неистовых коней
Смирился пыл... они остановились
Вблизи тех мест, где прадедов твоих
Прах царственный в гробах почует древних!..
Я прибежал, зову... с усиьем тяжким
Он, вежды приподняв, мне подал руку:
«Всевышних власть мой век во цвете губит.
Друг, не оставь Ариции* моей!
Когда ж настанет день, что мой родитель,
Рассеяв мрак ужасной клеветы*,
В невинности сыновней убедится,
О, в утешенье сетующей тени,
Да облегчит он узнице своей
Удел ее!.. Да возвратит он ей...»
При сих словах героя жизнь угасла,
И на руках моих, его державших,
Остался труп, свирепо искаженный,
Как знаменье богов ужасной кары,
Не распознаемый и для отцовских глаз!
Конец 1820-х годов

"Высокого предчувствия..."*
<Из «Пятого мая» Мандзони>
Высокого предчувствия
Порывы и томленье,
Души, господства жаждущей,
Кипящее стремленье
И замыслов событие
Несбыточных, как сон, –
Всё испытал он! – счастье,

Победу, заточенье,
И всё судьбы пристрастие,
И всё ожесточенье! –
Два раза брошен был во прах
И два раза на трон!..
Явился: два столетия,
В борении жестоком
Его узрев, смирились вдруг,
Как пред всеильным роком.
Он повелел умолкнуть им
И сел меж них судьей!
Исчез – и в ссылке довершил
Свой век неимоверный –
Предмет безмерной зависти
И жалости безмерной,
Предмет вражды неистойвой,
Преданности слепой!..
Как над главою тонущих
Растет громадой пенной
Сперва игравший ими вал –
И берег вожделенный
Вотще очам трепещущим
Казавший свысока, –
Так память над душой его,
Скопившись, тяготела!..
Как часто высказать себя
Душа сия хотела,
И, обомлев, на лист начатый
Вдруг падала рука!
Как часто пред кончиной дня –
Дня безотрадной муки, –
Потупив молнии очей,
Крестом сложивши руки,
Стоял он – и минувшее
Овладевало им!..
Он зрел в уме: подвижные
Шатры, равнины боев,
Рядов пехоты длинный блеск,
Потоки конных строев –
Железный мир и дышащий
Велением одним!..
О, под толиким бременем
В нем сердце истомилось
И дух упал... Но сильная
К нему рука спустилась –
И к небу, милосердая,
Его приподняла!..
Конец 1820-х годов

""прекрасный будет день", – сказал товарищ..""*

<Из «Путевых картин» Гейне>
«прекрасный будет день», – сказал товарищ,
Взглянув на небо из окна повозки.
Так, день прекрасный будет, – повторило
За ним мое молящееся сердце
И вздрогнуло от грусти и блаженства!..
прекрасный будет день! Свободы солнце
живей и жарче будет греть, чем ныне
Аристократия светил ночных!
И расцветет счастливейшее племя,
Зачатое в объятьях произвольных, –
Не на одре железном принужденья,
Под строгим, под таможенным надзором
Духовных приставов, – и в сих душах
Вольнорожденных вспыхнет смело
Чистейший огонь идей и чувствований, –
Для нас, рабов природных, непостижный!
Ах, и для них равно непостижи<ма>

Та будет ночь, в которой их отцы
Всю жизнь насквозь томились безотрадно
И бой вели отчаянный, жестокий,
Противу гнусных сов и ларв* подземных,
Чудовищных Ерева* порождений!..
Злосчастные бойцы, все силы духа,
Всю сердца кровь в бою мы истощили –
И, бледных, преждевременно одряхших,
Нас озарит победы поздний день!..
Младого солнца свежее бессмертье
Не оживит сердец изнеможенных,
Ланит потухших снова не зажжет!
Мы скроемся пред ним, как бледный месяц!
Так думал я и вышел из повозки*
И с утренней усердною молитвой
Ступил на прах, бессмертьем освященный!..
Как под высоким триумфальным сводом
Громадных облаков всходило солнце,
Победоносно, смело и светло,
Прекрасный день природе возвещая!
Но мне при виде сем так грустно было,
Как месяцу, еще заметной тенью
Бледневшему на небе. Бедный месяц!
В глухую полночь одиноко, сирот
Он совершил свой горемычный путь,
Когда весь мир дремал – и пировали
Одни лишь совы, призраки, разбой;
И днесь пред юным днем, грядущим в славе,
С звучащими веселием лучами
И пурпурной разлитой зарей,
Он прочь бежит... еще одно воззренье
На пыльное всемирное светило –
И легким паром с неба улетит.
Не знаю я и не ищу предвидеть,
Что мне готовит Муза! Лавр поэта
Почтит иль нет мой памятник надгробный?
Поэзия душе моей была
Младенчески-божественной игрушкой –
И суд чужой меня тревожил мало.
Но меч, друзья, на гроб мой положите!
Я воин был! Я ратник был свободы
И верою и правдой ей служил
Всю жизнь мою в ее священной брани!
1829 или 1830

"Как над горячею золой..."*
Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает
И огонь сокрытый и глухой
Слова и строки пожирает –
Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом,
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..
О Небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле –
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы – и погас!
<1829>, начало 1830-х годов

Цицерон*
Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал – и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»*
Так!.. Но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты*
Во всем величье видел ты

Закат звезды ее кровавый!*. .
Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие*
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был –
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!
<1829>; начало 1830-х годов

Весенние воды*
Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят –
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!
Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»
<1829>, начало 1830-х годов

silentium! [18]*
Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, –
Питайся ими – и молчи.
Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, –
Внимай их пенью – и молчи!..
<1829>, начало 1830-х годов

Сон на море*
И море, и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликались ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебном-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы* развил он свой мир –
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы*, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижим сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.
<1830>

Конь морской*
О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смиренный-ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле,
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!
Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег –
И в брызги разлетишься!..
<1830>

"Душа хотела б быть звездой..."*
Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, –
Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.
<1830>

Из «Эрнани» <Гюго>*
Великий Карл, прости! – Великий, незабвенный,
Не сим бы голосом тревожить эти стены –
И твой бессмертный прах смущать, о исполин,
Жужжанием страстей, живущих миг один!
Сей европейский мир, руки твоей созданье,
Как он велик, сей мир! Какое овладанье!..
С двумя избранными вождями над собой –
И весь багрянородный сонм – под их стопой!..
Все прочие державы, власти и владенья –
Дары наследия, случайности рожденья, –
Но папу, кесаря* сам бог земле дает,
И промысл* через них нас случаем блюдет.
Так соглашает он устройство и свободу!
Вы все, позорищем служащие народу,
Вы, курфюрсты*, вы, кардиналы, сейм, синклит, –
Вы все ничто! Господь решит, господь велит!..
Родись в народе мысль, зачатая веками,
Сперва растет в тени и шевелит сердцами –
Вдруг воплотилася и увлекла народ!..
Князья куют ей цепь и зажимают рот,
Но день ее настал – и смело, величаво
Она вступила в сейм, явилась средь конклава*
И, с скипетром в руках иль митрой на челе,
Пригнула все главы венчаные к земле..
Так папа с кесарем всесильны – всё земное
Лишь ими и чрез них. Как таинство живое
Явило небо их земле – и целый мир –
Народы и цари – им отдан был на пир!..
Их воля строит мир и зданье замыкает,
Творит и рушит. – Сей решит, тот рассекает.
Сей Истина, тот Сила – в них самих
Верховный их закон, другого нет для них!..
Когда из алтаря они исходят оба –

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

Тот в пурпуре, а сей в одежде белой гроба –
Мир, цепenea, зрит в сиянье торжества
Сию чету, сии две полы божества!..
И быть одним из них, одним! О, посрамленье
Не быть им!.. и в груди питать сие стремленье!
О, как, как счастлив был почивший в сем гробу
Герой! Какую бог послал ему судьбу!
Какой удел! И что ж? Его сия могила.
Так вот куда идет – увы! – всё то, что было
Законодатель, вождь, правитель и герой,
Гигант, все времена превысивший главой!
Как тот, кто в жизни был Европы всей владыкой,
Чье титло было кесарь, имя Карл Великий,
Из славимых имен славнейшее поднесь*,
Велик – велик, как мир, – а всё вместилося здесь!
Ищи ж владычества и взвесь пригоршни пыли
Того, кто всё имел, чью власть как божью чтили.
Наполни грохотом всю землю, строй, возвысь
Свой столп до облаков, всё выше, высь на высь –
Хотя б бессмертных звезд твоя коснулась слава,
Но вот ее предел!.. О царство, о держава,
О, что вы? Всё равно – не власти ль жажду я?
Мне тайный глас сулит: твоя она – моя –
О, если бы моя! Свершится ль предвещанье? –
Стоять на высоте и замыкать созданье,
На высоте – один – меж небом и землей
И видеть целый мир в уступах под собой:
Сперва цари, потом – на степенях различных –
Старейшины домов удельных и владычных,
Там доги*, герцоги, церковные князья,
Там рыцарских чинов священная семья,
Там духовенство, рать, – а там, в дали туманной,
На самом дне – народ, несчетный, неустанный,
Пучина, вал морской, терзающий свой берег,
Стозвучный гул, крик, вопль, порою горький смех,
Таинственная жизнь, бессмертное движенье,
Где, что ни брось во глубь, и все они в броженье –
Зерцало грозное для совести царей,
Жерло, где гибнет трон, всплывает мавзолей!
О, сколько тайн для нас в твоих пределах темных!
О, сколько царств на дне – как остовы огромных
Судов, свободную теснивших глубину,
Но ты дохнул на них – и груз пошел ко дну!
И мой весь этот мир, и я схвачу без страха
Мироправленье жезл! Кто я? Исчадь праха!
1830

"Через ливонские я проезжал поля..."*
Через ливонские я проезжал поля*,
Вокруг меня всё было так уныло..
Бесцветный грунт небес, песчаная земля –
Всё на душу раздумье наводило.
Я вспомнил о былом печальной сей земли –
Кровавую и мрачную ту пору*,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
□□□□□□□□ лобзали рыцарскую шпору.
И, глядя на тебя, пустынная река*,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, – мыслил я, – пришли издалека,
□□□□□□□□ Вы, сверстники сего былого!»
Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с берегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
□□□□□□□□ мог допроситься я ответа!..
Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной, –
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчание хранит*.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Начало октября 1830

"Песок сыпучий по колени..."*
Песок сыпучий по колени...
Мы едем – поздно – меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий –
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!*
Октябрь 1830

Осенний вечер*
Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерёв,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья!
Октябрь 1830

Листья*
Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят, –
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.
Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Всё красное лето
Мы были в красе –
Играли с лучами,
Купались в росе!..
Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!
О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..
Октябрь 1830

Альпы*
Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.

Властью некоей обаянны,
До восшествия Зари
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..
Но Восток лишь заалееет,
Чарам гибельным конец –
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блеснит в венцах из золота
Вся воскресшая семья!..
Октябрь? 1830

Mała aria[19]*

Люблю сей божий гнев! Люблю сие незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло –
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима!
Всё та ж высокая, безоблачная твердь,
Всё так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Всё тот же теплый ветер верхи дерев колышет,
Всё тот же запах роз... и это всё есть Смерть!..
Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цветы и голоса –
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки, –
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою, свой образ прикрывает...
Да утаит от них приход ужасный свой!..
1830

"Сей день, я помню, для меня..."*

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздыхалась грудь ее волною,
Алели щеки, как заря,
Всё жарче рдея и горя!
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признание золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!..
1830

Из «Фауста» Гёте*

1

Звучит, как древле, пред тобою
Светило дня в строю планет
И предначертанной стезею,
Гремя, свершает свой полет!
Ему дивятся серафимы,
Но кто досель его постиг?
Как в первый день, непостижимы
Деда, всевышний, рук твоих!
И быстро, с быстротой чудесной,
Кругом вратится шар земной,
Меня тихий свет небесный
С глубокой ночи темнотой.
Морская хлябь гремит валами
И роет каменный свой брег,
И бездну вод с ее скалами
Земли уносит быстрый бег!
И беспрерывно бури воют,
И землю с края в край метут,
И зыбь гнетут, и воздух роют,
И цепь таинственную вьют.

Вспылал предтеча-истребитель,
Сорвавшись с тучи, грянул гром,
Но мы во свете, вседержитель,
Твой хвалим день и мир поем.
Тебе дивятся серафимы!
Тебе гремит небес хвала!
Как в первый день, непостижимы,
Господь! руки твоей дела!

2

«Кто звал меня?»

– «О страшный вид!»

– «Ты сильным и упрямым чаром

Мой круг волшебный грыз недаром –
И днесь...»

– «Твой взор меня мертвит!»

– «Не ты ль молил, как исступленный,

Да узришь лик и глас услышишь мой?
Склонился я на клич упорный твой
И се предстал! Какой же страх презренный
Вдруг овладел, титан, твоей душой?..
Та ль эта грудь, чья творческая сила
Мир целый создала, взлелеяла, взрастила
И, в упоении отваги неземной,
С неутомимым напряженьем
До нас, духов, возвыситься рвалась?
Ты ль это, фауст? И твой ли был то глас,
Теснившийся ко мне с отчаянным моленьем?
Ты, фауст? Сей бедный, беспомощный прах,
Проникнутый насквозь моим дхновеньем,
Во всех души своей дрожащий глубинах?..»

– «Не удручай сим пламенным презреньем

Главы моей! Не склонишь ты ея!
Так, фауст я, дух, как ты! твой равный я!..»

– «Событий бурю и вал судеб

Вращаю я,
Воздвигаю я,
Вею здесь, вею там, и высок и глубок!
Смерть и Рождение, Воля и Рок,
Волны в боренье,
Стихии во пренье,
Жизнь в измененье –
Вечный, единый поток!..
Так шумит на стану моем ткань роковая,
И богу прядется риза живая!»
– «Каким сродством неодолимым,
Бессмертный дух! влечешь меня к себе!»
– «Лишь естеством, тобою постижимым,
Подобен ты – не мне!..»

3

Чего вы от меня хотите,
Чего в пыли вы ищите моей,
Святые гласы, там звучите,
Там, где сердца и чище и нежней.
Я слышу весть – но веры нет для ней!
О вера, вера, мать чудес родная,
Дерзну ли взор туда поднять,
Откуда весть летит благая!
Ах, но, к нему с младенчества привычный,
Сей звук родимый, звук владычный, –
Он к бытию манит меня опять!
Небес, бывало, лобызанье
Срывалось на меня в воскресной тишине,
Святых колоколов я слышал содроганье
В моей душевной глубине,
И сладостью живой была молитва мне!
Порыв души в союзе с небесами
Меня в леса и доли уводил –
И, обливаясь теплыми слезами,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

Я новый мир себе творил.
Про игры юности веселой,
Про светлую весну благовестил сей глас –
Ах, и в торжественный сей час
Воспоминанье их мне душу одолело!
Звучите ж, гласы, вторься, гимн святой!
Слеза бежит! Земля, я снова твой!

4

Зачем губить в унынии пустом
Сего часа благое достоянье?
Смотри, как хижины с их зеленью кругом
Осыпало вечернее сиянье.
День пережит, – и к небесам иным
Светило дня несет животворенье.
О, где крыло, чтоб взвиться вслед за ним,
Прильнуть к его лучам, следить его теченье?
У ног моих лежит прекрасный мир
И, вечно вечереющий, смеется..
Все выси в зареве, во всех долинах мир,
Сребристый ключ в золотые реки льется.
Над цепью диких гор, лесистых стран
Полет богоподобный веет,
И уж вдали открылся и светлеет
С заливами своими океан.
Но светлый бог главу в пучины клонит,
И вдруг крыла таинственная мощь
Вновь ожила и вслед за уходящим гонит,
И вновь душа в потоках света тонет.
Передо мною день, за мною ночь.
В ногах равнина вод, и небо над главою.
Прелестный сон!.. и суетный!.. прости!..
К крылам души, парящим над землею,
Не скоро нам телесные найти.
Но сей порыв, сие и ввысь и вдаль стремленье,
Оно природное внушенье,
У всех людей оно в груди..
И оживает в нас порою,
Когда весной, над нашей головою,
Из облаков песнь жавронка звенит,
Когда над крутизной лесистой
Орел, ширясь, парит,
Поверх озер иль степи чистой
Журавль на родину спешит.

5

Державный дух! Ты дал мне, дал мне всё,
О чем молил я! Не вотще ко мне
Склонил в лучах сияющий свой лик!
Дал всю природу во владенье мне
И вразумил ее любить. Ты дал мне
Не гостем праздно-изумленным быть
На пиршестве у ней, но допустил
Во глубину груди ее проникнуть,
Как в сердце друга! Земнородных строй
Провел передо мной и научил –
В дуброве ль, в воздухе иль в лоне вод –
В них братии познавать и их любить!
Когда ж в бору скрипит и свищет буря,
Ель-великан дерев соседних с треском
Крушит в паденье ветви, глухо гул
Встает окрест и, зыблясь, стонет холм,
Ты в мирную ведешь меня пещеру,
И самого меня являешь ты
Очам души моей – и мир ее,
Чудесный мир, разоблачаешь мне!
Подымется ль, всеулаждающая, месяц
В сиянье кротком, и ко мне летят
С утеса гор, с увлажненного бора
Сребристые веков минувших тени

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

□□И строгую утеху созерцанья
□□Таинственным влияньем умиляют!
Конец 1820-х – начало 1830-х годов

"Ты зрел его в кругу большого света..."; "В толпе людей, в нескромном шуме дня..."
"Ты зрел его в кругу большого света..."

Ты зрел его в кругу большого Света:
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум –
Таков поэт, – и ты презрел поэта!..
На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог; –
Настала ночь – и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!
"В толпе людей, в нескромном шуме дня..."
В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече –
Душа моя! О, не вини меня!..
Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный..
Наступит ночь – и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!
Начало 1830-х годов

"Над виноградными холмами..."*
Над виноградными холмами
Плывут золотые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.
Там, в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче, и пустынно-чище
Струя воздушная течет,
Туда взлетая, звук немеет..
Лишь жизнь природы там слышна,
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.
Начало 1830-х годов

"Поток сгустился и тускнеет..."*
Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет и звук немеет
В оцепененье ледяном, –
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всеильный хлад не может:
Она всё льется – и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.
Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, –
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот –
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот!
Начало 1830-х годов

"О чем ты воешь, ветер ночной?.."*
О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?

Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке –
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..
О! страшных песен сих не пой!
Про древний хаос, про родимый
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди –
Под ними хаос шевелится!..
Начало 1830-х годов

"Душа моя, Элизиум теней..."*
□□□□□□ Душа моя, Элизиум* теней,
□□□□□□ Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
□□□□□□ Ни помыслам години буйной сей*,
□□□□□□ Ни радостям, ни горю не причастных, –
□□□□□□ Душа моя, Элизиум теней,
□□□□□□ Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
□□□□□□ И сей бесчувственной толпою?..
Начало 1830-х годов

"Как дочь родную на закланье..."*
Как дочь родную на закланье
Агамемнон богам принес*,
Прося попутных бурь дыханья
У негодующих небес, –
Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой!
Но прочь от нас венец бесславья,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за коран самодержавья*
Кровь русская лилась рекой!
Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача!
Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди!
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.
Сие-то высшее сознанье
Вело наш доблестный народ –
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет.
Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!
Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный*,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс*, зародится в нем.
1831

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

"На древе человечества высоком..."*
На древе человечества высоком
□□□□□□Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!
□□□□□□С его великою душою
Созвучней всех, на нем ты трепетал!
Пророчески беседовал с грозюю
Иль весело с зефирами играл!
Не поздний вихрь, не бурный ливень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней
И сам собою пал – как из венка!
1832

Problème[20]*
С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? Никто не знает ныне –
Сорвался ль он с вершины сам собой,
Иль был низринут волею чужой?

—
Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.
15 января 1833; 2 апреля 1857

Арфа скальда*
О арфа скальда*! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоём углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне.
Какой он жизнью на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомнил –
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев,
Иль в сих цветущих и поднесь* садах
Их легких ног скользил незримый шаг?
21 апреля 1834

"Я лютеран люблю богослуженье..."*
Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой, –
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.
Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам Вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, –
Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь богу,
В последний раз вы молитесь теперь.
16 сентября 1834

"Восток белел. Ладья катилась..."*
Восток белел. Ладья катилась,
Ветрило* весело звучало, –
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...
Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало, –
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликovalo...
Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла выя, –
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

"Что ты клонишь над водами..."*
Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..
Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...
<1835>

"И гроб опущен уж в могилу..."*
И гроб опущен уж в могилу,
И всё столпилось вокруг...
Толкуются, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...
И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор сановитый
Речь погребальную гласит.
Вещает бренность человечесью,
Грехопадение, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...
А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...
<1835>

"В душном воздуха молчанье..."*
В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...
Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...
Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит!
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!
Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?
Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..
Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..
<1835>

"Как сладко дремлет сад темно-зеленый..."*
Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой!
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!
Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,

Музыки дальней слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит..
На мир дневной спустилася завеса,
Изнемогло движенье, труд уснул..
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный еженощный гул..
Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..
<1835>

"Как птичка, с раннею зарей..."*
Как птичка, с раннею зарей
Мир, пробудившись, встрепенулся..
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..
О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..
Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней*
Неправый праведен упрек!..
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..
<1835>

"Вечер мглистый и ненастный..."*
Вечер мглистый и ненастный..
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час..
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..
<1835>

"Там, где горы, убегая..."*
Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи.
Там-то, бают, в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вилися хороводы
Под водой и по водам;
Месяц слушал, волны пели..
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них.
И лучами неземными,
Заключен и одинок,
Перемигивался с ними
С древней башни огонек.
Звезды в небе им внимали,

Проходя за строем строй,
и беседу продолжали
Тихомолком меж собой.
В панцирь дедовский закован,
Воин-сторож на стене
Слышал, тайно очарован,
Дальний гул, как бы во сне.
И, лишь дремой забывался,
Гул ясенел и грохотал..
Он с молитвой просыпался
И дозор свой продолжал.
Всё прошло, всё взяли годы –
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, и пароходы
Ныне рыщут по тебе..
<1835>

"Тени сизые смесились..."*
Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул –
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул..
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном..
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..
Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, темный, благовонный,
Всё залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!
<1835>

"Нет, моего к тебе пристрастья..."*
Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля..
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я..
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..
Весь день в бездействии глубоко
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить,
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели*
Или на светлую мечту?..
<1835>

"Сижу задумчив и один..."*
Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
□□□□□□Сквозь слез гляжу..
С тоскою мыслю о былом
И слов, в унынии моем,
□□□□□□Не нахожу.
Былое – было ли когда?
Что ныне – будет ли всегда?..
□□□□□□Оно пройдет –
Пройдет оно, как всё прошло,
И канет в темное жерло –
□□□□□□За годом год.

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
□□□□□□Сей знак земной!..
Он быстро, быстро вянет – так,
Но с новым летом – новый знак
□□□□□□И лист иной.
И снова будет всё, что есть,
И снова розы будут цвести,
□□□□□□И терны тож...
Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
□□□□□□Не расцветешь...
Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской –
□□□□□□То знает бог?
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
□□□□□□Последний вздох...
<1835>

"С поляны коршун поднялся..."*
С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Всё выше, дале вьется он –
И вот ушел за небосклон!
Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла –
А я здесь в поте и в пыли.
Я, царь земли, прирос к земле!..
<1835>

"Какое дикое ущелье!.."*
Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит –
Он в дол спешит на новоселье, –
Я лезу вверх, где ель стоит.
Вот взобрался я на вершину,
Сажу здесь радостен и тих –
Ты к людям, ключ, спешишь в долину, –
Попробуй, каково у них!
<1835>

"Всё бешеной буря, всё злее и злей..."*
«Всё бешеной буря, всё злее и злей,
Ты крепче прижмися к груди моей».
– «О милый, милый, небес не гневи,
Ах, время ли думать о грешной любви!»
– «Мне сладок сей бури порывистый глас,
На ложе любви он баюкает нас».
– «О, вспомни про море, про бедных пловцов,
Господь милосердый, будь бедным покров!»
– «Пусть там, на раздолье, гуляет волна,
В сей мирный приют не ворвется она».
– «О милый, умолкни, о милый, молчи,
Ты знаешь, кто на море в этой ночи?»
И голос стнящий дрожал на устах,
И оба, недвижны, молчали впотьмах.
Гроза приутихла, ветер затих,
Лишь маятник слышен часов стенных, –
Но оба, недвижны, молчали впотьмах,
Над ними лежал таинственный страх...
Вдруг с треском ужасным рассыпался гром
И дрогнул в основах потрясшийся дом.
Вопль детский раздался, отчаян и дик,
И кинулась мать на младенческий крик.
Но в детский покой лишь вбежала она,
Вдруг грянулось об пол, всех чувств лишена.
Под молнийным блеском, раздвинувшим мглу,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Тень мужа над люлькой сидела в углу.
Между 1831 и апрелем 1836

"Пришлось кончить жизнь в овраге..."*

<Из Беранже>

Пришлось кончить жизнь в овраге:
Я слаб и стар – нет сил терпеть!
«Пьет, верно», – скажут о бродяге, –
Лишь бы не вздумали жалеть!
Те, уходя, пожмут плечами,
Те бросят гривну бедняку!
Счастливым путь, друзья! Бог с вами!
Я и без вас мой кончить век могу!
Насилу годы одолели,
Знать, люди с голода не мрут.
Авось, – я думал, – на постели
Они хоть умереть дадут.
Но их больницы и остроги –
Всё полно! Силой не войдешь!
Ты вскормлен на большой дороге –
Где жил и рос <?>, старик, там и умрешь.
Я к мастерам ходил сначала,
Хотел кормиться ремеслом.
«С нас и самих работы мало!
Бери суму да бей челом».
К вам, богачи, я потащился,
Грыз кости с вашего стола,
Со псами вашими делился, –
Но я, бедняк, вам не желаю зла.
Я мог бы красть, я – Ир* убогой,
Но стыд мне руки оковал;
Лишь иногда большой дорогой
Я дикий плод с дерев сбивал...
За то, что нищ был, между вами
Век осужден на сиротство...
Не раз сидел я за замками,
Но солнца свет – кто продал вам его?
Что мне до вас и вашей славы,
Торговли, вольностей, побед?
Вы все передо мной не правы –
Для нищего отчизны нет!
Когда пришлец вооруженный
Наш пышный город полонил,
Глупец, я плакал, раздраженный,
Я клял врага, а враг меня кормил!
Зачем меня не раздавили,
Как ядовитый гад какой?
Или зачем не научили –
Увы! – полезной быть пчелой!
Из ваших, смертные, объятий
Я был извержен с первых <лет>,
Я в вас благословил бы братии, –
Днесь при смерти бродяга вас клянет!
Между 1833 и апрелем 1836

"Из края в край, из града в град..."*

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!
Знакомый звук нам ветер принес:
Любви последнее прости...
За нами много, много слез,
Туман, безвестность впереди!..
«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?

Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди...
О, сжался над своей тоской,
Свое блаженство пощади!
Блаженство стольких, стольких дней
Себе на память приведи...
Всё милое душе твоей
Ты покидаешь на пути!...»
Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.
Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!
Между 1834 и апрелем 1836

"В которую из двух влюбиться..."*
(Из Гейне)

В которую из двух влюбиться
Моей судьбой мне суждено?
Прекрасна дочь, и мать прекрасна,
Различно милы, но равно.
Неопытно-младые члены
Как сладко ум тревожат мой!
Но гениальных взоров прелесть
Всесильна над моей душой.
В раздумье хлопая ушами,
Стою, как Буриданов друг*
Меж двух стогов стоял, глаза:
Который лакомей из двух?..
Между 1834 и апрелем 1836

"Зима недаром злится..."*

Зима недаром злится,
Прошла её пора –
Весна в окно стучится
И гонит со двора.
И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон –
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.
Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...
Взбесилась ведьма злая*
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...
Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.
<1836>

Фонтан*

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной –
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.
О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!

Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая
Твой луч упорный, преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.
<1836>

"Яркий снег сиял в долине..."*
Яркий снег сиял в долине, –
Снег растаял и ушел;
Вешний злак блестит в долине, –
Злак увянет и уйдет.
Но который век белеет
Там, на высях снеговых?
А заря и ныне сеет
Розы свежие на них!..
<1836>

"Не то, что мните вы, природа..."*
Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

. . .
. . .
. . .
. . .

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

. . .
. . .
. . .
. . .

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.
Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!
И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!
Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Души его, ах! не встревожит
И голос матери самой!..
<1836>

"Я помню время золотое..."*
Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.
И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит,
Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.
И ветер тихий мимолетом

Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.
Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.
И ты с веселостью беспечной
Счастливым провожала день:
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.
<1836>

"Еще земли печален вид..."*
Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась...
Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает, и целует,
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..
<1836>

"Люблю глаза твои, мой друг..."*
Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподынешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...
Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.
<1836>

"И чувства нет в твоих очах..."*
И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
□□□□□□И нет души в тебе.
Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
□□□□□□И смысла нет в мольбе!
<1836>

"Вчера, в мечтах обвороженных..."*
Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах темно-озаренных,
Ты поздним позабылась сном.
Утихло вокруг тебя молчанье
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней.
Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной,
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой.
Вот тихоструйно, тиховейно,

Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то порхнуло в окно.
Вот невидимкой пробежало
По темно-брезжущим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям, –
Вот, словно змейка, извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента, развеваясь,
Меж пологам развилось...
Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!
1836

29-е января 1837*

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он вышею рукою
В «цареубийцы» заклеямен.
Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.
И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил –
И осененный опочил
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..
Июнь или июль 1837

1-е декабря 1837*

□□□□□□□□□□Так здесь-то суждено нам было
□□□□□□□□□□Сказать последнее прости...
□□□□□□□□□□Прости всему, чем сердце жило,
□□□□□□□□□□Что, жизнь твою убив, ее истлило
□□□□□□□□□□В твоей измученной груди!..
□□□□□□□□□□Прости... Чрез много, много лет
□□□□□□□□□□Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,
□□□□□□□□□□Где вечный блеск и долгий цвет,
□□□□□□□□□□Где поздних, бледных роз дыханьем
□□□□□□□□□□Декабрьский воздух разогрет.
Декабрь 1837

Итальянская villa[21]*

И распростянь с тревогою житейской
И кипарисной рощей заслонясь –
Блаженной тенью, тенью элисейской*
□□□□□□□□□□Она заснула в добрый час.
И вот уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.
Но небо здесь к земле так благосклонно!..

И много лет и теплых южных зим
Провяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.
По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубок!..
И мы вошли... Всё было так спокойно!
Так всё от века мирно и темно!..
Фонтан журчал... Недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.

. . .
Вдруг всё смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, –
Фонтан замолк – и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал:
«Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?»
Декабрь 1837

"Давно ль, давно ль, о Юг блаженный..."*
Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,
Я зрел тебя лицом к лицу –
И ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу?..
Давно ль – хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн –
И я заслушивался пенья
Великих Средиземных волн!
И песнь их, как во время оно,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла...
Они всё те же и поныне –
Всё так же блещут и звучат,
По их лазоревой равнине
Святые призраки скользят.
Но я, я с вами распростился –
Я вновь на Север увлечен...
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...
Здесь воздух колет. Снег обильный
На высотах и в глубине –
И холод, чародей всесильный,
Один здесь царствует вполне.
Но там, за этим царством вьюги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом Юге
Еще я вижу вас вдали:
Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей –
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей!
Декабрь 1837

"Смотри, как запад разгорелся..."*
Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижною средою
Деля, не соединяет их?
<1838>

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Весна ("Как ни гнетет рука судьбины...")*

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, –
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!
Весна... Она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.
Цветами сыплет над землю,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею –
О том не ведает она;
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея,
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.
Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет, –
И страх кончины неизбежной
Не свеет с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.
Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь –
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!
<1838>

Лебедь*

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя вливает солнца свет*.
Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего –
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.
Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон –
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.
Между 1838 и серединой 1839

"С какою негою, с какой тоской влюбленный..."*
С какою негою, с какой тоской влюбленный
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
□□□□Небесной молнии огнем, –
Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
Но скоро добрый сон, младенческо-беспечный,
□□□□Сходил на шелк твоих ресниц –
И на руки к нему глава твоя склонялась,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И, матери нежней, тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыханье уравнилось –
□□□□И тих и сладок был твой сон.
А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что́ будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась –
□□□□Иль в сон иной бы перешла.
Между концом 1838 и серединой 1839

День и ночь*
На мир таинственный духов,
Над этой бездной безмянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!
Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и, с мира рокового
Ткань благодатную покровов
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!
<1839>

"Не верь, не верь поэту, дева..."*
Не верь, не верь поэту, дева;
Его своим ты не зови –
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!
Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.
Поэт всемогущ, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольны кудри молодые
Он обожжет своим венцом.
Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ*...
Он не змию сердце жалит,
Но, как пчела, его сосет.
Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.
<1839>

"Живым сочувствием привета..."*
Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не искушай его мечты!
Всю жизнь в толпе людей затерян,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.
Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив...
Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет,
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины блеснет,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И человеческим сознаньем
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты, –
О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!
Пускай любить он не умеет –
Боготворить умеет он!
Октябрь? 1840

К Ганке*
Вековать ли нам в разлуке?
Не пора ль очнуться нам
И подать друг другу руки,
Нашим кровным и друзьям?
Веки мы слепцами были,
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы.
А случалось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь –
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.
И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло.
Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил:
Тех – обезъязычил немец,
Этих – турок осрамил.
Вот среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий* муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах.
О, какими вдруг лучами
Озарилась все края!
Обличилась перед нами
Вся Славянская земля!
Горы, степи и поморья
День чудесный осиял,
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал.
Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой золотоглавой
Вышеград* заговорил!
И наречий братских звуки
Вновь понятны стали нам, –
Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам!
26 августа 1841

Знамя и Слово*
В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья – русское Знамя
К бессмертной победе тебя провело.
Так диво ль, что в память союза святого
За Знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло?
25 июня 1842

Epître a l'Apotre[22]*
От русского, по прочтении отрывков из лекций г-на Мискиевича
Небесный царь благослови
Твои благие начинанья –
Муж несомненного призванья,
Муж примиряющей любви.

Недаром ветхие одежды
Ты бодро с плеч своих совлек*.
Бог победил – прозрели вежды.
Ты был поэт – ты стал пророк.
Мы чуем приближенье света –
И вдохновенный твой глагол,
Как вестник Нового завета,
Весь мир Славянский обошел.
Мы чуем свет – уж близко время –
Последний сокрушен оплот, –
Воспрянь, разрозненное племя,
Совокупись в один народ, –
Воспрянь – не Польша, не Россия –
Воспрянь, Славянская семья! –
И, отряхнувши сон, впервые –
Промолви слово: «Это я!»
Ты ж, сверхъестественно умевший
В себе вражду уврачевать, –
Да над душою просветлевшей
Почиет божья благодать!..
16 сентября 1842

"Глядел я, стоя над Невой..."*
Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.
Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.
Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив..
О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?
О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг..
21 ноября 1844

Колумб*
□□□Тебе, Колумб, тебе венец!
□□□□Чертеж земной ты выполнивший смело
□□□И довершивший наконец
□□□Судеб неконченное дело,
Ты завесу расторг божественной рукой –
□□□□□И новый мир, неведомый, нежданный,
□□□Из беспредельности туманной
□□□□□На божий свет ты вынес за собой.
□□□Так связан, съединен от века
□□□Союзом кровного родства
□□□Разумный гений человека
□□□С творящей силой естества..
□□□Скажи заветное он слово –
□□□И миром новым естество
□□□Всегда откликнуться готово
□□□На голос родственный его.
1844

Море и утес*
И бунтует, и клокочет,
Хлещет, свищет, и ревет,
И до звезд допрянуть хочет,

До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила –
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?
Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой, –
Но, спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный*,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан!
И, озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.
Но, о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И клубится мутной пеной
Обессиленный порыв...
Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час-другой –
Надоест волне гремучей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмирееет вновь она –
И без вою, и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...
1848

"Еще томлюсь тоской желаний..."*
Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой –
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной, везде, всегда,
Недостижимый, неизменный, –
Как ночью на небе звезда...
1848

"Не знаешь, что лестней для мудрости людской..."*
Не знаешь, что лестней для мудрости людской:
Иль вавилонский столп* немецкого единства,
□□□□□□Или французского бесчинства
□□□□□□Республиканский хитрый строй.
1848

Русская география*
Москва, и град Петров*, и Константинов град* –
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек*.
1848 или 1849

Русской женщине*
Вдали от солнца и природы,

Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои младые годы,
Живые помертвуют чувства,
Мечты развеются твои...
И жизнь твоя пройдет незрима
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, –
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...
1848 или 1849

"Как дымный столп светлеет в вышине!.."*
Как дымный столп светлеет в вышине! –
Как тень внизу скользит, неуловима!..
«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне,
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»
1848 или 1849

"Неохотно и несмело..."*
Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.
Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.
Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя –
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.
Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.
Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля –
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.
6 июня 1849

"Итак, опять увиделся я с вами..."*
Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые –
И где теперь, туманными очами,
При свете вечеряющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.
О бедный призрак, немощный и смутный,
забытого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участия
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах –
Как брат меньшей, умерший в пеленах...
Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем –
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Всё, чем я жил и чем я дорожил*!
13 июня 1849

"Тихой ночью, поздним летом..."*
Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,

Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...
23 июля 1849

"Когда в кругу убийственных забот..."*
Когда в кругу убийственных забот
Нам всё мерзит – и жизнь, как камней гряда,
Лежит на нас, – вдруг знает бог откуда
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.
Так иногда осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною..
22 октября 1849

"Слезы людские, о слезы людские..."*
Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой..
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, –
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.
Осень 1849

Почтеннейшему имениннику Филиппу Филипповичу Вигелю*
Прими как дар любви мое изображение,
Конечно, ты его оценишь и поймешь.
Припомни лишь при сем простое изречение:
«Не по хорошу мил, а по милу хорош».
14 ноября 1849

"По равнине вод лазурной..."*
По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей, –
Огнедышащий и бурный
Уносил нас змей морской.
С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна,
И метелью влажной пыли
Обдавала нас она.
Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал..
Всё звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал..
Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум..
Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум.
Сны играют на просторе
Под магической луной –
И баюкает их море
Тихоструйною волной.
29 ноября 1849

Рассвет*
Не в первый раз кричит петух;
Кричит он живо, бодро, смело;
Уж месяц на небе потух,
Струя в Босфоре заалела.
Еще молчат колокола,

А уж восток заря румянит;
Ночь бесконечная прошла,
И скоро светлый день настанет.
Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?
Раздайся, благовестный звон,
И весь восток им огласится!
Тебя зовет и будит он, –
Вставай, мужайся, ополчися!
В доспехи веры грудь одень,
И с богом, исполин державный!..
О Русь, велик грядущий день,
Вселенский день и православный!
Ноябрь 1849

"Вновь твои я вижу очи..."*
Вновь твои я вижу очи –
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи*
Вдруг рассеял сонный хлад...
Воскресает предо мною
Край иной – родимый край –
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...
Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.
Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.
Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провеваает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...
1849

"Как он любил родные ели..."*
Как он любил родные ели
Своей Савойи* дорогой!
Как мелодически шумели
Их ветви над его главой!..
Их мрак торжественно-угрюмый
И дикий, заунывный шум
Какою сладостною думой
Его обворожали ум!..
1849

Поэзия*
Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам –
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре –
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.
<1850>

"Кончен пир, умолкли хоры..."*
Кончен пир, умолкли хоры,

Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вина,
На главах венки измяты, –
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале..
Кончив пир, мы поздно встали –
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины..
Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, –
Как над этим дольным* чадом
В горнем*, выпренном пределе
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами..
<1850>

Рим, ночью*
В ночи лазурной почивает Рим.
Взошла луна и – овладела им,
И спящий град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой..
Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший –
Всё тот же мир, волшебный, но отживший!..
<1850>

Наполеон*

1

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе..
Не одолел ее твой гений самовластный!..
□□□□□□□□Бой невозможный, труд напрасный!..
□□□□□□□□Ты всю ее носил в самом себе..

2

□□Два демона ему служили,
□□Две силы чудно в нем слились:
□□В его главе – орлы парили,
□□В его груди – змии вились..
□□Ширококрылых вдохновений
□□Орлиный, дерзостный полет,
□□И в самом буйстве дерзновений
□□Змиинной мудрости расчет.
□□Но освящающая сила,
□□Непостижимая уму,
□□Души его не озарила
□□И не приблизилась к нему..
□□Он был земной, не божий пламень,
□□Он гордо плыл – презритель волн, –
□□Но о подводный веры камень
□□В щепы разбился утлый челн.

3

И ты стоял, – перед тобой Россия!
И, вещий волхв, в предчувствии борьбы,
Ты сам слова промолвил роковые:
«Да сбудутся ее судьбы!..»*
И не напрасно было заклинанье:
Судьбы откликнулись на голос твой!..
Но новою загадкой в изгнанье*
Ты возразил на отзыв роковой..
Года прошли – и вот из ссылки тесной
На родину вернувшийся мертвец*,
На берегах реки, тебе любезной,

Тревожный дух, почил ты наконец..
Но чуток сон – и по ночам, тоскуя,
Порою встав, он смотрит на восток
И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя
□□□□□□Передрассветный ветерок.
<1850>

Венеция*

Дождь Венеции свободной
Средь лазоревых зыбей,
Как жених порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
С Адриатикой своей.
И не даром в эти воды
Он кольцо свое бросал:
Веки целые, не годы
(Дивовалися народы)
Чудный перстень воеводы
Их вязал и чаровал..
И чета в любви и мире
Много славы нажила –
Века три или четыре,
Всё могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от львиного крыла*.
А теперь?
□□□□В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколенья, –
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи* наконец!..
<1850>

"Святая ночь на небосклон взошла..."*
Святая ночь на небосклон взошла,
□□□□□□И день отрадный, день любезный,
Как золотой покров, она свила,
□□□□□□Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел..
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастью темной.
На самого себя покинут он –
Упразднен ум, и мысль осиротела –
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела..
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое..
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье родовое.
Между 1848 и мартом 1850

Пророчество*

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде –
То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе, –
Свершится он – и грянет час!.*
И своды древние Софии*,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России, –
И встань как всеславянский царь!
1 марта 1850

"Уж третий год беснуются языки..."*

Уж третий год беснуются языки,
Вот и весна – и с каждою весной,
Как в стае диких птиц перед грозой,
Тревожней шум, разноголосней крики.
В раздумье тяжком князи и владыки
И держат вожжи трепетной рукой,
Подавлен ум зловещею тоской –
Мечты людей, как сны больного, дики.
Но с нами бог! Сорвавшись со дна,
Вдруг, одурев, полна грозы и мрака,
Стремглав на нас рванулась глубина, –
Но твоего не помutilа зрака!..
Ветр свирепел. Но... «Да не будет тако!» –
Ты рек, – и вспять отхлынула волна.
Между 1 и 6 марта 1850

К. В. Нессельроде*
Нет, карлик мой! трус беспримерный!
Ты, как ни жмися, как ни трусъ,
Своей душою маловерной
Не соблазнишь Святую Русь...
Иль, все святые упованья,
Все убежденья потребя,
Она от своего призванья
Вдруг отречется для тебя?..
Иль так ты дорог провиденью,
Так дружен с ним, так заодно,
Что, дорожа твоею ленью,
Вдруг остановится оно?..
Не верь в Святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой, –
И бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.
То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее царей, –
То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом, –
Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России –
Нет, вам ее не запрудить!..
Май 1850

"Тогда лишь в полном торжестве..."*
Тогда лишь в полном торжестве
В славянской мировой громаде
Строй вожделенный водворится,
Как с Русью Польша помирится, –
А помирятся ж эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде...
Первая половина 1850

"Пошли, господь, свою отраду..."*
Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой –
Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.
Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,

Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.
Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит.
Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.
Июль 1850

На Неве*
И опять звезда играет
В легкой зыби невских волн
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.
И меж зыбью и звездой
Он скользит как бы во сне
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне.
Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?
Ты, разлитая как море,
Дивно-пышная волна,
Приюти в своем просторе
Тайну скромного челна!
Июль 1850

"Не рассуждай, не хлопочи!.."*
Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.
Живя, умеи всё пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит – и слава богу!
Июль 1850

"Как ни дышит полдень знойный..."*
Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно,
В этой храмине спокойной,
Где всё тихо и темно,
Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.
Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.
И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.
Июль 1850

"Под дыханьем непогоды..."*
Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом –
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом,

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И – уносит их поток...
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...
12 августа 1850

"Обвеян вещью дремотой..."*
Обвеян вещью дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.
Гляжу с участием умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч!
Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..
15 сентября 1850

Два голоса*

1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы – молчат и оне.
Пусть в горнем* Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.
Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто ратуя пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.
1850

Графине Е. П. Ростопчиной*

(в ответ на ее письмо)

Как под сугробом снежным лени,
Как околдованный зимой,
Каким-то сном усопшей тени
Я спал, зарытый, но живой!
И вот, я чую, надо мною,
Не наяву и не во сне,
Как бы повеяло весною,
Как бы запело о весне...
Знакомый голос... голос чудный...
То лирный звук, то женский вздох...
Но я, ленивец беспробудный,
Я вдруг откликнуться не мог...
Я спал в оковах тяжелой лени,
Под осьмимесячной зимой,
Как дремлют праведные тени
Во мгле стигийской* роковой.
Но этот сон полумогильный
Как надо мной ни тяготел,
Он сам же, чародей всесильный,

Ко мне на помощь подоспел.
Приязни давней выраженья
Их для меня он уловил –
И в музыкальные виденья
Знакомый голос воплотил...
Вот вижу я, как бы сквозь дымки,
Волшебный сад, волшебный дом –
И в замке феи-нелюдимки*
Вдруг очутились мы вдвоем!..
Вдвоем! – И песнь ее звучала,
И от заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.
1850

Поминки*

(Из Шиллера)

Пала царственная Троя,
Сокрушен Приамов град*,
И ахеяне*, устроя
Свой на родину возврат,
На судах своих сидели,
Вдоль эгейских берегов,
И пэан* хвалебный пели,
Громко славя всех богов...
«Раздавайся, глас победный!
□□□□□□□□Вы к брегам родной земли
□□□□□□□□Окрыляйтесь, корабли,
□□□□□□□□В путь возвратный, в путь безбедный!»
И сидели в длинном строе –
Грустно-бледная семья –
Жены, девы падшей Трои,
Голося и слезы лья,
В горе общем и великом
Плача о себе самих,
И с победным, буйным кликом
Дико вопль сливался их...

«Ждет нас горькая неволя

□□□□□□□□Там, вдали, в стране чужой.
□□□□□□□□Ты прости, наш край родной!
□□□□□□□□Как завидна мертвых доля!»
И воздвигся, жертвы ради,
Приноситель жертв, Калхас*,
Градозиждущей Палладе*,
Градорушащей молясь,
Посейдона силе грозной,
Опясавшего мир,
И тебе, эгидоносный
Зевс*, сгущающий эфир!

«Опрокинут, уничтожен

□□□□□□□□Град великий Илион!
□□□□□□□□Долгий, долгий спор решен, –
□□□□□□□□Суд бессмертных непреложен».
Грозных полчищ воевода,
Царь царей, Атреев сын*,
Обозрел толпы народа,
Уцелевший строй дружин.
И внезапною тоскою
Омрачился царский взгляд:
Много их пришло под Трою,
Мало их пойдет назад.

«Так возвысьте ж глас хвалебный!

□□□□□□□□Пой и радуйся стократ,
□□□□□□□□У кого золотой возврат
□□□□□□□□Не похитил рок враждебный!»
«Но не всем сужден от бога
Мирный, радостный возврат:
У домашнего порога

Многих Керы* сторожат...
Жив и цел вернулся с бою –
Гибнет в храмине своей!..» –
Рек Афиной всеблагодю
Вдохновенный Одиссей*...

«Тот лишь дом и тверд и прочен,
□□□□□□□□Где семейный свят устав:
□□□□□□□□Легковерен женский нрав,
□□□□□□□□И изменчив, и порочен».
И супругой, взятой с бою,
Снова счастливый Атрид*,
Пышный стан обвив рукою,
Страстный взор свой веселит.
«Злое злой конец приемлет!
За нечестьем казнь следит –
В небе суд богов не дремлет!
Право царствует Кронид*...
□□□□□□□□Злой конец началу злomu!
□□□□□□□□Правоправящий Кронид
□□□□□□□□Вероломцу страшно мстит –
□□□□□□□□И семье его и дому».
«Хорошо любимцам счастья, –
Рек Аякса брат меньшей*, –
Олимпийцев самовластье
Величать своей хвалой!..
Неподвластно высшей силе
Счастье в прихотях своих:
Друг Патрокл* давно в могиле,
А Терсит* еще в живых!..
□□□□□□□□Счастье жеребии сеет
□□□□□□□□Своевольною рукою.
□□□□□□□□Веселись и песни пой
□□□□□□□□Тот, кого светило греет!
Будь утешен, брат любимый!
Память вечная тебе!..
Ты – оплот несокрушимый
Чад ахейских в их борьбе!..
В день ужасный, в день кровавый
Ты один за всех стоял!
Но не сильный, а лукавый
Мзду великую стяжал...
□□□□□□□□Не врага рукой победной –
□□□□□□□□От руки ты пал своей...
□□□□□□□□Ах, и лучших из людей
□□□□□□□□Часто губит гнев зловредный!
И твоей теперь державной
Тени, доблестный Пелид*,
Сын твой, Пирр, воитель славный,
Возлияние творит...»
– «Как тебя, о мой родитель,
Никого, – он возгласил, –
Зевс, великий промыслитель!
На земле не возносил!
□□□□□□□□На земле, где всё изменно,
□□□□□□□□Выше славы блага нет.
□□□□□□□□Нашу персть* – земля возьмет,
□□□□□□□□Имя славное – нетленно».
«Хоть о падших, побежденных
И молчит победный клик,
Но и в родах отдаленных,
Гектор, будешь ты велик!..
Вечной памяти достоин. –
Сын Тидеев* провещал, –
Кто как честный, храбрый воин,
Край отцов спасая, пал...
□□□□□□□□Честь тому, кто, не робея,
□□□□□□□□Жизнь за братий положил!
□□□□□□□□Победитель – победил,

□□□□□□□□□□Слава падшего святее!»
Старец Нестор* днесь, маститый
Брашник*, кубок взяв, встает
И сосуд, плющом обвитый,
Он Гекубе* подает:
«Выпей, мать, струи целебной
И забудь весь свой урон!
Силен Вакха сок волшебный,
Дивно нас врачует он..
□□□□□□□□□□Мать, вкуси струи целебной
□□□□□□□□□□И забудь судеб закон.
□□□□□□□□□□Дивно нас врачует он,
□□□□□□□□□□Бога Вакха дар волшебный».
И Ниобы* древней сила
Горем злым удручена,
Соку дивного вкусила –
И утешилась она.
«Лишь сверкнет в застольной чаше
Благодатное вино,
В Лету рухнет горе наше
И пойдет, как ключ, на дно.
□□□□□□□□□□Да, пока играет в чаше
□□□□□□□□□□Всемогущее вино,
□□□□□□□□□□Горе в Лету снесено,
□□□□□□□□□□В Лете тонет горе наше!»
И воздвиглась на прощанье
Провозвестница-жена*,
И исполнилась вещанья
Вдохновенного она;
И пожарище родное
Обзрев в последний раз:
«Дым и пар – здесь всё земное,
Вечность, боги, лишь у вас!
□□□□□□□□□□Как уходят клубы дыма,
□□□□□□□□□□Так уходят наши дни!
□□□□□□□□□□Боги, вечны вы одни, –
□□□□□□□□□□Всё земное идет мимо!»
Конец 1850 – начало 1851

"Смотри, как на речном просторе..."*
Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
Льдина за льдиною плывет.
На солнце ль радужно блистая
Иль ночью, в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.
Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все – безразличны, как стихия, –
Сольются с бездной роковой!..
О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?
<1851>

Предопределение*
Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой..
И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Оно изноет наконец...
Между июлем 1850 и серединой 1851

Близнецы*
Есть близнецы – для земнородных
Два божества – то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных –
Она угрюмей, кротче он...
Но есть других два близнеца –
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца...
Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворажают нас они.
И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений –
Самоубийство и Любовь!
Между июлем 1850 и серединой 1851

"Я очи знал, – о, эти очи!.."*
Я очи знал, – о, эти очи!
Как я любил их – знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.
В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!
Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденья, утомленный
И, как страданья, роковой.
В эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.
Между июлем 1850 и серединой 1851

"Не говори меня он, как и прежде, любит..."*
Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.
То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я –
Но эта жизнь!.. О, как горька она!
Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.
Между июлем 1850 и серединой 1851

"О, не тревожь меня укорой справедливой!.."*
О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть* твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я –
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.
И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою –
И самого себя, краснея, узнаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.
Между июлем 1850 и серединой 1851

"чему молилась ты с любовью..."*

Чему молилась ты с любовью,
что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.
Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно устыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.
Ах, когда б живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Безмерной пошлости людской!
Между июлем 1850 и серединой 1851

"О, как убийственно мы любим..."*
О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!
Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел – спроси и сведай,
Что уцелело от нея?
Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.
Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебны взоры, речи
И смех младенческо-живой?
И что ж теперь? И где ж всё это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!
Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!
Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.
И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.
И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!
О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..
Первая половина 1851

Э. Ф. Тютчевой ("Не знаю я, коснется ль благодать...")*
Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
□□□□□□□□□□пройдет ли обморок духовный?
□□□□□□□□□□но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
□□□□□□□□□□мне благодатью ты б была –
Ты, ты, мое земное провиденье!..
Апрель 1851

Первый лист*

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьям молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачную, как дым...
Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым, –
И вот живые эти грезы
Под первым небом голубым
Пробились вдруг на свет дневной...
О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.
Май 1851

"Не раз ты слышала признание..."
190*

Не раз ты слышала признание:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она создание –
Но как я беден перед ней...
Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе –
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...
Когда порой так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колени
Пред колыбелью дорогой,
Где спит она – твое рождение –
Твой безмянный херувим, –
Пойми ж и ты мое смирение
Пред сердцем любящим твоим.
1851

Наш век*

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит.
Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»*
10 июня 1851

"Дума за думой, волна за волной..."*

Дума за думой, волна за волной –
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь – в заключении, там – на просторе, –
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно-пустой.
14 июля 1851

"Не остывшая от зною..."*

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозю,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Всё в зарницах трепетало..
Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою..
14 июля 1851

"В разлуке есть высокое значенье..."*
В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек..
6 августа 1851

"Ты знаешь край, где мирт и лавр растёт..."*
(Из Гёте)
Kennst du das Land?.. [23]

Ты знаешь край, где мирт и лавр растёт,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветет лимон и апельсин златой
Как жар горит под зеленью густой?..
□□□□□□Ты был ли там? Туда, туда с тобой
□□□□□□Хотела б я укрыться, милый мой.
Ты знаешь высь с стезей по крутизнам?
Лошак бредет в тумане по снегам,
В ущельях гор отродье змей живет,
Гремит обвал и водопад ревет..
□□□□□□Ты был ли там? Туда, туда с тобой
□□□□□□Лежит наш путь – уйдем, властитель мой.
Ты знаешь дом на мраморных столпах?
Сияет зал, и купол весь в лучах;
Глядят кумиры, молча и грустя:
«Что, что с тобою, бедное дитя?..»
□□□□□□Ты был ли там? Туда, туда с тобой
□□□□□□Уйдем скорей, уйдем, родитель мой.
Между январем и 27 октября 1851

"День вечереет, ночь близка..."*
День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака..
Уж поздно. Вечереет день.
Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня, –
Лишь ты, волшебный призрак мой
Лишь ты не покидай меня!..
Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.
Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть, –
Но с страстной женскою душой.
1 ноября 1851

"Как весел грохот летних бурь..."*
Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набегит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримую пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой, –
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...
1851

"Недаром милосердым богом..."*
Недаром милосердым богом
Пугливой птичка создана –
Спасенья верного залогом
Ей робость чуткая дана.
И нет для бедной пташки проку
В свойстве с людьми, с семьей людской...
Чем ближе к ним, тем ближе к Року –
Несдобровать под их рукой...
Вот птичку девушка вскормила
От первых перышек, с гнезда,
Взлелеяла ее, вырастила
И не жалела, не щадила
Для ней ни ласки, ни труда.
Но как, с любовью тревожной,
Ты, дева, ни пеклась о ней,
Наступит день, день непреложный –
Питомец твой неосторожный
Погибнет от руки твоей...
1851

"С озера веет прохлада и нега..."*
(Из Шиллера)
Es lächelt der See...[24]

С озера веет прохлада и нега, –
Отрок заснул, убаюкан у берега.
□□□□□□□□Блаженные звуки
□□□□□□□□Он слышит во сне;
□□□□□□□□То ангелов лики
□□□□□□□□Поют в вышине.
И вот он очнулся от райского сна, –
Его, обнимая, ласкает волна,
□□□□□□□□И слышит он голос,
□□□□□□□□Как ропот струи:
 «Приди, мой красавец,
□□□□□□□□В объятья мои!»
1851

"Ты волна моя морская..."*
Mobile comme l'onde[25]

Ты волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!
Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод, –
Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещице твои.
Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, как дар заветный*,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
я в тебе похоронил.
Нет – в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.
Апрель 1852

Памяти В. А. Жуковского*

1
Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаясь с тобой,
я любовался им: и тих, и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой...
О, как они и грели и сияли –
Твои, поэт, прощальные лучи...
А между тем заметно выступали
уж звезды первые в его ночи...

2
В нем не было ни лжи, ни раздвоенья –
Он всё в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал*...
Цветущие и радужные были
Младенческих, первоначальных лет...
А звезды между тем на них сводили
Таинственный и сумрачный свой свет...

3
Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости змииной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И эту духовной чистотой
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

4
И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проникший лиру,
как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало божество:
«Лишь сердцем чистые, те узрят бога!»*
Конец июня 1852

"Сияет солнце, воды блещут..."*
Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.
Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.
Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...
28 июля 1852

"Чародейкою зимою..."*
Чародейкою зимою
Околдован, лес стоит –
И под снежной бахромою,

Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блеснит.
И стоит он, околдован, –
Не мертвец и не живой –
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...
Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой –
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.
31 декабря 1852

Последняя любовь*
О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!
Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, –
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.
Пуškai скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.
Между серединой 1851 и началом 1854

Неман*
Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой?..
Один лишь раз, по воле бога,
Ты супостата к ней впустил –
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...
Ты помнишь ли бывшее, Неман?
Тот день години роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам – могучий южный демон*,
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?
Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели –
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними,
И двигал всем, и всё стерег
Очами чудными своими...
Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял Другой* – стоял и ждал...
И мимо проходила рать –
Всё грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...
И так победно шли полки,
Знамена гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число –
И в этом бесконечном строе

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое..
Между 5 и 7 сентября 1853

Спиритистическое предсказание*
Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
□□□□□□□□и будет старая Москва
Новейшею из трех ее столиц.
Между осенью 1853 и весной 1854?

лето 1854*
Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство –
И как, <с>прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..
Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет..
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?..
Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас..
Август 1854

"Увы, что нашего незнанья..."*
Увы, что нашего незнанья
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: до свиданья
Чрез бездну двух или трех дней?
11 сентября 1854

"Теперь тебе не до стихов..."*
Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов*,
Настало время неземное..
Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем
Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!
Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, –
Ты – лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение*!
О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед богом..
24 октября 1854

На новый 1855 год*
Стоим мы слепо пред Судьбою,
Не нам сорвать с нее покров..
Я не свое тебе открою*,
Но бред пророческий духов..
Еще нам далеко до цели,
Гроза ревет, гроза растет, –
И вот – в железной колыбели,
В громах родится Новый год..
Черты его ужасно-строги,
Кровь на руках и на челе..
Но не одни войны тревоги

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

Несет он миру на земле!
Не просто будет он воитель,
Но исполнитель божьих кар, –
Он совершит, как поздний мститель,
Давно обдуманый удар..
Для битв он послан и расправы,
С собой несет он два меча:
Один – сражений меч кровавый,
Другой – секиру палача.
Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречен?..*
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон..
Конец 1854 или начало 1855

По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая*
Нет, мера есть долготерпенью,
Бесстыдству также мера есть!..
Клянусь его венчанной тенью,
Не всё же можно перенести!
И как не грянет отовсюду
Один всеобщий клич тоски:
Прочь, прочь австрийского Иуду
От гробовой его доски!
Прочь с их предательским лобзаньем,
И весь апостольский их род*
Будь заклеямен одним прозваньем:
Искарриот, Искарриот!
1 марта 1855

"Пламя рдеет, пламя пышет..."*
Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики,
Я брожу как бы во сне, –
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.
Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой люблю..
Слава богу, я с тобою,
А с тобой мне – как в раю.
10 июля 1855

"Эти бедные селенья..."*
Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.
13 августа 1855

"Вот от моря и до моря..."*
Вот от моря и до моря
Нить железная* скользит,
Много славы, много горя

Эта нить порой гласит,
И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещие садятся
Вдоль по нити вестовой.
Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел и каркнул и крылами
Замахал он веселей.
И кричит он, и ликует,
И кружится всё над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?
13 августа 1855

Графине Ростопчиной*
О, в эти дни – дни роковые,
Дни испытаний и утрат –
Отраден будь для ней возврат
В места, душе ее родные!
Пусть добрый, благосклонный гений
Скорей ведет навстречу к ней
И горсть живых еще друзей,
И столько милых, милых теней!
16 октября 1855

"О вещая душа моя..."*
О вещая душа моя*,
О сердце, полное тревоги, –
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так ты – жилища двух миров*,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов..
Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые* –
Душа готова, как Мария*,
К ногам Христа навек прильнуть.
1855

Из Микеланджело ("Молчи, прошу, не смей меня будить...")*
Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать – удел завидный..
Отрадно спать, отрадней камнем быть.
1855

Н<иколаю> П<авловичу>*
□□□□□□ Не богу ты служил и не России,
□□□□□□ Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, –
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
□□□□□□ Ты был не царь, а лицедей*.
1855

"Так, в жизни есть мгновения..."*
Так, в жизни есть мгновения –
□□□□□□ Их трудно передать,
Они самозабвения
□□□□□□ Земного благодать.
Шумят верхи древесные
□□□□□□ Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
□□□□□□ Беседуют со мной.
Всё пошлое и ложное
□□□□□□ Ушло так далеко,
Всё мило-невозможное

□□□□□□□□ Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
□□□□□□□□ И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я –
□□□□□□□□ О время, погоди!
1855?

А. С. Норову*

Тому, кто с верой и любовью
Служил земле своей родной –
Служил ей мыслию и кровью*,
Служил ей словом и душой,
И кто – недаром – провиденьем,
На многотрудном их пути,
Поставлен новым поколениям
В благонадежные вожди*...
4 января 1856

"Все, что сберечь мне удалось..."*
Все, что сберечь мне удалось,
Надежды веры и любви,
В одну молитву всё слилось:
Переживи, переживи!
8 апреля 1856

Н. Ф. Щербине*

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...
Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговой
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.
4 февраля 1857

"С временщиком Фортуна в споре..."*
<Из Шиллера>

С временщиком Фортуна в споре
К убогой Мудрости летит:
«Сестра, дай руку мне – и горе
Твоя мне дружба облегчит.
Дарами лучшими моими
Его осыпала, как мать, –
И что ж? Ничем не насытимый,
Меня скупой он смел назвать!..
София*, верь мне, будем дружны!
Смотри: вот горы серебра –
Кинь заступ твой, теперь ненужный, –
С нас будет, милая сестра».
«Лети! – ей Мудрость отвечала. –
Не слышишь? Друг твой жизнь клянет –
Спаси безумца от кинжала,
А мне в Фортуне нужды нет...»
Между январем и апрелем 1857

"Прекрасный день его на Западе исчез..."*
Прекрасный день его на Западе исчез*,
Полнеба обхватив бессмертною зарею,
А он из глубины полуночных небес –
Он сам глядит на нас пророческой звездой.
11 апреля 1857

"Над этой темною толпой..."*

Над этой темною толпой
Непробужденного народа

Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..
Блеснет твой луч и оживит
И сон разгонит и туманы..
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,
Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, –
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа..
15 августа 1857

"Есть в осени первоначальной..."*
□□□□□□□□□□Есть в осени первоначальной
□□Короткая, но дивная пора –
□□□□□□□□□□Весь день стоит как бы хрустальный,
□□□□□□□□□□И лучезарны вечера..
□□Где бодрый серп гулял и падал колос,
□□Теперь уж пусто всё – простор везде, –
□□□□□□□□□□Лишь паутины тонкий волос
□□□□□□□□□□Блестит на праздной борозде.
□□Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь –
И льется чистая и теплая лазурь
□□□□На отдыхающее поле..
22 августа 1857

"Смотри, как роща зеленеет..."*
Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней – какую негой веет
От каждой ветки и листа!
Войдем и сядем над корнями
Дерев, поимых родником, –
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.
Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины..
Конец августа 1857

М. Ф. Тютчевой*
Когда осьмнадцать лет твои
И для тебя уж будут сновиденьем, –
С любовью, с тихим умиленьем
И их и нас ты помяни..
23 февраля 1858

"В часы, когда бывает..."*
В часы, когда бывает
Так тяжело на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;
Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны, –
Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет огнецветной
Струю по стенам:
И с тверди благосклонной,
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет..
Уроков и советов
Они нам не несут,

И от судьбы наветов
Они нас не спасут.
Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать...
Так мило-благодатна,
Воздушна и светла
Душе моей стократно
Любовь твоя была.
1858

"Она сидела на полу..."*
Она сидела на полу
И груды писем разбирала –
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала –
Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела –
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...
О, сколько жизни было тут,
Невозвратно-пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..
Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, –
И страшно-грустно стало мне,
Как от присущей* милой тени
1858

Успокоение ("Когда, что звали мы своим...")*
Когда, что звали мы своим,
□□□□□□навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
□□□□□□нам станет тяжело, –
Пойдем и бросим беглый взгляд
□□□□□□туда, по склону вод,
Куда стремглав струи спешат,
□□□□□□куда поток несет.
Одна другой наперерыв
□□□□□□спешат-бегут струи
На чей-то роковой призыв,
□□□□□□им слышимый вдали...
За ними тщетно мы следим –
□□□□□□им не вернуться вспять...
Но чем мы долее глядим,
□□□□□□тем легче нам дышать...
И слезы брызнули из глаз –
□□□□□□и видим мы сквозь слёз,
Как всё, волнуясь и клубясь,
□□□□□□быстрее понеслось...
Душа впадает в забытье,
□□□□□□и чувствует она,
Что вот уносит и ее
□□□□□□всесильная волна.
15 августа 1858

"Осенней поздней порою..."*
Осенней поздней порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою,
Как бы дремотою, объят
И белокрылые виденья*
На тусклом озера стекле
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...
И на порфирные ступени

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Екатерининских дворцов

Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров –
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...
22 октября 1858

На возвратном пути*

1

Грустный вид и грустный час –
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал – и из тумана
Осветил безлюдный край...
Путь далек – не унывай...
Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана*...
Чудный вид и чудный край –
Путь далек – не вспоминай...

2

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль – с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой...
Всё голо так – и пусто-необъятно
В однообразии немом...
Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым льдом.
Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья –
Жизнь отошла – и, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...
Конец октября 1859

"Есть много мелких, безымянных..."*

Есть много мелких, безымянных
Созвездий в горней* вышине,
Для наших слабых глаз, туманных,
Недосыгаемы оне...
И как они бы ни светили,
Не нам о блеске их судить,
Лишь телескопа дивной силе
Они доступны, может быть.
Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Как солнца пламенно-живые,
Они сияют нам в ночи.
Их бодрый, радующий души
Свет путеводный, свет благой
Везде, и в море и на суше,
Везде мы видим пред собой.
Для мира дольного отрада,
Они – краса небес родных,
Для этих звезд очков не надо,
И близорукий видит их...
20 декабря 1859

Декабрьское утро*

На небе месяц – и ночная
Еще не тронулася тень,

Царит себе, не сознавая,
Что вот уж вострепнулся день, –
Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.
Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...
Декабрь 1859

Е. Н. Анненковой ("И в нашей жизни повседневной...")*
И в нашей жизни повседневной
Бывают радужные сны,
В край незнакомый, в мир волшебный,
И чуждый нам и задушевный,
Мы ими вдруг увлечены.
Мы видим: с голубого свода
Нездешним светом веет нам,
Другую видим мы природу,
И без заката, без восходу
Другое солнце светит там...
Всё лучше там, светлее, шире,
Так от земного далеко...
Так розно с тем, что в нашем мире, –
И в чистом пламенном эфире
Душе так родственно-легко.
Проснулись мы – конец виденью,
Его ничем не удержать,
И тусклой, неподвижной тенью,
Вновь обреченных заключенью,
Жизнь обхватила нас опять.
Но долго звук неуловимый
Звучит над нами в вышине,
И пред душой, тоской томимой,
Всё тот же взор неотразимый,
Всё та ж улыбка, что во сне.
1859

"Куда сомнителен мне твой..."*
Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой –
Теперь ты сделалась лакейской.
1850-е годы

Memento[26][27]*
Vevey 1859 – Genève 1860
Ее последние я помню взоры
На этот край – на озеро и горы,
В роскошной славе западных лучей, –
Как сквозь туман болезни многотрудной,
Она порой ловила призрак чудный,
Весь этот мир был так сочувствен ей...
Как эти горы, волны и светила
И в смутных очерках она любила
Свою чуткой, любящей душой –
И под грозой, уж близкой, разрушенья
Какие в ней бывали умиленья
Пред этой жизнью вечно молодой...
Светились Альпы, озеро дышало –
И тут же нам, сквозь слез, понятно стало,
Что чья душа так царственно светла,
Кто до конца сберег ее живую –
И в страшную минуту роковую
Всё той же будет, чем была...
Конец октября 1860

"Хоть я и свил гнездо в долине..."*

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, –
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как всё удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!
На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, –
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...
Октябрь 1860

На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского*

У Музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно;
Стократ она божественнее счастья,
□□□□□□Но своенравна, как оно.
Иных она лишь на заре лелеет,
Целует шелк их кудрей молодых,
Но ветерок чуть жарче лишь повеет –
И с первым сном она бежит от них.
Тем у ручья, на луговине тайной,
Нежданная, является порой,
Порадует улыбкою случайной,
Но после первой встречи нет второй!
Не то от ней присуждено вам было:
Вас, юношей, настигнув в добрый час,
Она в душе вас крепко полюбила
□□□□□□И долго всматривалась в вас.
Досужая, она не мимоходом
Пеклась о вас, ласкала, берегла,
Растила ваш талант, и с каждым годом
Любовь ее нежнее всё была.
И как с годами крепнет, пламенея,
Сок благородный виноградных лоз –
И в кубок ваш всё жарче и светлее
□□□□□□Так вдохновение лилось.
И никогда таким вином, как ныне,
Ваш славный кубок венчан не бывал.
Давайте ж, князь, подыдем в честь богине
□□□□□□Ваш полный пенистый фиал*!
Богине в честь, хранящей благородно
Залог всего, что свято для души,
Родную речь... расти она свободно
И подвиг свой великий доверши!
Потом мы все, в молитвенном молчанье,
Священные поминки сотворим,
Мы сотворим тройное возлиянье
□□□□□□Трем незабвенно-дорогим.
Нет отклика на голос, их зовущий,
Но в светлый праздник ваших именин
Кому ж они не близки, не присущи –
□□□□□□Жуковский, Пушкин, Карамзин!..
Так верим мы, незримиными гостями
Теперь они, покинув горний мир,
Сочувственно витают между нами
□□□□□□И освящают этот пир.
За ними, князь, во имя Музы вашей,
Подносим вам заздравное вино,
И долго-долго в этой светлой чаше

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Пускай кипит и искрится оно!..
Около 25 февраля 1861

Александру Второму*
Ты взял свой день... Замеченный от века
Великою господней благодатью –
Он рабский образ сдвинул с человека
И возвратил семье меньшую братью..
25 марта 1861

"Я знал ее еще тогда..."*
Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом..
И всё еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы..
Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.
27 марта 1861

"Недаром русские ты с детства помнил звуки..."*
<В. Вольфсону>
Недаром русские ты с детства помнил звуки
И их сберег в себе сочувствием живым –
Теперь для двух миров, на высоте науки,
Посредником стоишь ты мировым..
Март? 1861

Князю П. А. Вяземскому ("Теперь не то, что за полгода...")*
Теперь не то, что за полгода*,
Теперь не тесный круг друзей –
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей..
Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир –
Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир..
Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день..
Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад –
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят..
12 июля 1861

"Играй, покуда над тобою..."*
Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты – жизнь, назначенная к бою,
Ты – сердце, жаждущее бурь..
Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу
И взор туманится слезами..
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идешь – я ухожу.
Я слышал утренние грезы
Лишь пробудившегося дня...

Но поздние, живые грозы,
Но взрыв страстей, но страсти слезы –
Нет, это всё не для меня!
Но, может быть, под зноем лета
Ты вспомнишь о своей весне...
О, вспомни и про время это,
Как о забытом до рассвета,
Нам смутно грезившемся сне.
25 июля 1861

При посылке Нового завета*
Не легкий жребий*, не отрадный,
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.
Ты билась с мужеством немногих
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою.
Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.
Но скудны все земные силы:
Рассвирепеет жизни зло –
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно-тяжело.
Вот в эти-то часы с любовью
О книге сей ты вспомяни –
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.
1861

"Он прежде мирный был казак..."*
Он прежде мирный был казак;
Теперь он попечитель дикий;
Филиппов сын – положим, так,
А всё не Александр Великий.
1861

А. А. Фету*

<1>
Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет,
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе хоть молча скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.

<2>
Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой, –
Они им чуют-слышат воды
И в темной глубине земной...
Великой Матерью любимый*,
Стократ завидней твой удел –
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...
14 апреля 1862

"Затею этого рассказа..."*
Затею этого рассказа
Определить мы можем так:
То грязный русский наш кабак
Придвинут к высотам Кавказа.
Февраль 1863

"Ужасный сон отяготел над нами..."*
Ужасный сон отяготел над нами,

Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.
Осьмой уж месяц длятся эти битвы,
Геройский пыл, предательство и ложь,
Притон разбойничий в дому молитвы*,
В одной руке распятие и нож.
И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко правду божью
Людская кривда к бою не звала!..
И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова –
Всё поднялось и всё грозит тебе,
О край родной! такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!
Начало августа 1863

Его светлости князю А. А. Суворову*
Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!..
Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему, –
Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе, –
Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
Назло врагам, их лжи и озлобленью,
Назло, уввы, и пошlostям родным.
Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей*.
12 ноября 1863

"Как летней иногда порою..."*
Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит
И жизнь и свет внесет с собою,
Всё огласит и озарит;
Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой –
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой, –
Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир, и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.
Ее присутствием согрета,
Жизнь встрепенулася живей,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.
При ней и старость молодеда,
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,
Дипломатическим клубком*.
И самый дом наш будто ожил,
Ее жилищею избрав,
И нас уж менее тревожил

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Неугомонный телеграф.

Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы для прощанья, –
Но долго, долго не забыть
Нежданно-милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений
И стан, оправленный в магнит,
Радушный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей
И этот длинный, тонкий волос,
Едва доступный пальцам фей.
1863

Н. И. Кролю*

Сентябрь холодный бушевал,
С деревьев ржавый лист валился,
День потухающий дымился,
Сходила ночь, туман вставал.
И всё для сердца и для глаз
Так было холодно-бесцветно,
Так было грустно-безответно, –
Но чья-то песнь вдруг раздалась...
И вот, каким-то обаяньем,
Туман, свернувшись, улетел,
Небесный свод поглубел
И вновь подернулся сияньем...
И всё опять зазеленело,
Всё обратилось к весне...
И эта греза снилась мне,
Пока мне птичка ваша пела.
1863?

19-е февраля 1864*

И тихими последними шагами
Он подошел к окну. День вечерел,
И чистыми, как благодать, лучами
На западе светился и горел.
И вспомнил он годину обновленья –
Великий день*, новозаветный день, –
И на лице его от умиленья
Предсмертная вдруг озарилась тень.
Два образа, заветные, родные,
Что как святыню в сердце он носил,
Предстали перед ним – царь и Россия,
И от души он их благословил.
Потом главой припал он к изголовью,
Последняя свершалась борьба, –
И сам спаситель отпустил с любовью
Послушного и верного раба.
Между 19 и 21 февраля 1864

"Утихла биза... Легче дышит..."*

Утихла биза*...Легче дышит
Лазурный сонм женеvских вод –
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.
Весь день, как летом, солнце греет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет.
А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора*,
Как откровенье неземное.
Здесь сердце так бы всё забыло,
Забыло б муку всю свою,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Когда бы там – в родном краю –
Одной могилой меньше было*...
11 октября 1864

"Весь день она лежала в забытьи..."*
Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь – его струи
□□□□□□По листьям весело звучали.
И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала – увлечена,
Погружена в сознательную думу...
И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как всё это я любила!»

. . . .
Любила ты, и так, как ты, любить –
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...
Октябрь или первая половина декабря 1864

Императрице Марии Александровне
"Как неразгаданная тайна..."

<1>
Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней –
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.
Земное ль в ней очарованье
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...
3 ноября 1864

"Кто б ни был ты, но, встретясь с ней..."
<2>

кто б ни был ты, но, встретясь с ней,
Душою чистой иль греховной
Ты вдруг почувствуешь живей,
что есть мир лучший, мир духовный.
ноябрь 1864

"О, этот Юг, о, эта Ницца!.."*
О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет – и не может...
Нет ни полета, ни размаху –
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
дрожит от боли и бессилья...
21 ноября 1864

Епсуліса[28]*

Был день, когда господней правды молот
Громил, дробил ветхозаветный храм
И, собственным мечом своим заколот,
В нем издыхал первосвященник сам.
Еще страшней, еще неумолимей
И в наши дни – дни божьего суда –
Свершится казнь в отступническом Риме
□□□□□□Над лженаместником Христа.
Столетия шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темные дела,
□□□□□□Но не простится правдой бога

Его последняя хула...
Не от меча погибнет он земного,
Мечом земным владевший столько лет, –
Его погубит роковое слово:
«Свобода совести есть бред!»
21 декабря 1864

Князю Горчакову*
Вам выпало призыванье роковое,
Но тот, кто призвал вас, и соблюдет.
Всё лучшее в России, всё живое
Глядит на вас, и верит вам, и ждет.
Обманутой, обиженной России
Вы честь спасли, – и выше нет заслуг;
Днесите подвиги вам предстоят иные:
Отстояте мысль ее, спасите дух...
1864

"Когда на то нет божьего согласия..."*
Когда на то нет божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, –
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...
Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!
Он, милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.
11 января 1865

"Как хорошо ты, о море ночное..."*
Как хорошо ты, о море ночное, –
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...
На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движенье, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.
В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою –
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...
Январь 1865

Ответ на адрес*
Себя, друзья, морочите вы грубо –
Велик с Россией ваш разлад.
Куда вам в члены Английских палат:
Вы просто члены Английского клуба...
Вторая половина января 1865

"Есть и в моем страдальческом застое..."*
Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.
Вдруг всё замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.
И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу –
Разбитый челн, заброшенный волною,
На безымянном диком берегу.
О господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, –
По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе, –
По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.
Конец марта 1865

"Он, умирая, сомневался..."*
Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим*...
Но бог не даром в нем сказался –
Бог верен избранным своим...
Сто лет прошло в труде и горе –
И вот, мужая с каждым днем,
Родная Речь уж на просторе
Поминки празднует по нем...
Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена,
На всей своей разумной воле
Его приветствует она...
И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим
Во имя Правды и Науки
Здесь память вечную гласим.
Да, велико его значенье –
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещенье,
Не нас поработил ему, –
Как тот борец ветхозаветный*,
Который с Силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.
Начало апреля 1865

"Сын царский умирает в Ницце..."*
Сын царский умирает в Ницце –
И из него нам строят ков*...
«То божья месть за поляков», –
Вот что мы слышим здесь, в столице...
Из чьих понятий, диких, узких,
То слово вырваться могло б?...
Кто говорит так: польский поп
Или министр какой из русских?
О, эти толки роковые,
Преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит их Россия, –
И отповедью – да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена – царь в плену!» –
И Русь спастись его не встанет
8–11 апреля 1865

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

"Всё решено, и он спокоен..."*
Всё решено, и он спокоен,
Он, претерпевший до конца, –
Знать, он пред богом был достоин
Другого, лучшего венца –
Другого, лучшего наследства,
Наследства бога своего, –
Он, наша радость с малолетства,
Он был не наш, он был его...
Но между ним и между нами
Есть связи естества сильнее:
Со всеми русскими сердцами
Теперь он молится о ней, –
О ней, чью горечь испытанья
Поймет, измерит только та,
Кто, освятив собой страданья,
Стояла, плача, у креста...
12 апреля 1865

"Как верно здравый смысл народа..."*
Как верно здравый смысл народа
Значенье слов определил:
Недаром, видно, от «ухода»
Он вывел слово «уходил».
30 апреля 1865

"Певучесть есть в морских волнах..."*
Est in arundineis modulatio musica ripis.[29]

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский* шорох
Струится в зыбких камышах.
Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, –
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что, море,
И ропщет мыслящий тростник*?
И от земли до крайних звезд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне*,
Души отчаянной протест?
11 мая 1865

Другу моему Я. П. Полонскому*
Нет боле искр живых на голос твой приветный –
Во мне глухая ночь, и нет для ней утра...
И скоро улетит – во мраке незаметный –
Последний, скудный дым с потухшего костра.
30 мая 1865

Н. С. Акинфеевой ("Велели вы – хоть, может быть, и в шутку...")*
Велели вы – хоть, может быть, и в шутку
□□□□□□Я исполняю ваш приказ.
Тут места нет раздумью, ни рассудку,
И даже мудрость без ума от вас, –
И даже он – ваш дядя достославный*, –
Хоть всю Европу переспорить мог,
Но уступил и он в борьбе неравной
□□□□□□И присмирел у ваших ног...
5 июня 1865

"Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло..."*
Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.
И вот уж год, без жалоб, без упрёку,
Утратив всё, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.
15 июля 1865

"Молчит сомнительно Восток..."*
Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далек?
Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и доли,
Спят города и дремлют селы,
Но к небу подымите взор...
Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдея,
Она всё ярче, всё живее –
Вся разгорается она –
Еще минута, и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей...
29 июля 1865

Накануне годовщины 4 августа 1864 г.*
Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?
Всё темней, темнее над землею –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
3 августа 1865

"Как неожиданно и ярко..."*
Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла –
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.
О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его – лови скорей!
Смотри – оно уж побледнело,
Еще минута, две – и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.
5 августа 1865

"Ночное небо так угрюмо..."*
Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,

Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.
Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять всё потемнело,
Всё стихло в чуткой темноте –
Как бы таинственное дело
Решалось там – на высоте.
18 августа 1865

"Нет дня, чтобы душа не ныла..."*
Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем, –
Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.
23 ноября 1865

"Как ни бесилося злоречье..."*
Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилось над ней,
Но этих глаз чистосердечье –
Оно всех демонов сильней.
Всё в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.
К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.
21 декабря 1865

Графине А. Д. Блудовой*
Как жизнь ни сделалась скуднее,
Как ни пришлось нам уяснить
То, что нам с каждым днем яснее,
Что пережить – не значит жить, –
Во имя милого былого,
Во имя вашего отца
Дадим же мы друг другу слово:
Не изменяться до конца.
1 марта 1866

"Так! Он спасен! Иначе быть не может!..."*
Так! Он спасен! Иначе быть не может!
И чувство радости по Руси разлилось...
Но посреди молитв, средь благодарных слез
Мысль неотступная невольно сердце гложет:
Всё этим выстрелом, всё в нас оскорблено,
И оскорблению как будто нет исхода:
Легло, увы, легло позорное пятно
На всю историю российского народа!
4 апреля 1866

"Когда сочувственно на наше слово..."*
Когда сочувственно на наше слово
□□□□□□Одна душа отозвалась –
Не нужно нам возмездия иного,
□□□□□□Довольно с нас, довольно с нас...
12 апреля 1866

Князю Суворову*

Два разнородные стремленья
В себе соединяешь ты:
Юродство без душеспасенья
И шутовство без остроты.
Сама природа, зная, хотела
Тебя устроить и обречь
На безответственное дело,
На безнаказанную речь.
Апрель 1866

"И в божьем мире то ж бывает..."*
И в божьем мире то ж бывает,
И в мае снег идет порой,
А всё ж Весна не унывает
И говорит: «Черед за мной!..»
Бессильна, как она ни злился,
Несвоевременная дурь, –
Метели, вьюги улеглись,
Уж близко время летних бурь.
11 мая 1866

"Когда расстроенный кредит..."*
Когда расстроенный кредит
□□□□□□ Не бьется кое-как,
А просто на мели сидит,
□□□□□□ Сидит себе как рак, –
Кто ж тут спасет, кто пособит?
□□□□□□ Ну кто ж, коль не моряк.
3 июня 1866

"Тихо в озере струится..."*
Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достославностей былых.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь бывшее чудно веет
Обаянием своим.
Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое бывшее
Словно дышит в забытыи;
Дремлет сладко-беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...
Июль 1866

"На гробовой его покров..."*
□□□□ На гробовой его покров
Мы, вместо всех венков, кладем слова простые:
□□□□□□ Не много было б у него врагов,
□□□□□□ Когда бы не твои, Россия.
2 сентября 1866

"Когда дряхлеющие силы..."*
Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, –
Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;
От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости

За уготованный им пир;
От желчи горького сознания,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;
Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор,
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.
Начало сентября 1866

"Небо бледно-голубое..."*
Небо бледно-голубое
Дышит светом и теплом
И приветствует Петрополь
Небывалым сентябрем.
Воздух, полный теплой влаги,
Зелень свежую поит
И торжественные флаги
Тихим веяньем струит.
Блеск горячий солнце сеет
Вдоль по невской глубине –
Югом блещет, югом веет,
И живется как во сне.
Всё привольней, всё приветней
Умалющийся день, –
И согрета негой летней
Вечеров осенних тень.
Ночью тихо пламенеют
Разноцветные огни...
Очарованные ночи,
Очарованные дни.
Словно строгий чин природы
Уступил права свои
Духу жизни и свободы,
Вдохновениям любви.
Словно, ввек ненарушимый,
Был нарушен вечный строй
И любившей и любимой
Человеческой душой.
В этом ласковом сиянье,
В этом небе голубом
Есть улыбка, есть сознание,
Есть сочувственный прием.
И святое умиление
С благодатью чистых слез
К нам сошло как откровенье
И во всем отозвалось...
Небывалое доселе
Понял вещей наш народ,
И дагмарина неделя
Перейдет из рода в род.
17 сентября 1866

"Умом Россию не понять..."*
Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.
28 ноября 1866

На юбилей Н. М. Карамзина*
Великий день Карамзина
Мы, поминая братской тризной,
Что скажем здесь перед отчизной,
На что б откликнулась она?
Какой хвалой благоговеиной,
Каким сочувствием живым

Мы этот славный день почтим –
Народный праздник и семейный?
Какой пошлем тебе привет –
Тебе, наш добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет?
При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи,
Так ненавистной для души
Высокой и ко благу страстной, –
Души, какой твоя была,
Как здесь она еще боролась,
Но на призывный божий голос
Неудержимо к цели шла?
Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой –
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,
Умевший всё совокупить
В ненарушимом, полном строе,
Всё человечески-благое,
И русским чувством закрепить, –
Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...
30 ноября – 1 декабря 1866

"Ты долго ль будешь за туманом..."*
Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?
Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?
Всё гуще мрак, всё пуще горе,
Всё неминуемей беда –
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись – теперь иль никогда...
20 декабря 1866

"Хотя б она сошла с лица земного..."*
Хотя б она сошла с лица земного,
В душе царей для правды есть приют.
Кто не слышал торжественного слова?
Века векам его передают.
И что ж теперь? Увы, что видим мы?
Кто приютит, кто призрит гостью божью?
Ложь, злая ложь растлила все умы,
И целый мир стал воплощенной ложью!..
Опять Восток дымится свежей кровью,
Опять резня... повсюду вой и плач,
И снова прав пирующий палач,
А жертвы... преданы злословью!
О, этот век, воспитанный в крамолах,
Век без души, с озлобленным умом,
На площадях, в палатах, на престолах –
Везде он правды личным стал врагом!
Но есть еще один приют державный,
Для правды есть один святой алтарь:
В твоей душе он, царь наш православный,
Наш благодушный, честный русский царь!
31 декабря 1866

В Риме*
(С французского)

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Средь Рима древнего сооружалось зданье –
Но Нерон воздвигал дворец свой золотой*.
Под самую дворца гранитную пятой
Былинка с кесарем вступила в состязанье:
«Не уступлю тебе, знай это, бог земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя».
– «Как, мне не уступить? Мир гнется подо мной!»
– «Весь мир тебе слуга, а мне слугою – Время».
Конец декабря 1866 – начало января 1867

"Над Россией распростертой..."*
Над Россией, распростертой
Встал внезапную грозой
Петр, по прозвищу четвертый,
Аракчеев же – второй.
1866 или 1867

А. Д. Блудовой*
Как этого посмертного альбома*
Мне дороги заветные листы,
Как всё на них так родственно-знакомо,
Как полно всё душевной теплоты!
Как этих строк сочувственная сила
Всего меня обвеяла былым!
Храм опустел, потух огонь кадила,
Но жертвенный еще курится дым.
1 марта 1867

Дым*
Здесь некогда, могучий и прекрасный,
Шумел и зеленел волшебный лес, –
Не лес, а целый мир разнообразный,
Исполненный видений и чудес.
Лучи сквозили, трепетали тени;
Не умолкал в деревьях птичий гам;
Мелькали в чаще быстрые олени,
И ловчий рог взывал по временам.
На перекрестках, с речью и приветом,
Навстречу нам, из полутьмы лесной,
Обвеянный каким-то чудным светом,
Знакомых лиц слетался целый рой.
Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир!
Нам чудились нездешние созданья,
Но близок был нам этот дивный мир.
И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?
Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым – безотрадный, бесконечный дым!
Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловещим треском белые огни...
Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять наш лес зазеленеет,
Всё тот же лес, волшебный и родной.
25 апреля 1867

Славянам ("Привет вам задушевный, братья...")*
Привет вам задушевный, братья,
Со всех Славящины концов,
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!

Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы – свои!
Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей, –
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!
Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но всё же мы народ единый,
Единой матери сыны;
Но всё же братья мы родные!
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России – не прощают вас!
Смущает их, и до испугу,
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет: «Это я!»
При неотступном вспоминанье
О длинной цепи злых обид
Славянское самосознание,
Как божья кара, их страшит!
Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них – закон и равноправность,
Для нас – насилье и обман,
И закрепила стародавность
Их как наследие славян.
И то, что длилось веками,
Не истощилось и поднесь
И тяготеет и над нами –
Над нами, собранными здесь...
Еще болит от старых болей
Вся современная пора...
Не тронуто Косово поле*,
Не скрыта Белая Гора*!
А между нас – позор немалый
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушел от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Чествуют лобзанием своим.
Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод,
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?..
Мы ждем и верим провиденью –
Ему известны день и час...
И эта вера в правду бога
Уж в нашей не умрет груди,
Хоть много жертв и горя много
Еще мы видим впереди...
Он жив – верховный промыслитель,
И суд его не оскудел,
И слово Царь-освободитель
За русский выступит предел...

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Начало мая 1867

Славянам ("Они кричат, они грозятся...")*
Man muß die Slaven an die Mauer drücken. [30]

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем!»
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..
Да, стенка есть – стена большая, –
И вас не трудно к ней прижать.
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.
Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, –
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла..
Ее не раз и штурмовали –
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри..
Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой..
Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам, –
Посмотрим, что они возьмут!
Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их –
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.
Она расступится пред вами
И как живой для вас оплот
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.
11–16 мая 1867

"Напрасный труд – нет, их не вразумишь..."*
Напрасный труд – нет, их не вразумишь, –
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.
Май 1867

На юбилей князя А. М. Горчакова*
В те дни кроваво-роковые,
Когда, прервав борьбу свою,
В ножны вложила меч Россия –
Свой меч, иззубренный в бою, –
Он волей призван был державной
Стоять на страже, – и он стал,
И бой отважный, бой неравный
Один с Европой продолжал.
И вот двенадцать лет уж длится
Упорный поединок тот;
Иноплеменный мир дивится,
Одна лишь Русь его поймет.
Он первый угадал, в чем дело,
И им впервые русский дух
Союзной силой признан смело, –
И вот венец его заслуг.
13 июня 1867

"Как ни тяжел последний час..."*
Как ни тяжел последний час –
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, –
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...
14 октября 1867

"Свершается заслуженная кара..."*
Свершается заслуженная кара
За тяжкий грех, тысячелетний грех...
Не отвратить, не избежать удара –
И правда божья видима для всех...
То божьей правды праведная кара,
И, ей в отпор чью помощь ни зови*,
Свершится суд... и папская тиара*
В последний раз купается в крови.
А ты, ее носитель неповинный*, –
Спаси тебя господь и отрезви, –
Молись ему, чтобы твои седины
Не осквернились в пролитой крови.
27 октября 1867

По прочтении депеш императорского кабинета, напечатанных в "Journal de St.-Petersbourg" [31]*
Когда свершится искупленье
И озарится вновь Восток, –
О, как поймут тогда значенье
Великолепных этих строк!
Как первый яркий луч денницы,
Коснувшись, их воспламенит
И эти вещие страницы
Озолотит и освятит!
И в излиянье чувств народных,
Как божья чистая роса,
Племен признательно-свободных
На них затеплится слеза!
На них записана вся повесть
О том, что было и что есть;
Изобличив Европы совесть,
Они спасли России честь!
5 декабря 1867

"Опять стою я над Невой..."*
Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.
Нет искр в небесной синеве,
Все стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.
Во сне ль всё это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?
Июнь 1868

Пожары*
Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготееет над землей.
Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

Обожженных елей ряд.
На пожарище печальном
Нет ни искры, дым один, –
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?
Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!
Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотой,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.
Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло –
Беспомощное дитя.
16 июля 1868

"В небе тают облака..."*
В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...
Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немym дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.
Чудный день! Пройдут века –
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.
2 августа 1868

Михаилу Петровичу Погодину*
Стихов моих вот список безобразный, –
Не заглянув в него, дарю им вас,
Не совладал с моею ленью праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась...
В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут...
О чем же хлопотать? Рука забвенья
Как раз свершит свой корректурный труд.
Конец августа 1868

Памяти Е. П. Ковалевского*
И вот в рядах отечественной рати
Опять не стало смелого бойца –
Опять вздохнут о горестной утрате
Все честные, все русские сердца.
Душа живая, он необоримо
Всегда себе был верен и везде –
Живое пламя, часто не без дыма
Горевшее в удушливой среде...
Но в правду верил он, и не смущался,
И с пошлостью боролся весь свой век,
Боролся – и ни разу не поддался...
Он на Руси был редкий человек.
И не Руси одной по нем сгрустнется –
Он дорог был и там, в земле чужой,
И там, где кровь так безотрадно льется,
Почтут его признательной слезой.
21 сентября 1868

"Печати русской доброхоты..."*
Печати русской доброхоты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит ее – но вот беда,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Что дело не дойдет до рвоты.
1868?

Мотив Гейне*

Если смерть есть ночь, если жизнь есть день –
Ах, умаял он, пестрый день, меня!..
И сгущается надо мною тень,
Ко сну клонится голова моя..
Обессиленный, отдаюсь ему..
Но всё грезится сквозь немую тьму –
Где-то там, над ней, ясный день блестит
И незримый хор о любви гремит..
1868 или начало 1869

"Вы не родились поляком..."*

Вы не родились поляком,
Хоть шляхтич вы по направленью,
А русский вы – сознайтесь в том –
По Третьему лишь отделенью.
Слуга влиятельных господ,
С какой отвагой благородной
Громите речью вы свободной
Всех тех, кому зажали рот*!
Недаром вашим вы пером
Аристократии служили –
В какой лакейской изучили
Вы этот рыцарский прием?
Середина января 1869

"„Нет, не могу я видеть вас..."*"

«Нет, не могу я видеть вас...» –
Так говорил я в самом деле,
И не один, а сотню раз, –
А вы – и верить не хотели.
В одном доносчик мой не прав –
Уж если доносить решился,
Зачем же, речь мою прервав,
Он досказать не потрудился?
И нынче нудит он меня –
Шутник и пошлый и нахальный, –
Его затею устраняя,
Восстановить мой текст буквальный.
Да, говорил я, и не раз –
То не был случай одинокий, –
Мы все не можем видеть вас –
Без той сочувственно-глубокой
Любви сердечной и святой,
С какой – как в этом не сознаться? –
Свою лучшею звездой
Вся Русь привыкла любоваться.
5 февраля 1869

"Великий день Кирилловой кончины..."*

□□□□□□Великий день Кирилловой* кончины –
Каким приветствием сердечным и простым
□□□□□□Тысячелетней годовщины
□□□□□□Святую память мы почтим?
Какими этот день запечатлеть словами,
□□□□□□Как не словами, сказанными им,
Когда, прощаясь и с братом и с друзьями,
Он нехотя свой прах тебе оставил, Рим*..
□□□□□□Причастные его труду,
Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений,
И мы, и мы его тянули борозду
□□□□□□Среди соблазнов и сомнений.
И в свой черед, как он, не довершив труда,
И мы с нее сойдем, и, словеса святые
Его вспомянув, воскликнем мы тогда:

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
«Не изменяй себе, великая Россия!
□□□□□□Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости иль наглым их обманам,
И, как святой Кирилл, и ты не покидай
□□□□□□Великого служения славянам...»
13 февраля 1869

"Нам не дано предугадать..."*
Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...
27 февраля 1869

"Две силы есть – две роковые силы..."*
Две силы есть – две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, –
Одна есть Смерть, другая – Суд людской.
И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...
Но Смерть честней – чужда лицепрятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смирненную иль ропщущую братью –
Своей косою равняет всех она.
Свет не таков: борьбы, разноголосья –
Ревнивый властелин – не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.
И горе ей – увы, двойное горе, –
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах – в неравный бой.
Когда она, при роковом сознанье
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы,
Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу, –
Да, горе ей – и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.
Март 1869

11-е мая 1869*
Нас всех, собравшихся на общий праздник снова,
Учило нынче нас евангельское слово
□□□В своей священной простоте:
«Не утаится Град от зренья людского*,
□□□Стоя на горней высоте».
Будь это и для нас возвещено не всуе –
□□□Заветом будь оно и нам,
И мы, великий день здесь братски торжествуя,
Поставим наш союз на высоту такую,
Чтоб всем он виден был – всем братским племенам.
11 мая 1869

"Как насаждения Петрова..."*
Как насаждения Петрова
В Екатерининской долине*
Деревья пышно разрослись, –
Так насаждаемое ныне
Здесь русское живое слово

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Расти и глубже коренись.
Май 1869

"Там, где дары судьбы освящены душой..."*
Там, где дары судьбы освящены душой,
□□□Оправданы благотвореньем,
Невольно человек мирится здесь с судьбой,
Душа сознательно мирится с провиденьем.
11 июля 1869

В деревне*
Что за отчаянные крики,
И гам, и трепетанье крыл?
Кто этот гвалт безумно-дикий
Так неуместно возбудил?
Ручных гусей и уток стая
Вдруг одичала и летит.
Летит – куда, сама не зная,
И, как шальная, голосит.
Какой внезапною тревогой
Звучат все эти голоса!
Не пес, а бес четвероногой,
Бес, обернувшийся во пса,
В порыве буйства, для забавы,
Самоуверенный нахал,
Смутил покой их величавый
И их размыкал, разогнал!
И словно сам он, вслед за ними,
Для довершения обид,
С своими нервами стальными,
На воздух взвившись, полетит!
Какой же смысл в движенье этом?
Зачем вся эта трата сил?
Зачем испуг таким полетом
Гусей и уток окрылил?
Да, тут есть цель! В ленивом стаде
Замечен страшный был застой,
И нужен стал, прогресса ради,
Внезапный натиск роковой.
И вот благое провиденье
С цепи спустило сорванца,
Чтоб крыл своих предназначенье
Не позабыть им до конца.
Так современных проявлений
Смысл иногда и бестолков, –
Но тот же современный гений
Всегда их выяснить готов.
Иной, ты скажешь, просто лает,
А он свершает высший долг –
Он, осмысляя, развивает
Утиный и гусиный толк.
16 августа 1869

Чехам от московских славян*
На ваши, братья, празднества,
Навстречу вашим ликованьям,
Навстречу вам идет Москва
С благоговейным упованьем.
В среду восторженных тревог,
В разгар великого волненья,
Приносит вам она залог,
Залог любви и единенья.
Примите же из рук ея
То, что и вашим прежде было,
Что старочешская семья
Такой ценой себе купила, –
Такою страшною ценой*,
Что память эта и поныне –

И вашей лучшей святыней,
И вашей жизненной струей.
Примите Чашу! Вам звездой
В ночи судеб она светила
И вашу немощ возносила
Над человеческой средой.
О, вспомните, каким она
Была вам знаменьем любимым
И что в костре неугасимом
Она для вас обретена.
И этой-то великой мзды,
Отцов великих достоянья,
За все их тяжкие труды,
За все их жертвы и страданья,
Себя лишать даете вы
Иноплеменной дерзкой ложью,
Даете ей срамить, увы,
И честь отцов, и правду божью!
И долго ль, долго ль этот плен,
Из всех тягчайший, плен духовный,
Еще сносить ты осужден,
О чешский люд единокровный?
Нет, нет, недаром благодать
На вас призвали предки ваши,
И будет вам дано понять,
Что нет спасенья вам без Чаши.
Она лишь разрешит вконец
Загадку вашего народа:
В ней и духовная свобода,
И единения венец.
Придите ж к дивной Чаше сей,
Добытой лучшей вашей кровью,
Придите, приступите к ней
С надеждой, верой и любовью.
Около 24 августа 1869

Андрею Николаевичу Муравьеву ("Там, где на высоте обрыва...")*
Там, где на высоте обрыва
Воздушно-светозарный храм*
Уходит ввысь – очам на диво,
Как бы парящий к небесам;
Где Первозванного Андрея
Еще поднесь сияет крест,
На небе киевском белея,
Святой блюститель этих мест, –
К стопам его свою обитель
Благоговейно прислоня,
Живешь ты там – не праздный житель –
На склоне трудового дня.
И кто бы мог без умиленья
И ныне не почтить в тебе
Единство жизни и стремленья
И твердость стойкую в борьбе?
Да, много, много испытаний
Ты перенес и одолел...
Живи ж не в суетном сознанье
Заслуг своих и добрых дел;
Но для любви, но для примера,
Да убеждаются тобой,
Что может действенная вера
И мысли неизменный строй.
Август 1869

"Природа – сфинкс. И тем она верней..."*
Природа – сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может случиться, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

"Как нас ни угнетай разлука..."*
Как нас ни угнетай разлука,
Но покоряемся мы ей –
Для сердца есть другая мука,
Невыносимей и больней.
Пора разлуки миновала,
И от нее в руках у нас
Одно осталось покрывало,
Полупрозрачное для глаз.
И знаем мы: под этой дымкой
Всё то, по чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится – и молчит.
Где цель подобных искушений?
Душа невольно смущена,
И в колесе недоумений
Вертится нехотя она.
Пора разлуки миновала,
И мы не смеем, в добрый час,
Задеть и сдернуть покрывало,
Столь ненавистное для нас!
14 октября 1869

Современное*
флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
и ликует Цареград.
И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.
Угощает он на славу
Милых западных друзей –
и свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.
Из премудрого далека
Франкистанской их земли
Погулять на счет пророка
Все они сюда пришли.
Пушек гром и мусикия*!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал.
И при криках исступленных
Бойкий западный разгул
И в гаремах потаенных
Двери настезь распахнул.
Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!
И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!
И всех ярче и милее
Светит тут звезда одна,
Коронованная фея,
Рима дочь*, его жена.
С пресловутого театра
Всех изяществ и затей,
Как вторая Клеопатра*
В сонме царственных гостей,
На Восток она явилась,
Всем на радость, не на зло,

И пред нею всё склонилось:
Солнце с Запада взошло!
Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам, –
Только там, где тени бродят,
Там, в ночи, из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан...
Первая половина октября 1869

А. Ф. Гильфердингу*
Спешу поздравить с неудачей:
Она – блистательный успех,
Для вас почетна наипаче
И назидательна для всех.
Что русским словом столько лет
Вы славно служите России,
Про это знает целый свет,
Не знают немцы лишь родные.
Ах нет, то знают и они;
И что в славянском вражьем мире
Вы совершили – вы одни –
Все ведают, et inde irae! [32]
Во всем обширном этом крае
Они встречали вас не раз,
В Балканах, Чехах, на Дунае –
Везде, везде встречали вас.
И как же мог бы без измены,
Высокодоблестный досель,
В академические стены,
В заветную их цитадель,
Казню русской содержимый
Для этих славных оборон,
Вас, вас впустить – непобедимый
Немецкий храбрый гарнизон?
17 декабря 1869

Ю. Ф. Абазе*
Так – гармонических орудий
Власть беспредельна над душой,
И любят все живые люди
Язык их темный, но родной.
В них что-то стонет, что-то бьется,
Как в узах заключенный дух,
На волю просится и рвется
И хочет высказаться вслух...
Не то совсем при вашем пенье,
Не то мы чувствуем в себе:
Тут полнота освобожденья,
Конец и плену и борьбе...
Из тяжелой вырвавшись юдоли
И все оковы разреша,
На всей своей ликует воле
Освобожденная душа...
По всемогущему призыву
Свет отделяется от тьмы,
И мы не звуки – душу живую,
В них вашу душу слышим мы.
22 декабря 1869

"Так провидение судило..."*
□□□□□□□□□□Так провидение судило,
□□□□□□□□□□чтоб о величии грядущем
Великого славянского царя
□□□□□□□□□□Возвещено вселенной было
□□□□□□□□□□Не гласом грома всемогущим,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
□□□□□□□□□□А звучным писком комара.
1860-е годы

Н. С. Акинфьевой ("Проходя свой путь по своду...")*
Проходя свой путь по своду,
Солнце знает ли о том,
Что оно-то жизнь в природу
Льет в сиянье золотом,
Что лучом его рисует
Бог узоры на цветке,
Земледельцу плод дарует,
Мечет жемчуг по реке?
Вы, на всё бросая <милый>
Взгляд ваш, знаете ль о том,
Что вся жизнь моя и силы
В вашем взоре огневом?
1860-е годы

"Радость и горе в живом упоенье..."*
<Из «Эгмонта» Гёте>
Радость и горе в живом упоенье,
Думы и сердце в вечном волнении,
В небе ликуя, томясь на земли,
□□□□□□□□□□Страстно ликующей,
□□□□□□□□□□Страстно тоскующей
Жизни блаженство в одной лишь любви...
Февраль 1870

Гус на костре*
Костер сооружен, и роковое
Готово вспыхнуть пламя; всё молчит, –
Лишь слышен легкий треск, и в нижнем слое
Костра огонь предательски сквозит.
Дым побежал – народ столпился гуще;
Вот все они – весь этот темный мир:
Тут и гнетомый люд, и люд гнетущий,
Ложь и насилие, рыцарство и клир*.
Тут вероломный кесарь*, и князей
Имперских и духовных сонм верховный,
И сам он, римский иерарх, в своей
Непогрешимости греховной.
Тут и она – та старица простая*,
Не позабытая с тех пор,
Что принесла, крестясь и воздыхая,
Вязанку дров, как лепту, на костер.
И на костре, как жертва пред закланьем,
Вам праведник великий предстоит:
Уже обвеян огненным сияньем,
Он молится – и голос не дрожит...
Народа чешского святой учитель,
Бестрепетный свидетель о Христе
И римской лжи суровый обличитель
В своей высокой простоте, –
Не изменив ни богу, ни народу,
Боролся он – и был необорим –
За правду божью, за ее свободу,
За всё, за всё, что бредом назвал Рим.
Он духом в небе – братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в кругу своих,
И светел он, что собственною кровью
Христову кровь он отстоял для них.
О чешский край! О род единокровный!
Не отвергай наследья своего!
О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество!
И, цепь порвав с юродствующим Римом,
Гнетущую тебя уж так давно,
На Гусовом костре неугасимом

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Расплавь ее последнее звено.
15–17 марта 1870

"Над русской Вильной стародавней..."*
Над русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты –
И звоном меди православной
Все огласились высоты.
Минули веки искушенья,
Забыты страшные дела –
И даже мерзость запустенья
Здесь райским крином* расцвела.
Преданье ожило святое
Первоначальных лучших дней,
И только позднее былое*
Здесь в царство отошло теней.
Оттуда смутным сновиденьем
Еще дано ему порой
Перед всеобщим пробужденье
Живых тревожить здесь покой.
В тот час, как с неба месяц сходит,
В холодной, ранней полумгле,
Еще какой-то призрак бродит
По оживающей земле.
Начало июля 1870

К. Б. ("я встретил вас – и всё былое...")*
Я встретил вас – и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло...
Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то вострепнется в нас, –
Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...
Как после вековой разлуки
Гляжу на вас, как бы во сне, –
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...
Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, –
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..
26 июля 1870

Два единства*
Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льется через край*, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! –
□□□□□□□□Славянский мир, сомкнись тесней...
«Единство, – возвестил оракул наших дней*, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
□□□□□□□□А там увидим, что прочней...
Сентябрь 1870

"Веленью высшему покорны..."*
Веленью высшему покорны,
У мысли стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хотя и с штуцером* в руках.
Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не арестантский, а почетный

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Держали караул при ней.
27 октября 1870

А. В. Пл<етне>вой*
Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.
И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.
И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не всё, что здесь цвело, увянет,
Не всё, что было здесь, пройдет!
Но этой веры для немногих
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,
Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца всё претерпел.
Начало ноября 1870

"Да, вы сдержали ваше слово..."*
<А. М. Горчакову>
Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.
И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.
Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда*
Умел сыскать в себе самом, –
Кто, полный бодрого терпенья,
Расчет с отвагой совмещал –
То сдерживал свои стремленья,
То своевременно дерзал.
Но кончено ль противоборство?
И как могучий ваш рычаг
Осилит в умниках упорство
И бессознательность в глупцах?
Ноябрь 1870

"Брат, столько лет сопутствовавший мне..."*
Брат*, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один – и пусто всё кругом.
И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой – и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И, что со мной, не сознавая сам..
Бесследно всё – и так легко не быть!
При мне иль без меня – что нужды в том?
Всё будет то ж – и вьюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом.
Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я как есть
На роковой стою очереди.
11 декабря 1870

"Давно известная всем дура..."*
Давно известная всем дура –
Неугомонная цензура –
Кой-как питает нашу плоть...
Благослови ее господь!
1870?

"Впросонках слышу я – и не могу..."*
Впросонках слышу я – и не могу
Вообразить такое сочетанье,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.
Январь или февраль 1871

Черное море*
Пятнадцать лет с тех пор минуло,
Прошел событий целый ряд,
Но вера нас не обманула –
И севастопольского гула
Последний слышим мы раскат.
Удар последний и громовый,
Он грянул вдруг, животворя;
Последнее в борьбе суровой
Теперь лишь высказано слово;
То слово – русского царя.
И всё, что было так недавно
Враждой воздвигнуто слепой,
Так нагло, так самоуправно,
Пред честностью его державной
Всё рушилось само собой.
И вот: свободная стихия, –
Сказал бы наш поэт родной, –
Шумишь ты, как во дни былые,
И катишь волны голубые,
И блещешь гордою красой!..
Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену;
Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил – насилье пало:
Оно пошло как ключ ко дну.
Опять зовет и к делу нудит
Родную Русь твоя волна,
И к распре той, что бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.
И то, что ты во время оно
От бранных скрыла непогод
В свое сочувственное лоно,
Отдашь ты нам – и без урона –
Бессмертный черноморский флот.
Да, в сердце русского народа
Святиться будет этот день, –
Он – наша внешняя свобода,
Он Петропавловского свода
Осветит гробовую сень*...
Начало марта 1871

Ватиканская годовщина*
□□□□□□□□ Был день суда и осужденья –
Тот роковой, бесповоротный день,
□□□□□□□□ Когда для вящего паденья
На высшую вознесся он ступень, –
□□□□□□□□ И, божьим промыслом теснимый
И загнанный на эту высоту,
□□□□□□□□ Своей ногой непогрешимой
В бездонную шагнул он пустоту, –
□□□□□□□□ Когда, чужим страстям послушный,

Игралище и жертва темных сил,
□□□□□□□□ Так богохульно-добродушно
Он божеством себя провозгласил...
□□□□□□□□ О новом бого-человеке
Вдруг притча создалась – и в мир вошла,
□□□□□□□□ И святотатственной опеке
Христова церковь предана была.
□□□□□□□□ О, сколько смуты и волнений
Воздвиг с тех пор непогрешимый тот,
□□□□□□□□ И как под бурей этих прений
Кощунство зреет и соблазн растет.
□□□□□□□□ В испуге ищут правду божью,
Очнувшись вдруг, все эти племена,
□□□□□□□□ И как тысячелетней ложью
Она для них вконец отравлена.
□□□□□□□□ И одолеть она не в силах
Отравы той, что в жилах их течет,
□□□□□□□□ В их самых сокровенных жилах,
И долго будет течь, – и где исход?
. . .
□□□□□□□□ Но нет, как ни борись упрямо,
Уступит ложь, рассеется мечта,
□□□□□□□□ И ватиканский далай-лама*
Не призван быть наместником Христа.
6 июля 1871

"От жизни той, что бушевала здесь..."*
От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...
Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, – и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.
Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих – лишь грезю природы.
Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.
17 августа 1871

"Враг отрицательности узкой..."*
Враг отрицательности узкой*,
Всегда он в уровень шел с веком:
Он в человечестве был русский,
В науке был он человеком.
29 декабря 1871

Памяти М. К. Политковской*
Elle a été douce devant la mort.[33]

Многозначительное слово
Тобю оправдалось вновь:
В крушении всего земного
Была ты – кротость и любовь.
В самом преддверье тьмы могильной
Не оскудел, в последний час,
Твоей души любвеобильной
Неисчерпаемый запас...
И та же любящая сила,
С какой, себе не изменя,
Ты до конца переносила
Весь жизни труд, всю злобу дня, –
Та ж торжествующая сила

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

Благоволенья и любви,
Не отступив, приосенила
Часы последние твои.
И ты, смиренна и послушна,
Все страхи смерти победив,
Навстречу ей шла благодушно,
Как на отеческий призыв.
О, сколько душ, тебя любивших,
О, сколько родственных сердец –
Сердец, твоею жизнью живших,
Твой ранний поразит конец!
Я поздно встретился с тобою
На жизненном моем пути,
Но с задушевною тоскою
Я говорю тебе: прости.
В наш век отчаянных сомнений,
В наш век, неверием больной,
Когда всё гуще сходят тени
На одичалый мир земной, –
О, если в страшном раздвоенье,
В котором жить нам суждено,
Еще одно есть откровенье,
Есть уцелевшее звено
С великой тайною загробной,
Так это – видим, верим мы –
Исход души, тебе подобной,
Ее исход из нашей тьмы.
Начало марта 1872

"День православного Востока..."*
День православного Востока,
Святись, святись, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!
Но и святой Руси пределом
Его призыва не стесняй:
Пусть слышен будет в мире целом,
Пускай он льется через край,
Своею дальнею волною
И ту долину захватя,
Где бьется с немощию злою
Мое родимое дитя, –
Тот светлый край, куда в изгнанье
Она судьбой увлечена,
Где неба южного дыханье
Как врачество лишь пьет она...
О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей повея,
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней...
16 апреля 1872

"Как бестолковы числа эти..."*
Как бестолковы числа эти,
Какой сумбур в календаре!
Теперь зима уж на дворе,
А мне вот довелось во всем ее расцвете,
В ее прелестнейшей поре,
Приветствовать Весну лишь в позднем ноябре.
23 ноября 1872

"Тут целый мир, живой, разнообразный..."*
<Е. К. Зыбиной>
Тут целый мир, живой, разнообразный,
Волшебных звуков и волшебных снов, –
О, этот мир так молодо-прекрасный –
Он стоит тысячи миров.
1872

Э. Ф. Тютчевой ("Всё отнял у меня казнящий бог...")*
Всё отнял у меня казнящий бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.
Февраль 1873

Приложения
Детское стихотворение
Любезному папеньке!*

□□□□В сей день счастливый нежность сына
□□□□Какой бы дар принести могла!
Букет цветов? Но флора отцвела,
□□□□И луг поблекнул и долина.
□□□□Просить ли мне стихов у муз?
□□□□□У сердца я спрошусь.
□□□□И вот что сердце мне сказало:
«В объятьях счастливой семьи,
□□□□□□Нежнейший муж, отец-благотворитель,
Друг истинный добра и бедных покровитель,
Да в мире протекут драгие дни твои!
Детей и подданных любовью окруженный,
На лицах вокруг себя радость узришь ты.
□□□□Так солнце, с горней высоты,
□□□□С улыбкой смотрит на цветы,
□□□□Его лучами оживленны».
1813 или 1814

Стихотворные шутки и телеграммы
"Когда-то я была майором..."*
Когда-то я была майором,
Тому уж много-много лет,
И вы мне в будущем сулили
Блеск генеральских эполет.
В каком теперь служу я чине,
Того не ведаю сама,
Но к вам прошусь я в ординарцы,
Фельдмаршал русского ума.
Начало марта 1861

"Обоим Николаям..."*
□□□□□□Обоим Николаям
Мы всех возможных благ желаем
И от души их поздравляем.
6 декабря 1861

"Не всё душе болезненное снится..."*
Не всё душе болезненное снится:
Пришла весна – и небо прояснится.
12 апреля 1864

Князю Вяземскому
"Есть телеграф за неимением ног..."
<1>
Есть телеграф за неимением ног,
Неси он к вам мой стих полубольной.
Да сохранит вас милосердый бог
От всяких дрязг, волнений и тревог
□□□□□□И от бессонницы ночной.
28 июня 1865

"Бедный Лазарь, Ир убогой..."
<2>
Бедный Лазарь*, Ир* убогой,
И с усилением и с тревогой
К вам пишу, с одра привстав,
И привет мой хромоногой

Открылит пусть телеграф,
Пусть умчит его, играя,
В дивный, светлый угол тот,
Где весь день, не умолкая,
Словно буря дождевая*
В купах зелени поет.
29 июня 1865

"Красноречивую, живую..."*
Красноречивую, живую
Мою я отповедь читала,
Я всё прекрасно так сказала –
Вполне довольна – апробую.
1860-е годы

"Доехал исправно, усталый и целый..."*
Доехал исправно, усталый и целый,
Сегодня прощаюсь со шляпою белой,
Но с вами расставшись... не в шляпе тут дело...
14 сентября 1870

"С Новым годом, с новым счастьем..."*
С Новым годом, с новым счастьем,
С постоянною удачей –
Вот привет любви собачьей,
Ты прими его с участием.
Конец декабря 1870

А. Ф. Тютчевой ("Мир и согласие между нас...")*
Мир и согласие между нас
Сказались с первого же дня, –
Поздравим же, перекрестясь,
Тебя со мной, с тобой меня.
21 апреля 1872

Стихотворения, написанные во время предсмертной болезни
Наполеон III*

И ты свершил свой подвиг роковой,
Великих сил двусмысленный наследник,
Муж не судеб, а муж случайности слепой –
Ты, сфинкс, разгаданный и пошлою толпой,
Но правды божьей, не земной,
Неотразимый проповедник, –
Ты миру доказал на деле,
Как шатко всё, в чем этой правды нет:
Ты, целых двадцать бурных лет
Мир волновавший – и без цели, –
Ты много в мире лжи посеял,
И много бурь ты возрастил,
И уцелевшего рассеял,
И собранного расточил!
Народ, взложивший на тебя венец,
Ты ложью развратил и погубил вконец;
И, верный своему призванью,
Оторопевший мир игрой своей смутя,
Как неразумное дитя,
Ты предал долготу шатанью.
Спасенья нет в насилье и во лжи,
Как ни орудуй ими смело,
Для человеческой души,
Для человеческого дела.
Знай, торжествующий, кто б ныне ни был он,
Во всеоружии насилья и обмана,
Придет и твой черед, и поздно или рано
Ты ими ж будешь побежден!
Но в искупленье темных дел
Ты миру завещал один урок великий
(Да вразумятся им народы и владыки

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
и всякий, кто б тебе соревновать хотел):

Лишь там, лишь в той семье народной,
Где с властью высшею живая связь слышна
И где она закреплена
Взаимной верою и совестью свободной,
Где святы все ее условия
И ей народ одушевлен –
Стоит ли у престола он
Иль бодрствует у изголовья
Одра, где царский сын лежал,
И весь народ еще недавно
Тот одр болезни окружал
Своей молитвой православной, –
О, тут измене места нет,
Ни разнovidным ухищреньям,
И крайне жалок был бы тот,
Кто б этот оскорбил народ
Иль клеветой, иль подозреньем.
30 декабря 1872

Е. К. Богдановой*

Хотел бы я, чтобы в своей могиле,
Как нынче на своей кушетке, я лежал,
Века бы за веками проходили
И я бы вас всю вечность слушал и молчал.
Не ранее декабря 1872

Е. С. Шеншиной*

Тебе, болящая в далекой стороне,
Болящему и страждущему мне
Пришло на мысль отправить этот стих,
Чтобы с веселым плеском волн морских
Влетел бы <он к> тебе в окно,
Далекий отголосок вод родных,
И слово русское, хоть на одно мгновение,
Прервало для тебя волн средиземных пенье...
Из той среды, далёко не чужой,
Которой ты была любовью и душой,
Где и поднесь с усиленным вниманьем
Следят твою болезнь <с> сердечным состраданьем,
Будь ближе, чем когда: душе твоей присуш
Добрейший из людей, чистейшая из душ,
Твой милый, добрый, незабвенный муж!
Душа, с которою твоя была слита,
Хранившая тебя от всех соблазнов зла,
С которой заодно всю жизнь ты перешла,
Свершая честно трудный подвиг твой
Примерно-христианскою вдовой!
Привет еще тебе от тени той,
Обоим нам и милой и святой,
Которая так мало здесь гостила,
Страдала храбро так и горячо любила,
Ушла стремглав из сей юдоли слез,
Где ей, увы, ничто не удалось,
По долгой, тяжкой, истомительной борьбе,
Прощая всё и людям и судьбе.
И свой родимый край так пламенно любила,
Что хоть она и воин не была,
Но жизнь свою отчизне принесла;
Вовремя с нею не могла расстаться,
Когда б иная жизнь спасти ее могла.
январь 1873

"Британский леопард..."*

Британский леопард*
За что на нас сердит?
И машет всё хвостом,
И гневно так рычит?

Откуда поднялась внезапная тревога?

□□□□□□ Чем провинились мы?
□□□□□□ Тем, что, в глуби зашед
□□□□□□ Степи средизийской,
□□□□□□ Наш северный медведь –
□□□□□□ Земляк наш всероссийский –
От права своего не хочет отказаться
Себя оборонять, подчас и огрызаться.
□□□□□□ В угоду же друзьям своим
□□□□□□ Не хочет перед миром
□□□□□□ Каким-то быть отшельником-факиром;
И миру показать и всем воочию,
□□□□□□ Всем гадинам степным
□□□□□□ На снедь предать всю плоть свою.
□□□□□□ Нет, этому не быть! – и поднял лапу...
Вот этим леопард и был так рассержён.
«Ах, грубиян! Ах, он нахал! –
□□□□□□ Наш лев сердито зарычал. –
Как! он, простой медведь, и хочет защищаться
В присутствии моем, и лапу поднимать,
□□□□□□ И даже огрызаться!
□□□□□□ Пожалуй, это дойдет до того,
Что он вообразит, что есть <и> у него
□□□□□□ Такие же права,
□□□□□□ Как у меня, сиятельного льва...
Нельзя же допустить такого баловства!»
январь 1873

"Конечно, вредно пользам государства..."*

□□□□□□ Конечно, вредно пользам государства
В нем образовывать особенное царство,
□□□□□□ Но несогласно с пользами подданства
И в Ханстве возбуждать особенное ханство,
Давно минувших лет возобновлять приемы и следы,
И, устранив все современные лады,
□□□□□□ Строй новый заводить,
□□□□□□ И самозванно, произвольно
□□□□□□ Вдруг на Москве первопрестольной
В затменье умственном, бог ведает каком,
Вдруг заявить себя ожившим баскакóм*
□□□□□□ Для несуществующей Орды.
30 января 1873

"Во дни напастей и беды..."*

□□□□□□□□□□ Во дни напастей и беды,
□□□□□□□□□□ Когда из Золотой орды
□□□□□□□□□□ В Москву баскаков насылали,
□□□□□□□□□□ Конечно, и тогда их выбирали,
□□□□□□□□□□ Москве предоставляя в дар
□□□□□□□□□□ Учтивейшего из татар, –
Насколько совместимы два эти слова –
□□□□□□□□□□ Ну, словом, лучшего из той среды,
□□□□□□□□□□ И не отправили бы дурнова*...
А впрочем, тут много шума из пустого.
Конец января 1873

Итальянская весна*

□□□□□□□□□□ Благоуханна и светла,
Уж с февраля весна в сады вошла,
И вот миндаль мгновенно зацвела,
И белизна всю зелень облила.
февраль 1873

Императрице Марии Александровне ("Мы солнцу Юга уступаем вас...")*

□□□□□□□□□□ Мы солнцу Юга уступаем вас:
□□□□□□□□□□ Оно одно – должны сознаться мы –
□□□□□□□□□□ Теплее нашего вас любит, –
А все-таки, хотя здесь царство и зимы,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

Мы ни с какими бы странами
Здесь сердцe ваше остается с нами.
Ступайте ж, уезжайте с богом,
Но сердце ваше нам залогом,
Что скоро вы вернетесь к нам.
И пусть в отъезда час со всех сторон,
Даже с бедного одра страданья,
Мольбы, благие пожеланья
За вами понесутся вслед –
Всех русских душ торжественный привет.
1 марта 1873

Д. Ф. Тютчевой*

Вот свежие тебе цветы
В честь именин твоих, –
Еще цветы я рассылаю,
А сам так быстро отцветаю.
Хотелось бы собрать пригоршню дней,
Чтоб сплести еще венок
Для именинницы моей.
19 марта 1873

"Чертог твой, спаситель, я вижу украшен..."*
Чертог твой, спаситель, я вижу украшен,
Но одежд не имею, да вниду в него.
Между 2 и 4 апреля 1873

17-е апреля 1818*

На первой дней моих заре,
То было рано поутру в Кремле,
То было в Чудовом монастыре,
Я в келье был, и тихой и смиренной,
Там жил тогда Жуковский незабвенный.
Я ждал его, и в ожиданье
Кремлевских колколов я слушал завыванье.
Следил за медной бурей,
Поднявшейся в безоблачном лазуре
И вдруг смененной пушечной пальбой, –
Все вздрогнули, понявши этот вой.
Хоругвью светозарно-голубой
Весенний первый день лазурно-золотой
Так и пылал над праздничной Москвой.
Тут первая меня достигла весть,
Что в мире новый житель есть
И, новый царский гость в Кремле,
Ты в этот час дарован был земле.
С тех пор воспоминанье это
В душе моей согрето
Так благодатно и так мило –
В теченье стольких лет не изменяло,
Меня всю жизнь так верно провожало, –
И ныне, в ранний утра час,
Оно, всё так же дорого и мило,
Мой одр печальный посетило
И благодатный праздник возвестило.
Мнилось мне всегда,
Что этот раннего события самый час
Мне будет на всю жизнь благим предзнаменованьем,
И не ошибся я: вся жизнь моя прошла
Под этим кротким, благостным влияньем.
И милосердою судьбою
Мне было счастье суждено,
Что весь мой век я <над собою>
Созвездье видел всё одно –
Его созвездие, – и будь же до конца оно
Моей единственной звездой
И много-много раз

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Порадуй этот день, и этот мир, и нас...
17 апреля 1873

Императору Александру II*
Царь благодушный, царь с евангельской душою,
□□□□С любовью к ближнему святою,
□□□□Принять, державный, удостой
□□□□Гимн благодарности простой!
Ты, обнимающий любовью своей
□□□□Не сотни – тысячи людей,
□□□□Ты днесь воскрыльями ея
Благоволил покрыть и бедного меня,
□□□□□□□□Не заявившего ничем себя
И не имевшего на царское вниманье
□□□□□□□□Другого права, как свое страданье!..
□□□□Вниманьем благостным своим
□□□□Меня призреть ты удостоил
□□□□□□□□И, дух мой ободрив, ты успокоил..
□□□□□□□□О, будь же, царь, прославлен и хвалим,
□□□□□□□□Но не как царь, а как наместник бога,
□□□□□□□□□□Склоняющего слух
□□□□Не только к светлым легионам
□□□□□□□□Избранников своих, небесных слуг,
□□□□□□□□Но и к отдельным одиноким стонам
□□□□□□□□Существ, затерянных на сей земле,
И внемлющего их молитвенной хвале.
□□□□□□□□Чего же, царь, тебе мы пожелаем?
□□□□Торжеств ли громких и побед?
□□□□□□□□От них тебе большой отрады нет!
□□□□Мы лучшего тебе желаем,
□□□□□□□□А именно: чтобы по мере той,
□□□□□□□□□□Как призван волей ты святой
□□□□□□□□Здесь действовать, в печальной сей юдоли,
Ты сознаваем был всё более и боле
□□□□□□□□□□Таким, каков ты есть,
□□□□□□□□□□Как друг добра нелицемерный..
□□□□□□□□□□Вот образ твой, и правильный и верный,
□□□□□□□□□□Вот слава лучшая для нас и честь!
Апрель 1873

Бессонница (Ночной момент)*
□□□□□□□□Ночной порой в пустыне городской
□□□□□□□□Есть час один, проникнутый тоской,
□□□□□□□□□□Когда на целый город ночь сошла
□□□□□□□□И всюду водворилась мгла,
Всё тихо и молчит; и вот луна взошла,
□□□□□□□□И вот при блеске лунной сизой ночи
Лишь нескольких церквей, потерянных вдали,
Блеск несколенных глав, унылый, тусклый зев
□□□□□□□□□□Пустынно бьет в недремлющие очи,
□□□□□□□□□□И сердце в нас подкидышем бывает
И так же плачется и так же изнывает,
О жизни и любви отчаянно взывает.
Но тщетно плачется и молится оно:
□□□□□□□□□□Всё вокруг него и пусто и темно!
□□□□□□□□□□Час и другой всё длится жалкий стон,
Но наконец, слабея, утихает он.
Апрель 1873

"Хоть родом он был не славянин..."*
□□□□□□□□□□□□□□Хоть родом он был не славянин,
□□□□□□□□□□□□□□Но был славянством всем усвоен,
□□□□□□□□□□□□□□И честно он всю жизнь ему служил,
□□□□□□□□□□□□□□Он много действовал, хоть мало жил,
И многого ему принадлежит почин –
И делом доказал, что в поле и один
□□□□□□□□□□□□□□Быть может доблестный и храбрый воин.
5 мая 1873

"Бывают роковые дни..."*

□□□□□□□□ Бывают роковые дни
Лютейшего телесного недуга
□□□□□□□□ И страшных нравственных тревог;
□□□□□□□□ И жизнь над нами тяготеет
□□□□□□□□ И душит нас, как кошмар.
□□□□□□□□ Счастлив, кому в такие дни
□□□□□□□□ Пошлет всемилосердый бог
□□□□□□□□ Неоценимый, лучший дар –
□□□□□□□□ Сочувственную руку друга,
Кого живая, теплая рука
□□□□□□□□ Коснется нас, хотя слегка,
□□□□□□□□ Оцепенение рассеет
И сдвинет с нас ужасный кошмар
□□□□□□□□ И отвратит судеб удар, –
Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь,
И верит сердце в правду и любовь.
1873

Коллективное

Святые горы*

Тихо, мягко над Украиной
Обаятельною тайной
Ночь июльская лежит –
Небо так ушло глубоко,
Звезды светят так высоко,
И Донец во тьме блестит.
Сладкий час успокоенья!
Звон, литии*, псалмопенья
Святогорские молчат –
Под обительской стеною,
Озаренные луною,
Богомольцы мирно спят.
И громадою отвесной,
В белизне своей чудесной,
Над Донцом утес стоит,
К небу крест свой возвышая...
И, как стража вековая,
Богомольцев сторожит.
Говорят, в его утробе,
Затворившись, как во гробе,
Чудный инок обитал,
Много лет в искусе строгом
Сколько слез он перед богом,
Сколько веры расточал!..
Оттого ночной порою
Силой и поднесь живую
Над Донцом утес стоит –
И молитв его святыней,
Благодатной и доныне,
Спящий мир животворит.
Май 1862

Стихотворения, приписываемые Тютчеву

"Австрийский царь привык забавить..."*

Австрийский царь привык забавить
Собой и други и враги –
Неаполь нос ему приставит,
□□□□□□□□ А русский царь – роги.
Осень 1820?

"Ну как тому судить поэтов дар..."*

Ну как тому судить поэтов дар,
□□□□□□□□ Об их ошибках, превосходстве,
□□□□□□□□ Кому лицеем был амбар
□□□□□□□□ И кто смышлен лишь в скотоводстве.
Начало 1820-х годов

Раичу ("каким венком нам увенчать...")*
Каким венком нам увенчать
Питомца русского Парнаса,
На коем возлегла печать
Могучих вдохновений Тасса?
Ты лавров не захочешь, нет, –
Они душе твоей постылы
С тех пор, как дивный твой поэт –
Твой Тасс – и на краю могилы
Не мог их данью взять с земли...
Но девы павшего Сиона
Другой венок тебе сплели
Из сельских крин и роз Сарона*.
25 декабря 1827

Средство и цель*
Стяжать венок от вас не мечу,
Но ваши похвалы люблю,
Коль на пути своем их встречу.
Балласт хотя не назначает,
Куда и как плыть кораблю,
Но ход его он облегчает.
<1829>

"Какие песни, милый мой..."*
□□□□□□□□□□Какие песни, милый мой,
□□Когда вокруг лишь ненависти крики*,
□□А в сердце скорбь о глупости людской,
□□□□□□□□□□Которою, как некой тьмой,
□□Ослеплены и малый и великий?
□□□□Какие песни в той стране,
□□□□□□□□□□Где старики, как язву, мысль бичуют
И с целой армией в бронях и на коне
□□□□Противу мальчишек воют?
В стране, где эта мысль, лишась прямых путей,
□□□□По закоулкам татем бродит,
□□□□От грубых прячась сторожей,
И в детях лишь себе защитников находит?
О родина моя! Ужели никогда
Без роковых преград, без пропастей глубоких,
Как реки плавные равнин твоих широких,
Ты не пойдешь путем разумного труда?
□□И будет вечно мысль не там, где сила,
□□□□□□□□□□А сила будет век темна
□□□□□□□□□□И безответна, как могила,
□□□□□□□□□□И, как могила, холодна?
А мысль... ужель она средь тысячи шпионов,
□□□□Как дичь для травли злых невежд, <...>
Начало 1860-х годов

"Я не ценю красот природы..."*
Я не ценю красот природы,
Когда душа потрясена,
Когда свинцовая невзгода
Тмит бедный дух кошмаром сна.
Природы лучшие красоты
Меняют часто годы, дни...
Из нас поймет, пожалуй, сотый,
Что мы ей только и сродни.
Нет, преждевременная вялость
Ее не будит скорби в ней.
И нам в себе души усталость
Нести тяжеле и больней.
Природы воздух ядовитый
Нас отравляет не всегда:
Мы себялюбием повиты –
И эта губит нас беда.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
1865?

"Не в первый раз волнуется Восток*
Не в первый раз волнуется Восток,
Не в первый раз Христа там распинают,
И от креста луны поблекший рог
Щитом своим державы прикрывают.
Несется клич: «Распни, распни его!
Предай опять на рабство и на муки!»
О Русь, ужель не слышишь эти звуки
И, как Пилат, свои умоешь руки?
Ведь это кровь из сердца твоего!
декабрь 1866?

"Корабль в густом сыром тумане..."*
Корабль в густом сыром тумане
Как бы затерянный стоит...
Недавней бурей в океане
Компас изломанный молчит.
И цепи якорей порвались...
Течение ж всё несет, несет...
Бросают поминутно лот,
Уже на камни натыкались...
Друг друга – подле не видать.
Ужель, о боже, погибать!..
И в экипаже – ужас дикий...
А мгла густей и всё густей,
И глухо раздаются в ней
Пловцов взывания и клики...
Спаси их, господи, спаси!
Пошли ты им в сей час великий
Хоть луч единый с небеси.
<1870>

Стихотворения, написанные на французском языке
"Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage..."*
Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage,
Nous asseoir un instant sur le bord du chemin –
Et sentir sur nos fronts flotter le même ombrage*,
Et porter nos regards vers l'horizon lointain.
Mais le temps suit son cours et sa pente inflexible
A bientôt séparé ce qu'il avait uni, –
Et l'homme, sous le fouet d'un pouvoir invisible,
S'enfonce, triste et seul, dans l'espace infini.
Et maintenant, ami, de ces heures passées,
De cette vie à deux, que nous est-il resté?
Un regard, un accent, des débris de pensées. –
Hélas, ce qui n'est plus a-t-il jamais été?
4 апреля 1838

<См. перевод>*

"Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface!.."*
Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface! –
Présent, si peu de chose, et rien quand il est loin.
Sa présence, ce n'est qu'un point, –
Et son absence – tout l'espace.
1842

<См. перевод>*

Un rêve*
'«Quel don lui faire au déclin de l'année?
Le vent d'hiver a brûlé le gazon,
La fleur n'est plus et la feuille est fanée,
Rien de vivant dans la morte saison...»
Et consultant d'une main bien-aimée
De votre herbier maint doux et cher feuillet,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

Vous réveillez dans sa couche embaumée
Tout un Passé d'amour qui sommeillait...
Tout un Passé de jeunesse et de vie,
Tout un Passé qui ne peut s'oublier...
Et dont la cendre un moment recueillie
Reluit encore dans ce fidèle herbier...
Vous y cherchez quelque débris de tige –
Et tout à coup vous y trouvez deux fleurs...
Et dans ma main par un secret prodige
Vous les voyez reprendre leurs couleurs.
C'étaient deux fleurs: l'une et l'autre était belle,
D'un rouge vif, d'un éclat peu commun...
La rose brille et l'œillet étincelle,
Tous deux baignés de flamme et de parfum...
Et maintenant de ce mystère étrange
Vous voudriez reconnaître le sens...
Pourquoi faut-il vous l'expliquer, cher ange?..
Vous insistez. Eh bien soit, j'y consens.
Lorsqu'une fleur, ce frère et doux prestige.
Perd ses couleurs, languit et se flétrit,
Que du brasier on approche sa tige,
La pauvre fleur aussitôt refleurit...
Et c'est ainsi que toujours s'accomplissent
Au jour fatal et rêves et destins...
Quand dans nos cœurs les souvenirs pâlissent,
La Mort les fait refleurir dans ses mains...
7 октября 1847

<См. перевод>*

"Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiege..."*
Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiège,
Un fleuve, bloc de glace et que l'hiver ternit –
Et des filets de poussière de neige
Tourbillonnent sur des quais de granit...
La mer se ferme enfin... Le monde recule,
Le monde des vivants, orageux, tourmenté...
Et, bercé aux lueurs d'un vague crépuscule
Le pôle attire à lui sa fidèle cité...
6 ноября 1848

<См. перевод>*

Lamartine*
La lyre d'Apollon, cet oracle des dieux,
N'est plus entre ses mains que la harpe d'Eole,
Et sa pensée – un rêve ailé, mélodieux
Qui flotte dans les airs bercé par sa parole.
1849

<См. перевод>*

"Comme en aimant le cœur devient pusillanime..."*
Comme en aimant le cœur devient pusillanime,
Que de tristesse au fond et d'angoisse et d'effroi!
Je dis au temps qui fuit: arrête, arrête-toi,
Car le moment qui vient pourrait comme un abîm
S'ouvrir entre elle et moi.
C'est là l'affreux souci, la terreur implacable,
Qui pèse lourdement sur mon cœur oppressé.
J'ai trop vécu, trop de passé m'accable,
Que du moins son amour ne soit pas du passé.
Конец 1840-х – начало 1850-х годов

<См. перевод>*

"Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurées..."*
Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurées,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
L'éclat immaculé, le divin élément,
Étoiles, gloire à vous! Splendeurs toujours sacrées!
Gloire à vous qui durez incorruptiblement!
L'homme, race éphémère et qui vit sous la nue,
Qu'un seul et même instant voit naître et défleurir,
Passe, les yeux au ciel. – Il passe et vous salue!
C'est l'immortel salut de ceux qui vont mourir.
23 августа 1850

<См. перевод>*

"Des premiers ans de votre vie..."*
Des premiers ans de votre vie
Que j'aime à remonter le cours,
Écoutant d'une âme ravie
Ces récits, les mêmes toujours...
Que de fraîcheur et de mystère,
En remontant ces bords heureux!
Quelle douce et tendre lumière
Baignait ce ciel si vaporeux!
Combien la rive était fleurie,
Combien le flot était plus pur!
Que de suaves rêveries
Se reflétait dans son azur!..
Quand de votre enfance incomprise
Vous m'avez quelque temps parlé,
Je crois sentir dans une brise
Glisser comme un printemps voilé..
12 апреля 1851

<См. перевод>*

Из Микеланджело ("Oui, le sommeil m'est doux! Plus doux – de n'être pas!..")*
Oui, le sommeil m'est doux! plus doux – de n'être pas!
Dans ces temps de malheur et de honte suprême
Ne rien voir, rien sentir, c'est la volupté même!..
 Craignez de m'éveiller... de grâce, parlez bas..
1855

<См. перевод>*

Pour Madame la grande Duchesse Hélène*
Dans ce Palais, qui que l'on fasse,
Rien n'est invraisemblable et tout est de saison:
Ici, la Féerie est toujours à sa place,
Car c'est le train de la maison.
Не ранее 1855

<См. перевод>*

Pour Sа Majesté l'Imperatrice*
Prestige, Illusion, la Magie et la Fable,
Tout vient vous rendre hommage et tomber à vos pieds...
Et l'on sent, quelque part que vous apparaissiez,
Que la vérité seule est vraiment adorable..
Не ранее 1855

<См. перевод>*

"Il faut qu'une porte..."*
Il faut qu'une porte
Soit ouverte ou fermée –
Vous m'embêtez, ma bien-aimée,
Et que le diable vous emporte.
Ноябрь 1856

<См. перевод>*

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Е. Н. Анненковой ("D'une fille du Nord, chétive et languissante...")*

D'une fille du Nord, chétive et languissante,
Éclose à l'ombre des forêts,
Vous, en qui tout rayonne et tout rit et tout chante,
Vous voulez emprunter les traits?
Eh bien, pardonnez-moi mon doute involontaire,
Je crains que l'on ne dise, en voyant ce tableau:
«C'est l'oranger en fleur, tout baigné de lumière,
Qui veut simuler un bouleau».
Март 1858

<См. перевод>*

"De ces frimas, de ces deserts..."*
De ces frimas, de ces déserts
Là-bas, vers cette mer qui brille,
Allez-vous en, mes pauvres vers,
Allez-moi saluer ma fille.
5 марта 1860

<См. перевод>*

"La vieille Hecube, hélas, trop longtemps éprouvée..."*
La vieille Hécube, hélas, trop longtemps éprouvée,
Après tant de revers et de calamités,
Se réfugie enfin, reposée et lavée,
Sous l'abri protecteur de vos jeunes bontés.
23 февраля 1861

<См. перевод>*

"Lorsqu'un noble prince, en ces jours de demence..."*
Lorsqu'un noble prince, en ces jours de démence,
Decort de sa main le bourreau des chrétiens, –
Pourrait-on dire encore, ainsi qu'aux temps anciens:
«Honey soit qui mal y pence»?*
Середина июля 1867

<См. перевод>*

"Ah, quelle méprise..."*
Ah, quelle méprise –
Incroyable et profonde!
Ma fille rose, ma fille blonde
Qui veut se faire sœur grise.
Ноябрь – начало декабря 1870

<См. перевод>*

Переводы стихотворений, написанных на французском языке

"Устали мы в пути, и оба на мгновенье..."*
Устали мы в пути, и оба на мгновенье
Присели отдохнуть и ощутить смогли,
Как осенили нас одни и те же тени,
И тот же горизонт мы видели вдали.
Но времени поток бежит неумолимо.
Соединив на миг, нас разлучает он.
И скорбен человек, и силою незримой
Он в бесконечное пространство погружен.
И вот теперь, мой друг, томит меня тревога:
От тех минут вдвоем какой остался след?
Обрывок мысли, взгляд... Увы, совсем немного!
И было ли всё то, чего уж больше нет?
(Перевод М. Кудинова)
"Как зыбок человек! Имел он очертанья..."*
Как зыбок человек! Имел он очертанья –
Их не заметили. Ушел – забыли их.
Его присутствие – едва заметный штрих.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Его отсутствие – пространство мироздания.
(Перевод М. Кудинова)

Мечта*

«Что подарить в такое время года?
Холодный вихрь обрушился на луг –
И нет цветов. Безмолвствует природа.
Пришла зима. Всё вымерло вокруг».
И, взяв гербарий милой мне рукою,
Перебирая хрупкие цветы,
Вы извлекли из сонного покоя
Всё прошлое любви и красоты.
Вы разбудили то, что незабвенно,
Вы воскресили молодость и пыл
Минувших дней, чей пепел сокровенный
Гербарий этот бережно хранил.
На два цветка ваш выбор пал случайный,
И вот они, без влаги и земли,
В моей руке, подвластны силе тайной,
Былые краски снова обрели.
Цветы живут и шепчут: «Посмотри-ка,
Красивы мы, и ярок наш наряд...»
Сверкает роза, искрится гвоздика,
И вновь от них струится аромат.
Кто два цветка живой наполнил силой?
В чем тут секрет, – спросили вы меня.
Открыть его? Зачем же, ангел милый?
Вы просите? Ну что ж, согласен я.
Когда цветок, дар мимолетный, тленный,
Утратил краски, сник и занемог –
К огню его приблизьте, и мгновенно
Вновь расцветет зачахнувший цветок.
Такими же мечты и судьбы станут,
Когда часы последний час пробьют...
В душе у нас воспоминанья вянут,
Приходит смерть – и вновь они цветут.
(Перевод М. Кудинова)

"Тяжелый небосвод окутан ранней мглюю..."*
Тяжелый небосвод окутан ранней мглюю.
Упрятана река под ледяной покров,
И гонит зимний вихрь, не знающий покоя,
Пыль снежную вдоль смутных берегов.
Вот море наконец замерзло. Скрылся где-то
Тревожный мир живых, мир бурный, грозовой,
И полюс Северный при тусклых вспышках света
Баюкает любимый город свой.
(Перевод М. Кудинова)

Ламартин*

Божественной фебовой лиры струны
В руках его арфой Эола звучат.
А мысли – певучие, легкие сны,
Что в безднах, лелеемы словом, парят.
(Перевод М. Тюнькиной)
"Как робко любящее сердце! как с годами..."*
Как робко любящее сердце! как с годами
Оно всё более охвачено тоской!
И время я прошу: о, не беги, стой!
Ведь может каждый миг стать бездной между нами –
Между тобой и мной.
Неумолимый страх, гнетущая тревога
Легли на сердце мне и жгут его огнем.
Я слишком долго жил, дней прошлых слишком много, –
Так пусть твоя любовь не будет прошлым днем.
(Перевод М. Кудинова)

"Огни, блестящие во глуби светло-синей..."*
Огни, блестящие во глуби светло-синей,
О, непорочный блеск небесного венца!
О звезды! Слава вам! Божественной святыней
Зажглись вы над землей – и длитесь без конца.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

Так можно ли, как в старину, говорить:

«Стыдись, подумавший плохо об этом»?

□□□□□□(Перевод М. Кудинова)

"Ах, нелепый каприз какой..."*

Ах, нелепый каприз какой,

Непостижимо, нежданно –

Моя дочь, златовласа, румяна,

Пожелала стать серой сестрой.

(Перевод М. Тюнькиной)

Другие редакции и варианты

Варианты приводятся согласно порядку стихов в основном тексте произведения. Все варианты отличаются от основного текста, за исключением единичных случаев, когда приводятся целые редакции. Под нумерацией строк или строф указывается источник варианта. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта. Последовательность слоев правки обозначается около строк буквами: а) б) в). Звездочкой (*) при вариантах отмечается, что стихотворение было доработано в той же рукописи. Фамилии в скобках (Сушков, Майков, Аксаков и проч.) указывают, кому именно принадлежит данный вариант. Список условных сокращений см. на с. 366–367*.

1

56 автограф ЦГАЛИ

Умолк[нет] о тебе молва!*

7

2 автограф ЦГАЛИ

Достиг пловец [родимых] берегов, *

8

6 «Сев. цветы»

Вседержащею струей

11

Вещать сердцам оцепенелым

10

ТОЛРС

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,

Сажусь, задумчивый, в тени дерев густой,

□□□□□□□□И раскрываются пред мной

Разнообразные вечерние картины! –

Здесь пенится река, там дола красота,

И тщетно в мрачну даль за ней стремится око;

Там дремлет озеро, разлитое широко,

И мирно светит в нем вечерняя звезда!

Зари последний луч во сумраке блуждает

□□□□□□□□□□□□□□По темной зелени лугов,

Луна медлительно по небу востекает

□□□□□□□□□□□□□□На колеснице облаков!..

Всё тихо, всё мертво, лишь колокол священный

Протяжно раздался в окрестности немой;

Прохожий слушает, и звук его смиренный

С последним шумом дня сливает голос свой! –

□□□□□□□□□□□□□□Прелестный край! – Но восхищенью

□□□□□□□□□□□□□□В иссохшем сердце места нет!..

По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,

И мертвого согреть не может солнца свет...

□□□□□□□□С холма на холм влачится взор унылый

И гаснет медленно в ужасной пустоте. –

Увы! где встречу то, что б взор остановило?..

Весь мир передо мной, но счастье – нигде!

И вы, мои поля, и рощи, и долины,

Вы мертвы!.. Жизни дух от всех вас улетел!

И что вы все теперь, бездушные картины! –

Нет в мире одного – и мир весь опустел!

□□□□□□□□Встает ли день, ночные ль сходят тени,

□□□□□□□□И свет, и мрак равно противны мне, –

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

Моя судьба не знает изменений:
Вся вечность горести в душевной глубине!
И долго ль страннику томиться в заточенье?
Когда на лучший мир сменю я дольний прах,
Тот мир, где нет сирот, где вере – исполнение, –
Где солнце истины в нетленных небесах!..
Тогда, быть может, прояснится
Надежд спасительных таинственный предмет,
К чему душа и здесь еще стремится,
Но токмо там – в своей отчизне обоймет!

11

загл. ТОЛРС

ВЕСЕННЕЕ ПРИВЕТСТВИЕ СТИХОТВОРЦАМ

7

И радость в сердце пролилась
между 14 и 15

О вы, чей взор столь часто освящен
Благоговения слезами,
Природы храм отверст, певцы, пред вами!
Вам ключ к нему поэзией вручен!
В парении своем высоком
Не изменяйтесь никогда!
И вечная природы красота
Не будет вам ни тайной, ни упреком!..

15-16

Как полным, пламенным расцветом,
Омытые Авроры светом

18

Как зэфир – радостным полетом

22

Так порхай ваша, други, младость

24-30

отсутствуют

12

9-13 сл

Счастливы древние народы!
Их мир был храмом всех богов,
И книгу матери-природы
Они читали без очков...
Счастливы древние народы.

16

между 14 и 15 Тютч. сб.

Хоть лень с Амуром часто в споре,
Но их нетрудно примирить.

20-21

Красавицу в семнадцать лет
С умом, с душою и душами.

28

Моей пожертвую я ленью.

19

5-6 С-5 и след. изд.

Люблю смотреть, когда созданье
Как бы погружено в весне,

10

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Весенний воздух пламенит,
20
Сл, автограф ЦГАЛИ (кроме 8)

На севере мрачном, на дикой скале,
□□□□□□Кедр одинокий, подъемлясь, белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
□□□□□□И сон его буря лелеет.
Про юную пальму снится ему,
□□□□□□Что в краю отдаленном Востока
Под мирной лазурью, на светлом холму
□□□□□□Стоит и цветет одинока.
8 автограф ЦГАЛИ

□□□□□□Стоит и растет одинока.
21
8 С-5

Не создаст никак поэт.
10-11

Конь крылат и змей зубаст –
Вот мечты, его кумиры;
16

Не создаст никак поэт.
22
17 2-й автограф ЦГАЛИ, Г

Сновиденьем пролетели
25
37 список ЦГАЛИ

Кровавая битвы подымет волна!..
27
7 С-5

Его уж нету в вашем круге,
29
7-8 автограф ЦГАЛИ

И память [ваша для] потомства*
[Земле, живая, предана.]*
30
3-4 2-й автограф ЦГАЛИ

Как шорох стаи журавлиной, –
И в шуме листьев замер он.
31
5 «Атеней»

Но Муза юного взяла
7

Поэзия разостлала
10

Его согрели годы
21

Стрелу ему на память дал
33
3 Г

В груди тоска, в уме сомненья,
19

И звезды светят холодно и ясно

36

строфа 1 Г

Люблю грозу в начале мая:
Как весело весенний гром
Из края до другого края
Грохочет в небе голубом!
строфа 2

отсутствует

строфа 3

С горы бежит ручей проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И говор птиц, и ключ нагорный –
Всё вторит весело громам!

37

вм. 9-16 С-5 и след. изд.

Давно ль умолк перун его побед,
И гул от них стоит доселе в мире...
И ум людей великой тенью полн,
А тень его, одна, на бреге диком,
Чужда всему, внимает шуму волн
И тешится морских пернатых криком.

40

1 МА, С-3 и след. изд.

Есть некий час всемирного молчанья

41

Г

обратный порядок стрóf 1–2

строфа 1 Г

«Алла, пролей на нас твой свет!
Краса и сила православных,
Бог истинный, тебе нет равных,
□□□□□Пророк твой Могамед!..»
11-12

И над вратами Истамбула
□□□□□Зажгла Олегов щит!..
11-12 СТ (Сушков)

И вспыхнул на вратах Стамбула
□□□□□Олегов древний щит!
12 МА

Олегов древний щит!

42

11 Соч. 1886 (Майков?)

И мы в борьбе с природой целой

44

4 Г

С своими черными тенями.
между 4 и 5

Едва в трепещущих листьях
Перебирается прохлада,
Звонок пасущегося стада
Почти замолк на высотах.
10 2-й автограф ЦГАЛИ

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Наш мир, как бы лишенный сил,
12 Г

Во мгле полдневной опочил, –
14 Некрасов, А Б, СТ, МА, С-3 и след. изд.

Над усыпленную землей
45
3 2-й автограф ЦГАЛИ

И в тверди пламенной и чистой
8 Некрасов; АБ, СТ, МА, С-3 и след. изд.

В пещере нимф спокойно дремлет.
47
3 С-3

Та ж тихость взора, нежность гласа
4 2-й автограф ЦГАЛИ

Та ж прелесть утреннего часа,
49
14 2-й автограф ЦГАЛИ

Он улетел с твоих младых ланит
50
2-й автограф ЦГАЛИ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.
Весенней негой утомлен,
Вдался я в сладкое забвенье:
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье.
Безмолвно в сумраке ночном
Ходило лунное сиянье,
И ночи зыбкое молчанье
Едва струилось ветерком.
Украдкой в мое окно
Глядело бледное светило –
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.
И между тем какой-то гений
Из области цветущей дня
Стезю тайной сновидений
В страну теней увел меня.
8 СТ, С-3 и след. изд.

Строй звучный, шумный и невнятный
9 автограф ЦГАЛИ

Украдкой в сумраке ночном
17-18

Сомнительно в мое окно
Смотрело бледное светило –
22-23

Из пышного, златого дня
Тропою тайной сновидений
24 С-3 и след. изд.

Увлек незримо в царство теней.
52
10 2-й автограф ЦГАЛИ

Припав к растреснувшей земле,
54
1-2 2-й автограф ЦГАЛИ

[Богам угоден] бедный странник,*
Над ним его святой покров!
9

Чрез грады, веси и поля,
11

Ему открыта вся земля,
55
5 2-й автограф ЦГАЛИ

А уж давно, звучнее и живей,
56
6 автограф ЦГАЛИ

Недержно вас уводят Горы
6 список собр. Пигарева

Неудержимо вас уводят Оры
58
1 2-й автограф ЦГАЛИ

а) [Тень богатырская стоит]
б) [Порою богатырский дух]
1 Г

На старой башне, у реки,
2 2-й автограф ЦГАЛИ

а) [Стоит на башне, там –]
б) Тень рыцаря стоит
2 Г

Дух рыцаря стоит
3-4 2-й автограф ЦГАЛИ

И шлет свои приветы вслух
Плывущим челнокам:
3-5 Г

И, лишь завидит челноки,
Приветом их дарит:
«Кипела кровь и в сей груди,
10

Другую проволоку
59
24 Г

Ее ты рыцарям отдай, –
38

Тот дом сам бог благословил,
60
1 2-й автограф ЦГАЛИ

Запад, Юг и Норд в крушенье,
5

В песнях, играх, пируванье
12

Редко голову ломавших.*

22

Перлом, мускусом торгуя –
32

Верный Гафица ученью:
40

Легким сонмом, жадным света,
42

а) [О бессмертье умоляя!..]
б) [Дар бессмертный вымоляя!..]
61
2 2-й автограф ЦГАЛИ

По гроб он верен был:
63
вм. 5–8 автограф ЦГАЛИ

Так! что вам до меня?
Что вам моя беда?
Случится ли когда,
Что, всеми брошен я,
Один не буду я?
12–13

Вокруг меня тоска,
Вокруг меня печаль!
64
1 1-й автограф ЦГАЛИ

Любовники, поэты и безумцы
3

Тот более, чем в аде есть чертей,
10–11 1-й и 2-й автографы ЦГАЛИ

а) [И лишь существ неведомых явленья
Воображенье вызовет – поэт
б) [Лишь вызовет в воображенье виды
Существ неведомых, поэта перст
12 1-й автограф ЦГАЛИ

Их претворяет в лица и дарит
13 2-й автограф ЦГАЛИ

Теням воздушным имя и жилище!
65
8 автограф ЦГАЛИ

Скорый саван обещал.
12

[Выпускают] мертвецов!..*
66
112 автограф ЦГАЛИ

Швейцария! [Здесь] мир, как за оградой:*
67
6 автограф ЦГАЛИ

[Сии живые, гордые созданья]*
7

а) [Столь рьяные в служении его]
б) [На глас его столь рьяные всегда]*
8

Днесь, с головой поникшей, мрачны[м взором]*
33

Глубокой язвой [чудо] поразил.*
68
27 автограф ЦГАЛИ

Минутно их носивший вал
47-48

Железный мир, и движимый
Воззрением одним!
50-51

а)□□□В нем сердце б истомилось
□□□□□□И дух бы пал – но сильная *
б)□□□Душа в нем истомилась
□□□□□□И он бы пал – но сильная *
52

К нему рука склонилась*
69
4 автограф ЦГАЛИ

Мое [в тиши] молящееся сердце*
19

Всю ночь насквозь томились [безотвя<зно>]*
36

Побед [но, смело, радостно,] светло,*
41

В глухую [пору], одиноко, сирот*
44

Одни лишь совы, призраки, [гра<беж>]*
52

[Почтит иль нет венком лавровым Муза]*
54-55

Поэзия моей душе была
Ребячески-божественной игрушкой*
58

Я воин был! Я [воин] был свободы!*
70
12 2-автограф ЦГАЛИ

Я просиял бы – и угас!
71
9 д

Блажен, кто посетил сей мир
72
2 т

А воды с гор уже шумят;
6

Весна пришла, весна идет,
73
2 «Молва»

И мысли и мечты свои!
4 СТ (Сушков), С-3 и след. изд.

И всходят и зайдут оне,
4-5 «Молва»

Встают и кроются оне
Как звезды мирные в ночи, –
5 С-3 (Сушков?) и след. изд.

Как звезды ясные в ночи:
13 «Молва», С-3 и след. изд.

Лишь жить в самом себе умей –
16 С. 1836, СТ, С-3 и след. изд.

Их заглушит наружный шум,
16-17 «Молва»

Их оглушит житейский шум,
Разгонят дневные лучи, –
17 СТ (Сушков), С-3 и след. изд.

Дневные ослепят лучи:
74

1 список ЦГАЛИ

И буря, и море качали наш челн,
3 СТ, С-3 и след. изд.

И две беспредельности были во мне –
5

Кругом, как кимвалы, звучали скалы.
6 СТ

И ветры свистали и пели валы.
6 список ЦГАЛИ С-3 и след. изд.

И ветры свистели и пели валы
7-8 С Т, С-3 и след. изд.

Я в хаосе звуков летал, оглушен;
Над хаосом звуков носился мой сон.
12-14 список ЦГАЛИ

Земля зеленела, светлила эфир.
Сады, лабиринты, чертоги, столпы,
Роились, кипели безмолвны толпы.
14 С-3 и след. изд.

И чудился шорох несметной толпы.
17-18 список ЦГАЛИ

По высям творенья, как бог, я летал,
И мир подо мною безмолвный сиял.
17-18 Г

По высям творенья, как дух, я летал,
И мир надо мною, безмолвный, сиял.
17 С-3 и след. изд.

По высям творенья я гордо шагал,
18-19 СТ, С-3 и след. изд.

И мир подо мною недвижно сиял..
Сквозь грезы, как дикий волшебника вой,
22 список ЦГАЛИ

Вторгалася пена ревущих валов.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
22 Соч. 1886

Врывались тени ревущих валов.
75
2 автограф ЦГАЛИ

С седой, волнистой гривой,
10-12

В твоей надменной силе,
Седую гриву растрепав
И весь в пару и в мыле
77
26 автограф ЦГАЛИ

Лишь ими и чрез них – [ничтожно всё иное]*
27

[Они как таинство живое...]*
30

[Сей вяжет и решит – тот рассекает.]*
44

Гигант, превысивший [весь мир своей] головой.*
50-52

Что в мире некогда его владыкой слыли –
Наполни грохотом всю землю и возвысь
До облак власть твою – всё выше – высь на высь –*
53

а) □□□ [Хотя б до вечных звезд твоя коснулась слава,]*
б) □□□ [пускай до вечных звезд твоя коснулась слава,]*
в) □□□ [пускай под облака твоя взнесется слава,]*
55

а) □□□ что нужды? Власть мила [и я ее ищу]*
б) □□□ что нужды? Власть мила – [я царствовать хочу!]*
в) □□□ что нужды? Власть мила – она передо мной!*
56

а) □□□ [мне сердце говорит: получишь – получу] *
б) □□□ Мне тайный глас сулит: тебе венец – он мой.*
57

Он будет мой...*
78
2 2-й автограф ЦГАЛИ

Кругом меня всё было так уныло.
4

Всё на душу тоску лишь наводило.
13-14

а) [Так вам единым удалось
□□□□□□дойти до нас с берегов другого света:]
б) И вам одним спастись удалось,
□□□□□□пришельцы вы с берегов другого света!
17

Но о былом создание молчит *
79
3 2-й автограф ЦГАЛИ

И сосен придорожных тени
80

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
7–8 автограф ЦГАЛИ

И как предвестье близящихся бурь
Порывистый и ясный ветер порою,
12 Некрасов, А Б, СТ, МА, С-3 и след. изд.

Возвышенной стыдливостью страданья.
82

7 2-й автограф ЦГАЛИ

Грозно дремлют великаны,
85
12 автограф ЦГАЛИ

С глубокой [таинственной] тьмой.*
14–16

И бьет о каменный свой брег,
И хлябь морей с ее скалами
Земли уносит вечный бег!.*
20

И [жизни] цепь, [беснуясь,] вьют.*
86
5–6 автограф ЦГАЛИ

Как! ты молил меня, как иступленный,
Да узришь лик, услышишь голос мой!
7

а) □□□ [меня достиг и тронул голос твой.]
б) □□□ [Склонил меня клич [неотступный] твой].*
8–9

Явился я! Какой же страх презренный
Вдруг обуял, гигант, твоей душой?.*
11–13

Мир новый создала, взлелеяла, взрастила,
[<нрзб.> с отвагой неземной,
С упорным, гордым напряженьем]*
22–23

[Я] – Фауст! Дух, как ты! твой равный я!..
«Событий бурю, житейский вал,*
33

а) □□□ [и готовится богу] одежда живая!..
б) □□□ [и богу прядется] одежда живая.
в) □□□ [и божья готовится] риза живая.*
87
4 автограф ЦГАЛИ

Где души кротче и нежней*
13

Сходило на меня в воскресной тишине,*
88
3 С-5 и след. изд.

Смотри, как хижины кругом
18

И вдруг крыла таинственная мочь
21–23

Передо мною день, за мною ночь,
У ног равнина вод, и небо над главою!

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Прекрасный сон!.. и суетный!.. прости!..
29

И оживает в них порою,
89
11 автограф ЦГАЛИ

В дуброве ль темной, на водах, в эфире –*
20-21

Чудесный мир разоблачаешь [ты]!*
[Взойдет ли предо мною чистый] месяц,*
22

а) [Всеуслаждая]*
б) В сиянье кротком и ко мне [с] летят*
94
4 Некрасов, А Б, СТ, МА, С-3 и след. изд.

То глухо-жалобный, то шумный!
7 АБ, СТ, МА, С-3 и след. изд.

И ноешь, и взрываешь в нем
14 СТ (Сушков), МА, С-3 и след. изд.

И с беспредельным жаждет слиться..
95
3 С. 1836 и след. изд.

Ни замыслам години буйной сей,
96
15 автограф ЦГАЛИ

Не [раб]ство янычар ручное*
98
4 автограф ЦГАЛИ

Или низвергнут мыслящей рукой?
99
2 С-3 и след. изд.

В тени, в тиши забытого угла;
12 СТ (Сушков), МА, С-3 и след. изд.

Их легких ног скользит незримый шаг?
101
4 М

Под ними море трепетало.
5 2-й автограф ЦГАЛИ

Восток горел – она молилась,
6 3-й автограф ЦГАЛИ, С. 1836 и след. изд.

С кудрей откинув покрывало,
8 С. 1836

Во взоре небо ликовало..
9 2-й автограф ЦГАЛИ

Вдруг вспыхнул день – она склонилась..
103
7 С-3 и след. изд.

Ученый пастырь сановитый
104
4 С. 1836 и след. изд.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Звонче голос стрекозы.
5 Некрасов, А Б, СТ, МА, С-3 и след. изд.

чу! за белой душной тучей
6 СТ (Сушков), МА, С-3 и след.

Прокатился глухо гром;
9 С. 1836 и след. изд.

Жизни некий преизбыток
105
8 2-й автограф ЦГАЛИ

В саду фонтан, смеясь, говорит...
15

Рой бестелесный, слышный, но незримый,
106
1 С. 1836 и след. изд.

Как птичка, раннею зарей
11 Некрасов, АБ, СТ, МА, С-3 и след. изд.

Сей шум, движенье, говор, клики
15 С-3 (Сушков?) и след. изд.

Ночь, ночь! о, где твои покровы,
108
5 С-3 и след. изд.

Там-то, молвят, в стары годы,
6 автограф ЦГАЛИ

По лазоревым ночам,
25 СТ (Сушков)

Чуть дремлю забывался,
25 МА, С-3 и след. изд.

Чуть дремотой забывался,
32 автограф ЦГАЛИ

Нынче ходят по тебе.
109
5-6 автограф ЦГАЛИ

Лишь мотыль снует незримый
Слепо в воздухе ночном...*
110
11 автограф ЦГАЛИ

На небе [светл]ом и высоком*
112
1 автограф ЦГАЛИ

[Вот] коршун [с поля] поднялся,*
115
20 автограф ЦГАЛИ

[Суму возьми] да бей челом.*
44-46

[Быть домовитою] пчелой!
[Зачем, увы! я из] объятий
[Извержен был семьей людской]*
120
3 С-3 и след. изд.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Вешний знак блестит в равнине, –
5

А который век белеет
121
31 Некрасов, АБ, СТ, МА, С-3 и след. изд.

Увы, души в нем не встревожит
122
6 автограф ЦГАЛИ

Руина с крутизны глядит,
9-10

Стопой младенческой касаясь
Громады камней вековой,
13-24

отсутствуют

12 Некрасов, АБ, СТ, МА, С-3 и след.

С холмом, и с замком, и с тобой.
13 список Гагарина (ЦГАЛИ), С. 1836 и след. изд. до Ст. 1854

И тихий вечер мимолетом
126
2 автограф ЦГАЛИ

С последним меся [чным] лучом*
6

и тень [надвинулась] темней,*
9

Но сквозь воздушны[х] завес окон*
18

По [тихо] – брезжущим коврам,*
26

Коснувшись девственных грудей,
28

Раскрыло шелк твоих очей!
128
4 С. 1838

Что, жизнь твою убив, ее испепелило
4 С-3 и след. изд.

что, жизнь убив, ее испепелило
9

Где вечный блеск и ранний цвет,
129
5 СТ (Сушков), МА, С-3 и след. изд.

И вот тому уж века два иль боле,
11 СТ, МА, С-3 и след. изд.

Провеяло над нею полусонной,
13

По-прежнему фонтан в углу лепечет,
130
3 С. 1838 и след. изд.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
И как эдем ты растворенный
7 СТ (Сушков), МА, С-3 и след. изд.

Я там заслушивался пенья
15 С. 1838

По их лазуревой равнине
16 Некрасов, АБ, СТ, МА, С-3 и след. изд.

Родные призраки скользят.
24

Один господствует вполне.
131
1 Ст. 1868

Смотри, как запад загорелся
132
14 Некрасов, АБ, СТ, МА, С-3 и след. изд.

В условный час слетает к нам,
39 С-3 и след. изд.

И жизни божески-всемирной
134
3 Соч. 1900

Бессмысленно-немой, немой, как опаленный
9

И на руку к нему глава твоя склонялась,
135
12 Ст. 1868

Собрав, отбрасывает прочь.
136
14 С-3

Поэта – суетный народ:
137
3 список ЦГАОР

О, не тревожь души поэта,
16 РБ

Вся прелесть женщины мелькнет,
22-23 (Аксаков?)

Как он восторгом умилен!
Пускай служить он не умеет, –
138
3-4 автограф Нац. музея в Праге

И простерть друг к другу руки,
К нашим кровным и друзьям.
3-4 «Рус. беседа»

Не увидят ли хоть внуки
То, что снилось отцам?
17 автограф ЦГАЛИ

Иноходец, иноземец
17-20 РБ

отсутствуют

21-22 автограф ЦГАЛИ, БС

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Вот средь этой ночи темной,
Там, на пражских высотах,
30 автограф Нац. музея в Праге, «Рус. беседа», РБ, БС

День чудесный облистал
32 «Рус. беседа», РБ

От Карпатов по Урал.
32 автограф ЦГАЛИ

От Мол да вы за Урал.
37 «Рус. беседа», РБ, БС

И родного слова звуки
38 автограф ЦГАЛИ

Уж не чужды стали нам.
после 40

Так взывал я, так гласил я.
Тридцать лет с тех пор ушло –
Всё упорнее усилия,
Всё назойливее зло.
Ты, стоящий днесь пред богом,
Правды муж, святая тень,
Будь вся жизнь твоя залогом,
Что придет желанный день.
За твое же постоянство
В нескончаемой борьбе
Первый праздник Всеславянства
Приношеньем будь тебе!..
после 40 2-й автограф ЦГАЛИ

Так взывал я, так просил я –
Тридцать лет с тех пор ушло –
Всё упорнее усилия,
Всё безвыходнее зло.
Ты, стоящий днесь пред богом,
[Ганка – праведная тень,]
Будь [же ты для нас] залогом,
Что [и наш наступит] день.
[А теперь за] постоянство
В нескончаемой борьбе
Первый праздник Всеславянства
Приношеньем будь тебе!..
141
12 Соч. 1900

Роскошной Генуи залив.
142
1 автограф ЦГАЛИ

Мироздания неконченное дело!
5 С-3 и след. изд.

Ты завесу расторг всеильною рукой,
9 автограф ЦГАЛИ

Так связан и сроднен от века
12

С живою силой естества..
143
2 СТ, С-3 и след. изд.

Плещет, свищет и ревет,
24-26 автограф ЦГАЛИ

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Бурный натиск [сокрушив],*
Вал [расшибся, отраженный],*
И струится мутной пеной
29-30 РИ

Потерпи лишь час-другой;
Не всегда ж волне гремучей
33-34

Присмирееет вновь волна,
И без пены и без вою
36

Вновь уляжется она
147
7 К

И жизнь твоя пройдет незримо,
12 Ст. 1868

В холодной, беспредельной мгле..
148
2 СТ, МА, С-3 и след. изд.

Как тень внизу скользит неуловимо!
149
11 Соч. 1900

Пламень беглый и летучий
13 автограф ЦГАЛИ

Гуще капли дождевые –
20 К

Вся смущенная земля.
150
2 С-3 (Тургенев?) и след. изд.

Места печальные, хоть и родные,
8 автограф ЦГАЛИ

Давно минувшего, бывшего счастья!..
10

Гляжу я на тебя, мой гость минутный!
18 СТ, С-3 и след. изд.

То, чем я жил и чем я дорожил.
151
4 автограф собр. Пигарева

[Жатвы] дремлющие зреют...*
5 М

Усыпительно, безмолвно
152
1 М

Когда в кругу убийственных работ
5-6 автограф ЦГАЛИ

Минувшим нас обвеет и обымет
и страшный груз минутно приподымет
10

Вдруг ветер повеет теплый и сырой,
10 М

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Вдруг ветер подует теплый и сухой,
12

И душу вам обдаст как бы весною.
153
6 М

В осень глухую, noctную порой.
155
1 М, СТ, МА, С-3 и след. изд.

На равнине вод лазурной
7 автограф ЦГАЛИ

И [дождем соленой] пыли*
17

Сны [летают] на просторе*
156
2 автограф собр. Пигарева

Кричит он бодро, живо, смело.
15

О Русь, к тебе взывает он.
157
4 СТ, МА, С-3 и след. изд.

Вдруг развеял сонный хлад.
6 автограф ЦГАЛИ

Край родной, волшебный край
9-16

отсутствуют
17

Стройных лавров колыханье
19

Моря влажное дыханье
21 МА, С-3 и след. изд.

Целый день там солнце греет
159
2 автограф ЦГАЛИ, М, С-3 и след. изд.

Среди клокочущих зыбей –
4

Она [сама] слетает к нам – *
160
6 СТ, МА, С-3 и след. изд.

Лишь курились ароматы
15

И безумными толпами –
17

В черном, выпренном пределе
19

Отвечая смертных взглядам
161
7 автограф ЦГАЛИ

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Как будто лунный [свет] и град почивший – *

162

2 автограф ЦГАЛИ

Отважно в бой вступил – и не успел в борьбе;

4 М

Бой невозможный, бой напрасный!

5 автограф ЦГАЛИ

Ты всю ее, как яд, носил в самом себе...

163

2 1-й автограф ЦГАЛИ

Две силы дивно в нем срослись:

3-4 2-й автограф ЦГАЛИ

В главе его – орлы парили,

В груди его – змии вились.

7 1-й автограф ЦГАЛИ

Но в самом буйстве дерзновений

11 2-й автограф ЦГАЛИ, СТ (Сушков), МА, С-3 и след. изд.

Его души не озарила

164

1-3 автограф ГБЛ

Он сам на рубеже России,

Проникнут весь предчувствием борьбы,

Слова промолвил роковые:

6 С-3 и след. изд.

Судьба откликнулась на голос твой!

7 автограф ГБЛ

И сам же ты, потом, в своем изгнание

7 автографы ЦГАЛИ

Но новою задачею, в изгнание,

8 автограф ГБЛ

Ты пояснил ответ их роковой...

14 СТ, МА, С-3 и след. изд.

Порою встав, ты смотришь на Восток,

14 1-й автограф ЦГАЛИ.

Выходит он и смотрит на Восток,

15

И вдруг, смутясь, бежишь, как бы почуя

165

16-17 автограф ЦГАЛИ

Широко ложилась в мире,

Всё могучее и шире –

166

3-4 автограф АБ, С-3 и след. изд.

Как золотой ковер она свила,

Ковер, накиннутый над бездной.

8

Лицом к лицу пред этой бездной темной.

9-12

отсутствуют

14

Теперь ему всё светлое, живое, –

167

5 автограф ЦГАЛИ

[Три года – не удержат нас!]*

168

1 автограф ЦГАЛИ

[Вот] третий год беснуются языки,*

5 автограф ЦГАЛИ, СТ, МА, С-3 и след. изд.

В раздумье грустном князи и владыки,

169

3 автограф ЦГАЛИ

Своей [боязнью] маловерной*

5-6

иль все [надежды], упованья,

[Свой ум и душу ис]требя,*

171

4 СТ, МА, С-3 и след. изд.

Бредет по жаркой мостовой.

16 МА, С-3 и след. изд.

Главы его не освежит.

172

14-15 С-3 и след. изд.

Пышноструйная волна,

Приюти в твоём просторе

173

3 автограф ЦГАЛИ

Дневную боль проспи в ночи

4 С-3 и след. изд.

А завтра быть тому, что будет.

6 М

Несчастья, радость и тревогу.

175

2 автограф ЦГАЛИ

Вздувшись по [чер] нели воды*

4

и [на] глянec их суровый*

6

Светит [трепетным] лучом.*

10 автограф ЦГАЛИ

Над стихиею лазурной

176

5 МА, С-3 и след. изд.

Еще на ветке шелестит.

9

отсутствует

178

22 автограф ЦГАЛИ

Он для меня их уловил
27 С-3 и след, изд.

И в замке феи-невидимки
после 32 автограф ЦГАЛИ

И страстно песнь ее звучала,
Пленяя души и сердца, –
Она Бетховена играла,
И... доиграла до конца.
179
5 автограф ЦГАЛИ

[Ликовали, восседая]*
8

[В честь правителей-богов]*
13 СТ (Сушков), МА, С-3 и след. изд.

И сидела, в длинном строе,
25 автограф ЦГАЛИ

И предстал перед святыней
27

Градоожидущей Афине,
38

Агамемнон, царь царей,
40

Уцелевшие от преи.
41-42

а) [И великою тоскою
дух владыки был объят:]
б) [И поник он головою,
Грустной думой одержим:]
44

а) [Мало их идет назад]
б) [Мало их вернется с ним.]
45

Пойте ж громче гимн хвалебный!
50-51

Мирно-радостный возврат –
У домашнего [чер<тога>]*
58

Где хранят святой устав!
58 Р. 1852

Где семейный тверд устав!
61 автограф ЦГАЛИ

И супругой возвращенной
63

Красотой ее священной
66 С-3 и след. изд.

За несчастьем казнь следит.
67 автограф ЦГАЛИ

В небе божий суд не дремлет,

77

Неподвластно вышней силе
82

[Произвольною] рукой,*
94

Пал ты – от руки своей.
120

Память падшего святее.
121-122

Брашник бодрый и маститый,
Старец Нестор днесь встает
151

Дым, пар дымный всё земное,
180
4 М (Вяземский), С-3 и след. изд.

За льдиной льдина вслед плывет.
182
5-16 автограф ГБЛ

Есть два другие близнеца –
Две тоже демонские власти –
И нет неодолимей власти,
Им покоряющей сердца...
Одолевают нас они
Своей неразрешимой тайной –
Союз их кровный – неслучайный,
Даны им роковые дни...
И кто ж – когда бунтует кровь
В поре всесильных увлечений,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь!
183
11-12 СТ (Сушков), МА, С-3 и след. изд.

Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.
13

И в эти чудные мгновенья
184
2 СТ (Сушков), МА, С-3 и след. изд.

Как прежде, мною дорожит...
185
7 С-3 и след. изд.

И самого себя, краснея, сознаю
186
7 СТ, МА, С-3, СТ. 1854

И ты невольно постыдилась
9 СТ (Сушков), МА, С-3 и след. изд.

Ах, если бы живые крылья
12

Бессмертной пошлости людской.
187
2 СТ (Сушков), МА, С-3 и след. изд.

Как в буйной слепоте страстей

12

Горючей влагою своей.
15

Ее волшебный взор и речи,
16 МА, С-3 и след. изд.

И смех младенчески живой?
17 СТ, МА, С-3 и след. изд.

И что ж теперь? и где всё это
38 СТ (Сушков), МА, С-3 и след. изд.

Как в буйной слепоте страстей
189
16 автограф ЦГАЛИ

Не встретишь желтого листа.
191
9 М, СТ, МА, С-3 и след. изд.

Не скажет век, с молитвой и слезой,
1 °С-3 и след. изд.

Как ни скорбит пред замкнутою дверью:
193
5 С-3 и след. изд.

От зарниц всё трепетало...
6 Р. 1852

Неба сонные ресницы
7 автограф ЦГАЛИ

[Разверзались порою]*
7 Р. 1852 (Сушков?)

Раскрывались порою
10

[Загорались над землею...]*
195
3-4 Р. 1852

И целый год, в зеленых листьях скрыт,
Цветет лимон и апельсин горит?..
5 Р. 1852, С-3 и след. изд.

Ты знаешь край?.. туда, туда с тобой
8

Лошак бредет в тумане, по скалам,
11-12 С-3 и след. изд.

Ты знаешь путь?.. туда и нам с тобой
След проложен: уйдем, властитель мой!
12 Р. 1852

Нам путь лежит – уйдем, властитель мой!
17 С-3 и след. изд.

Ты знаешь дом?.. туда, туда с тобой
197
3 автограф ЦГАЛИ

Гроза нахлынувшею тучей
11

Тревожно [свищут] их вершины*
198
5 МА, С-3 и след. изд.

И нет для бедной птички проку
11

Взлелеяла и возростила,
16 СТ, МА, С-3 и след. изд.

Настанет день – день непреложный:
18 автограф ЦГАЛИ, МА, С-3 и след. изд.

Погибнет под ногой твоей.*
199
7 С-3 и след. изд.

И весь он очнулся от райского сна.
200
1 автограф ЦГАЛИ, СТ, *МА

О, волна моя морская,*
4

Чудной силы ты полна!*
13 автограф ЦГАЛИ, СТ* МА, С-3 и след. изд.

Будь верна стихии бурной,*
14 автограф ЦГАЛИ, СТ,* МА

Будь угрюма иль светла,*
203
3 автограф ЦГАЛИ

И под снежной [пеленою],*
5

Чудной [роскошью] блеснит*
15

Бессознательной красой.
204
6 Ст. 1886 (Бартенев?)

Лишь там, на западе, брезжит сиянье.
12 Соч. 1886 (Майков?)

Блаженство ты и безнадежность.
205
33 автограф ЦГАЛИ

А так победно шли полки,
207
1-4 автограф ГБЛ

О, это лето, это лето!
Мне подозрительно оно –
Не колдовство ли просто это?
И нам за что подарено?
5

Гляжу тревожными очами
209
4 корр. л. Р. 1855 (ЦГИАЛ)

Настало время роковое.
7 автограф ЦГАДА, корр. л. Р. 1855

Не целый мир – а целый ад
11 корр. л. Р. 1855

Со дна восстали царства тьмы
12 автограф ЦГАДА, корр. л. Р. 1855

Во имя Правды и Свободы.
14-16 автограф ЦГАЛИ

Тебе куют поработенье, –
Ты, слово будущих времен,
Глагол их, жизнь и просвещенье.
13-20

отсутствуют в автографе ЦГАДА
17-20 корр. л. Р. 1855

О, будь же в роковой борьбе
Победы нашей ты залогом,
Будь верно самому себе, –
И оправданием пред богом.
210
1 Ст. 1854

Стоим мы слепы пред судьбою:
4 автограф ГБЛ

А бред пророческий духов.
8

В громах родился Новый год.
12

Принес он людям на земле.
12 Ст. 1868 (Аксаков?)

Несет он людям на земле.
14 РА. 1867

Но исполнитель тяжких кар,
16 автограф ГБЛ

Давно задуманный удар.
18

С собой принес он два меча:
20-21 Ст. 1868 (Аксаков?)

Другой – секира палача.
Но на кого?.. Одна ли выя,
211
2-4 список Сушковой (ЦГАЛИ)

Бесстыдству также есть предел.
Как! – пред его священной тенью
и он, и он предстать посмел?
3 автограф ЦГАЛИ

Клянусь его священной тенью,
5-6 автограф ЦГАЛИ, список Сушковой

Ужель не грянет отовсюду
Один всеобщий вопль тоски:
11

Будь заклеямен своим названьем:
12 автограф ЦГАЛИ

Апостол их – Искарот...

212

14 ПССоч. 1912 (Быков)

Страстный говор твой ловлю...

213

5 список Бирилевой (собр. Пигарева), Ст. 1868

Не поймет и не оценит

12 список Бирилевой (собр. Пигарева)

Обошел, благословляя.

214

2 список Бирилевой (собр. Пигарева)

Нить железная бежит,

4

Эта нить порой вестит.

215

3-8 список (собр. Оксмана)

Отраден будь тебе возврат
В места, душе твоей родные.

Отраден будь душе твоей
И дней минувших добрый гений,
И горсть еще живых друзей,
И столько милых привидений.

216

5 Ст. 1868 (Аксаков?)

Так, ты жилище двух миров,

6

Твой день болезнен [о-тревожный]*

217

«НОЧЬ» М. ANGELO

1-й автограф ЦГАЛИ

Мне любо спать – отрадней камнем быть.

В сей век стыда и язвы повсеместной
Не чувствовать, не видеть – жребий лестный,
Мой сон глубок – не смей меня будить...

2-й автограф ЦГАЛИ

Отраднo спать – отрадней камнем быть.

О, в этот век – преступный и постыдный, –
Не жить, не чувствовать – удел завидный...

Прошу: молчи – не смей меня будить.

223

4-5 2-й автограф ГПБ

Твоя мне дружба усладит.

Дарами лучшими своими

9-12

отсутствуют

225

5-8 автограф Гос. музея Л. Н. Толстого

Смрад, безобразье, нищета –

Тут человечество немеет –

Кто ж это всё прикрыть сумеет?..

Ты, риза чистая Христа!

9-12

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
отсутствуют

11 автограф (собр. Пигарева)

Кто их излечит, [нас] прикроет? –*

226

3 2-й автограф ЦГАЛИ, РБ. 1858

Прозрачный воздух, день хрустальный,

227

4 РБ. 1858

От каждой ветви и листа.

9

Над нами ходят их вершины,

12

К нам долетает с вышины...

229

11 автограф ЦГАЛИ

И брызнет искрометной

14

С лазоревых высот

231

автограф ГБЛ, Ст. 1868

Когда что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, –
Пойдем и взглянем вдоль реки,
Туда, по склону вод,
Куда стремглав бегут струи,
Куда поток несет –
Неодолим, неудержим,
И не вернется вспять...
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...
И слезы льются из очей,
И видим мы сквозь слез,
Как все быстрее и быстрее
Волненье понеслось...
Душа впадает в забытье –
И чувствует она,
Что вот помчала и ее
Великая волна.

232

7-9 автограф ЦГАЛИ, Ст. 1868

Безгласны, тихи – без движенья

Белеют в этой полумгле...

И на широкие ступени

9 автограф ЦГАЛИ

[И сходят сумрачные тени]*

13-16

И в тайне сумрака немного
Лишь слабо светит под звездой –
Как память дальнего былого –
Пустынный купол золотой.

234

7 «Наше время»

Местами лишь проглядывают пятна

235

2 списки Бирилевой и Э. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ)

Светил в небесной глубине,
2 2-й список Бирилевой (ЦГАЛИ)

Светил в небесной вышине,
4 автограф ЦГАЛИ

Недосязаемы оне.
5-8 список Сушковой (ЦГАЛИ)

Знать, не для нас таким светилам
От века суждено светить,
Лишь телескопа дивным силам
Они подвластны, может быть.
5-8 списки Бирилевой, Э. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ), С. П. Шевырева (ГПБ)

И как они бы ни светили,
Не нам о блеске их судить..
Есть в небе много звездной пыли,
Но нам ее не различить.
Таким загадочным светилам
И верим и не верим мы –
Лишь телескопа дивным силам
Дано их вырывать из тьмы..
6 автограф ЦГАЛИ

[Им не для нас дано светить]*
14 список Сушковой

Свет неослабный и живой
16 автограф ЦГАЛИ, списки ЦГАЛИ, кроме 2-го списка Бирилевой

Везде мы видим [над] собой.*
236
1-4 автограф ЦГАЛИ

Не двинулась ночная тень,
Высоко в небе месяц светит,
Царит себе – и не заметит,
Что уж родился юный день, –
9-12

отсутствуют

239
8 автограф (собр. Пигарева)

И в полутьме своей она любила
241
18-20 список Бирилевой (ЦГАЛИ)

□□□□□□□□ вас пеклась, ласкала, берегла,
□□□□□□□□ Учила вас – и с новым каждым годом
□□□□□□□□ Любовь ее всё крепла и росла.
21-24

а) И как, старея, пламенный напиток
□□□□□□□□ Всё пламенней, и чище, и сильней,
□□□□□□□□ Так и на вас даров ее избыток
□□□□□□□□ Всё с каждым годом нисходил полней.
б) И как, старея, гроздий золотистых
□□□□□□□□ Всё чище кровь и пламенно-живей,
□□□□□□□□ Так светлых песен, вдохновений чистых
□□□□□□□□ Ваш кубок с каждым годом был полней.

243

7 2-й автограф ЦГАЛИ, Ст. 1868

[Так] свежей прелести полна,*
9-11

Как бы, незрима, неслышна,
Роса ложилась на цветы –
И жизнь ее тогда была
15 2-й автограф ЦГАЛИ

[Не изменившись], как звезда.
15 2-й автограф ЦГАЛИ, Ст. 1868

А не погибла, как звезда.
245
3 1-й и 2-й автографы ЦГАЛИ, Ст. 1868

Но вся великая природа
6 3-й автограф ЦГАЛИ

Она устроила вам пир –
6 1-й и 2-й автографы ЦГАЛИ

Она устроила ваш пир –
9-12 3-й автограф ЦГАЛИ

отсутствуют

13 1-й и 2-й автографы ЦГАЛИ, Ст. 1868

а) □□□ фонтан играет тиховойный,
б) □□□ фонтаны брызжут тиховойно,
14-16 3-й автограф ЦГАЛИ

И, засыпая, дышит сад
И [благодарно-] юбилейно *
Петровы липы [вам] шумят.*
254
6 автограф ЦГАЛИ

Внесет в наш угол за собой –
11

В наш круг и чопорный и скучный,
21-22

И самый дом [воскрес и] ожил,
[Свою угрюмость потеряв],*
29

а) □□□ [внезапно-] милого явления,*
б) □□□ Нежданно-милого явления,
31

Ту роскошь стройную движенья
33

И резвый смех и звучный голос,
255
8 автограф ЦГАЛИ

[Вот] чья-то песнь вдруг раздалась.*
256
9-10 список Бирилевой (собр. пигарева), Ст. 1868

И раз еще два образа родные –
Их как святыню в сердце он носил –
257
8 автограф ПД, Ст. 1868

Их ветхость пышную лелеет

261

3 список Бирилевой (собр. Пигарева), Ст. 1868

Мысль, как подстреленная птица,

7-8

И вся дрожит, прижавшись к праху,
В сознание грустного бессилья.

265

1-я ред. 1-й автограф ЦГАЛИ

Море ночное, о море ночное –
Здесь так лучисто, а там так темно.

В лунном сиянии – словно живое –

Ходит, и дышит, и блещет оно.

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,

Что расходилась в ночной темноте?

Волны несутся, гремя и сверкая,

Звезды проснулись – смотрят и те.

2 автограф ЦГАЛИ

Здесь так лучисто, там [сизо-] темно.

4

В [месячном свете] – словно живое –

2-я ред. 2-й автограф ЦГАЛИ

Море ночное, о море ночное,
Что так лучисто и что так темно?

В лунном сиянии, словно живое,

Ходит, и дышит, и блещет оно.

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,

Чей это праздник так празднуешь ты?

Волны несутся, гремя и сверкая,

Чуткие звезды глядят с высоты..

3-я ред. 3-й автограф ЦГАЛИ

Как хорошо ты, о море ночное,

Искры в ночи – золотое пятно.

В лунном сиянии, словно живое,

Ходит, и дышит, и блещет оно.

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,

Чей это праздник так празднуешь ты?

Волны несутся, гремя и сверкая,

Чуткие звезды глядят с высоты.

2 4-й автограф ЦГАЛИ, Ст. 1868

Здесь лучезарно, там сизо-черно.

14

Вдруг онемев, я потерян стою –

266

1-2 список Е. Тютчевой (ЦГАЛИ)

Куда себя морочите вы грубо!

Какой у вас с Россиею разлад!

268

7 автограф ПД

Родная дочь уж на просторе

7 автограф ГПБ

Родное слово на просторе

9-12 автограф ПД

отсутствуют

9-12 автограф ГПБ

Уж не опутанное боле,
От прежних уз отрешено –
На всей своей разумной воле
Его приветствует оно...
13-16 автографы ПД и ГПБ

отсутствуют

17 автограф ПД

О, велико его значенье –
17 автограф ГПБ

Так, велико его значенье –
21-24 автографы ПД и ГПБ

Он – как борец ветхозаветный,
За нас боровшийся всю ночь
И до звезды передрассветной
Себя не давший превозмочь.
269
(DISTUM EST[35])
2-й автограф ЦГАЛИ

Сын умирает в дальней Ницце, –
А здесь, вблизи, нам строят ков..
Уж ходит слово по столице:
«То казнь отцу за поляков».
Для этих взглядов страшно-узких,
Для этих пошлых тайных злоб –
Тут нужен или польский поп,
Иль некто из министров русских.
3 автограф ГБЛ

«То казнь отцу за поляков» –
12 1-й автограф ЦГАЛИ* автограф ГБЛ

Да не услышит!.. Да не грянет*
12 список Бирилевой (ЦГАЛИ)

И отовсюду да не грянет
270
5 РИ

Наследник лучшего наследства,
272
3 автограф ГБЛ

И [тихий] мусикийный шорох
279
5 автограф ЦГАЛИ

[Зарницы лишь одни живые]*
287
4 автограф ЦГАЛИ

[Сел и] сидит, как рак, –*
289
3-4 РИ

Немного было у него врагов
Из тех, кто не враги России.
290
10 автограф ЦГАЛИ

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
На [новый, современный] мир,*

291

3-4 2-й и 3-й автографы ЦГАЛИ, Ст. 1868

Что-то радостно- родное
Веет, светится во всем.
7-8 «Лит. библиотека»

И приветственные флаги
Легким веяньем струит.
8 2-й и 3-й автографы ЦГАЛИ, Ст. 1868

Зыбью тихую струит.
9-16

отсутствуют

17-18

Чистым пламенем, спокойно,
По ночам горят огни...
22

Предан был на эти дни
24

Духу света и любви.
30

В этом воздухе живом
31 2-й автограф ЦГАЛИ, Ст. 1868

Чье-то чудится дыханье,
31 3-й автограф ЦГАЛИ

Чье-то чуется дыханье,
32 2-й и 3-й автографы ЦГАЛИ, Ст. 1868

Чей-то слышится прием.
33 3-й автограф ЦГАЛИ

И немое умиление
34 2-й автограф ЦГАЛИ

Недоступное уму –
36

И сказалося всему.
36 3-й автограф ЦГАЛИ, Ст. 1868

И во всех отозвалось.
39 2-й и 3-й автографы ЦГАЛИ, Ст. 1868

И Дагмарова неделя
293
10 автограф ЦГАЛИ

Тебе, наш чистый добрый гений,
15

Так ненавистн [ых] для души*
21

Так будь же нам ты путеводной,
13-20 «Вестник Европы».

отсутствуют

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
32 письмо к Анненкову, «Вестник Европы»

И до конца служить России.
294
3 автограф ЦГАЛИ

Пустым и беглым метеором
11

[Смотри,] чей флаг там гибнет в море.*
296
1-3 автограф ЦГАЛИ

Когда громадное здесь воздвигалось зданье
(То Нерона царя дворец был золотой),
Под самую его гранитную пятой
5 список Бирилевой (собр. Пигарева), Ст. 1868

«Не уступлю тебе – знай это, царь земной,
8

«Весь мир тебе слугой, а мне слугою – Время».
299
10 автограф ЦГАЛИ

Навстречу к нам, из полумглы лесной,
10 автограф собр. Богатырева, Ст. 1868

Навстречу нам, из полумглы лесной
11 автограф ЦГАЛИ

Обвеянных каким-то чудным светом
15

Нам чужалось нездешнее созданье,
15 автограф собр. Богатырева

Нам чужались нездешние созданья,
16-18 автограф ЦГАЛИ

Но близок был нам этот чудный мир.
И вот опять мы к сказочному лесу
С привычною любовью подошли.
24 автографы ЦГАЛИ и собр. Богатырева

Ленивый, вялый, бесконечный дым!
27 автограф собр. Богатырева

Иль бегают по сучьям обожженным
29 автографы ЦГАЛИ и собр. Богатырева

Нет, это сон, но ветерок повеет
31

И вот опять стоит и зеленеет
32 автограф ЦГАЛИ

Наш прежний лес, волшебный и родной
32 автограф собр. Богатырева

Ваш прежний лес, волшебный и родной.
300
12 «Галичанин»

Иноязыческих речей,
18 список Бирилевой (ПД), список ЦГАЛИ

И порван наш семейный строй,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
20 списки ПД и ЦГАЛИ

Всё ж дети матери одной.
24 «Галичанин»

России – не прощают в вас!
35–36 список ЦГАЛИ

Устав был создан фарисейский:
Один для них – другой для нас.
39–40

И их скрепила стародавность,
Как достояние славян.
41

И то, что создано веками,
42 Ст. 1868

Не оскудело и поднесь
49

А между тем позор немалый
61

И грянет клик к объединенью,
71 «Галичанин»

И слово – Он освободитель
301
2 «Галичанин»

«Вот мы к стене славян прижмем!»
4 автограф ЦГАЛИ

В отважном натиске своем!
8

Вот, вот что трудно разгадать.
8 автограф ПД

Вот, вот что трудно разобрать.
13 автограф ЦГАЛИ

Ее не раз уж штурмовали
18

Твердыней [стоит] боевой*
21 автограф ПД

а) Пускай же с бешеным задором
б) Пускай же бешеным напором
22 автограф ЦГАЛИ

[Они] теснят вас и прижмут*
24

Потом увидим, что возьмут!
строфа 7 автографы ЦГАЛИ, ПД

отсутствует

29 автограф ЦГАЛИ

[Она] раздвинется пред вами,*
29 автографы ЦГАЛИ и ПД

Стена раздвинется пред вами,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
30 автограф ЦГАЛИ

а)□□□[Обхватит вас и обоймет]
б)□□□[Обхватит,] как живой оплот*
31

[Потом сомкнется пред] врагами*
32 автограф ПД

И к вам поближе подойдет.
302
3 автограф ЦГАЛИ

а)□□□А им фетиш [доступней,] чем идея,
б)□□□А им фетиш дороже, чем идея.
5-6

Как перед ней не подличайте вы,
Вам не добиться милости Европы:
7

а)□□□[в ее глазах] всё будете, увы –
б)□□□Вы для нее всё будете, увы –
303
5 автограф ЦГАОР

Он волей призван был верховной
7

и бой упорный, бой неровный
10

Чудесный поединок тот –
12

Но Русь легко его поймет.
306
4 1-й автограф ЦГАЛИ, автограф ЦГАОР

Великодушных этих строк!
6 2-й автограф ЦГАЛИ, автограф ЦГАОР

Коснувшись их – озолотит
7-8 автографы ЦГАЛИ, автограф ЦГАОР

Все эти вещи страницы
И для потомства освятит!
9 2-й автограф ЦГАЛИ

И в излияниях народных,
между 12 и 13 1-й автограф ЦГАЛИ

Они поведают потомству,
Что – сильны правдой лишь одной –
Всем видам лжи и вероломства
Отпор мы дали роковой.
между 12 и 13 автограф ЦГАОР

Они раскроют для потомства,
Как, сильны верою живой, –
Всем видам лжи и вероломства
Отпор мы дали роковой.
между 12 и 13 2-й автограф ЦГАЛИ (вписано Бирилевой)

Они поведают потомству,
Как, крепки верою живой,
Обманам, лжи и вероломству
Отпор мы дали роковой.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
13-16 1-й автограф ЦГАЛИ

О наших днях – живая повесть,
О лучших днях – живая весть, –
Изобличив Европы совесть,
Они спасут России честь!
310
3 автограф ПД, «Русский»

Не мог склонить своей я лени праздной,
7-8

Так что ж тут хлопотать? Рука забвенья
Исправит всё чрез несколько минут.
318
4 список Голицына (ЦГАЛИ)

Зовут их – Смерть, зовут их – Суд людской.
9

Но Смерть честней – чужда лицепрятья,
10 список собр. Пигарева

Ей нипочем ни просьбы, ни проклятья,
15 списки собр. Пигарева и ЦГАЛИ

Не косит все, но лучшие колосья
16 список собр. Пигарева

С досадой в поле вырывает вон.
19 списки собр. Пигарева и ЦГАЛИ

Вступающей с отвагою во взоре,
строфа 6 список собр. Пигарева

отсутствует

22 список ЦГАЛИ

Всех прав своих, всей власти красоты,
25 список собр. Пигарева

Личинами чела не прикрывая,
25 список ЦГАЛИ

Личинами чела не прикрывает
26-27 список ЦГАЛИ

Не допустив принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевая
320
5-6 автограф ЦГАЛИ

Расти и ты, родное слово,
И глубже, глубже коренись.
323
7 список Бирилевой из собр. Пигарева

Она приносит вам залог
38

На вас сзывали предки ваши,
42

Призвание вашего народа:
324
2 автограф ЦГАЛИ, Ст. 1868

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Воздушный, светозарный храм
8-11

Святой блюститель здешних мест;
У ног его, свою обитель
Его покровом осеня,
Живешь ты в ней – не праздный житель
20-24

Тобой свершенных добрых дел,
Живи и бодрствуй для примера,
Нам заявляющего вновь,
Что может действенная вера
И непреклонная любовь.
327
7-8 автограф ЦГАЛИ

Нынче весело пирует
[Правоверный] падишах.*
14

Франгистанской их земли
21

И при кликах исступленных
26-29

Веселится средь огней
О исправленном исламе
Христианских съезд князей...
И конца их нет приветам,
34

Тут горит звезда одна –
40

С свитой царственных гостей.
328
1-4 «Голос»

Спешу поздравить. Мы охотно
Приветствуем ваш неуспех,
Для вас и лестный, и почетный,
И назидательный для всех.
9

Ох, нет, то знают и они –
12-13

Всё им известно – inde irae!..
Во всем великом этом крае
332
3 автограф ЦГАЛИ

В небе ликуя, убита тоской,
6

Жизни блаженство в любви лишь одной.
333
10 автографы ПД и ЦГАЛИ

Имперских и державных сонм верховный
27 автограф ЦГАЛИ

За [божью правду,] за ее свободу,
30 автограф ПД (Майков)

Еще он здесь, еще в среде своих,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
37 автографы ПД и ЦГАЛИ

И цепи той, с юродствующим Римом
37 автограф ПД (Майков)

И цепи, что с юродствующим Римом
38 автограф ЦГАЛИ

Судьбу твою сковавшей так давно,
38 автограф ПД

Твою судьбу сковавшей так давно,
40 автографы ПД и ЦГАЛИ

Ты растопи последнее звено.
40 автограф ЦГАЛИ

а) Расплавь скорей последнее звено. б) Расплавь скорей сомкнутое звено.

40 автограф ПД (Майков)

Расплавь скорей железное звено.
336
3 «Заря»

Но не смущайтесь, братья наши!
5

«Единство», – возгласил оракул наших дней, –
7–8

А мы попробуем спясть его любовью,
□□□□□□□□□□□□□□□□А там посмотрим – что прочней?
337
2 список Майкова (ПД)

а) [У русской] мысли на часах,
б) Стоя у мысли на часах.
338
3 автограф ЦГАЛИ

Есть неизменчивая сила,
5

Нет, увядание земное
7

И от палящего их зноя
12

Не всё, что жило здесь, – умрет.
строфы 4–5

отсутствуют

339
1 автограф Центр. гос. музея муз. культуры

Князь, вы сдержали ваше слово
12 автограф ПД

Умел найти в себе самом,
13–16 автографы ПД и Центр. гос. музея муз. культуры

Кто, сильный волей и терпеньем,
Умел и действовать и ждать,
И налагать узду стремленьям,
И своевременно дерзать.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
14 2-й автограф ЦГАОР

Расчет с отвагой [сочетал] – *
строфа 4 2-й автограф ЦГАОР, автограф ЦГАЛИ

отсутствует

18-20 2-й автограф ЦГАОР

И как осилит ваш рычаг
В домашних умниках упорство
И глупость в родственных глупцах?
20 автограф ЦГАЛИ

И сдвинет глупость в дураках?
340
5 автограф ЦГАЛИ

И долго ль мне стоять тут одному?
7

Где я стою теперь – гляжу во тьму
8

а) и что со мной? не [сознавая] сам.
б) и что со мной? не понимаю сам.
10

При мне иль без меня, на месте том
12

И тот же мрак, и та же голь кругом.
343
11-13 2-й автограф ЦГАЛИ

И всё, что так еще недавно
Враждою создано слепой,
Что было так самоуправно,
344
18 «Гражданин»

С тех пор воздвиг непогрешимый тот,
345
набросок 2-й автограф ЦГАЛИ

От жизни той, во дни былые
Пробушевавшей над землей,
Когда здесь силы роковые
Боролись слепо меж собой,
И столько бед здесь совершалось,
И столько крови здесь лилось,
Что уцелело и осталось?
Затихло всё и улеглось.
Лишь кое-где, как из тумана
Давно забытой старины,
Два-три выходят здесь кургана
348
7 автограф ЦГАЛИ

Пусть будет слышан в мире целом,
9 автографы ЦГАЛИ и собр. Пигарева

Своим последним, крайним кругом
11

Где с тяжким борется недугом
строфа 4

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
отсутствует

357

1 автограф ЦГАЛИ, Ст. 1868

Беспомощный и убогой,

362

3 автограф ЦГАЛИ

отсутствует

9-11

Ты, целых двадцать лет
Мир волновавший без цели, –
Ты в мире много лжи посеял
16

отсутствует

20

Его он предал долговому шатанью.

368

4 автограф ЦГАЛИ

И с самого утра жара уж тяжела.

372

1 2-й автограф ЦГАЛИ

На ранней дней моих заре,

4-5

В уютной келье, тихой и смиренной,
В ней жил тогда Жуковский незабвенный.
7-8

Я слушал колоколов завыванье.

Следил всеобщий трепет ожиданья.

9-11

отсутствуют

12-16

Светло хоругвь голубой
Весенний первый день отрадно-голубой
Так светозарно веял над Москвой.
И тут-то первая меня достигла весть,
Что новый в мире житель есть
18

То ты дарован был земле.

вм. 20-32

Всю жизнь в душе согрето,
Всю жизнь насквозь, насквозь, насквозь
Меня, как верный спутник, провожало
И нынче, в ранний утра час,
Оно еще, как столько раз,
Оно мою всю душу осияло.
И днесь, у самых дней моих заката,
Оно мне также дорого и свято,
Как в продолженье целой жизни было,
И так неизреченно мило –
И я, связуя тот же свет
С великим этим воспоминаньем,
Благодарю судьбу с сердечным трепетаньем,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Что жизнь моя, какая б ни была,
Вся до конца пройти могла
Под этим кротким благостным влияньем.
33-40

отсутствуют

Комментарии

К редактированию и публикации стихов Тютчева имели отношение десятки лиц, которые по-разному понимали свои задачи. Среди них: С. Е. Раич, М. П. Погодин, И. С. Гагарин, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, П. А. Плетнев, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Н. В. Сушков, И. С. Аксаков, П. И. Бартенев, А. Н. Майков, В. Я. Брюсов, А. А. Флоридов, П. В. Быков, вторая жена поэта Эрн. Ф. Тютчева, сестра Дарья Ивановна, сыновья Иван и Федор, дочери Анна, Дарья и Мария. [36] Стихотворения московского периода (до 1822 г.) представлены либо только ранними публикациями, либо автографами, опубликованными посмертно (кроме «К оде Пушкина на Вольность», № 8, текст которого устанавливается по спискам). Стихотворения для альманаха «Урания» были переданы его издателю Погодину самим Тютчевым летом 1825 г. в Москве во время первого отпуска. С 1826 по 1829 г. поэт регулярно посылал новые стихи Раичу, издателю журнала «Галатея» и соиздателю альманаха «Северная лира». Именно там, а также в журналах «Русский зритель» и «Атеней» они и были напечатаны Раичем. Из присланных ему стихотворений 13 остались неопубликованными (№ 30, 32, 35, 47, 49, 50, 52–55, 60, 61, 70). При наличии ряда ошибок редакторских изменений в текстах «Галатеи» нет (кроме, может быть, одного стихотворения, № 38). Стихотворения, появившиеся в альманахах М. А. Максимовича «Денница» и «Сиротка», в журнале и газете Н. И. Надеждина «Телескоп» и «Молва», также были присланы Раичу не позднее 1829 г. [37]. Здесь мы впервые сталкиваемся с серьезным вмешательством в тютчевский текст (см., например, примеч. 73*). Отпуск 1830 г. Тютчев провел в Петербурге, не поддерживая отношений с московскими литераторами. В 1831–1835 гг. он не послал в Россию ни одного стихотворения. С середины 1833 по 1835 г. в периодике и альманахах появлялись только стихи, перепечатанные без ведома и участия автора из изданий 1820-х гг. В 1836 г. Тютчев прислал И. С. Гагарину в Петербург все сохранившиеся рукописи (102 автографа 89 стихотворений). Гагарин переписал 48 стихотворений в отдельную тетрадь, с которой ознакомились Вяземский, Жуковский и Пушкин [38]. По этим копиям была осуществлена знаменитая публикация в «Современнике» 1836–1837 гг. 28-ми «Стихотворений, присланных из Германии». Разночтения текстов «Современника» с предыдущими публикациями объясняются тем, что некоторые стихотворения (например, № 72) были присланы в более поздних редакциях, некоторые же (например, № 44), наоборот, в более ранних. Погрешности этой публикации, как правило, связаны с неразборчивым написанием отдельных слов в рукописях, частью – черновых. Редакторские исправления единичны (см., например, примеч. 95* и 104*) и, видимо, принадлежат Жуковскому, так как в копиях Гагарина имеются следы его правки (см. примеч. 118*). В ноябре 1836 г., следуя указанию в письме Тютчева от 7/19 июля, Гагарин получил от Раича автографы (15) и списки (38) стихотворений, посланных поэтом в Москву еще в 1820-е гг. К рукописям были приложены опись, составленная Раичем, и сопроводительное письмо С. П. Шевырева [39]. Не ранее июня 1837 г. Гагарин также сделал опись («Оглавление») имевшихся у него стихотворений [40]. По неизвестным причинам задуманное в 1836 г. Вяземским, Жуковским и Гагариным отдельное издание стихов поэта не состоялось. В 1838 г. Гагарин увез рукописи Тютчева во Францию [41]. Тексты 11-ти стихотворений, присланных Тютчевым из Турина и помещенных в «Современнике» 1838–1840 гг., вполне исправны, если не считать одного цензурного варианта в № 130 и одной погрешности (см. примеч. 130* и 128*). Перепечатав в статье «Русские второстепенные поэты» («Современник». 1850, № 1) 24 стихотворения из «Современника» 1836–1840 гг., Некрасов внес в их текст 20 мелких поправок: устранил очевидные опечатки, заменил некоторые слова религиозного лексикона в предвидении цензурных осложнений, сделал стилистические, грамматические и другие изменения. Большинство их позднее было канонизировано в традиционном тексте тютчевской лирики. В 1851 г. Н. В. Сушков (муж сестры поэта, Дарьи Ивановны) начал подготовку к печати полного собрания стихотворений Тютчева, о чем сообщил в своем альманахе «Раут» (1852). С этой целью в середине 1851 г. в специальную – так называемую Сушковскую тетрадь – были переписаны 70 стихотворений: 24 – с копий Эрн. Ф. Тютчевой (из альбома М. Ф. Бирилевой), снятых с текстов некрасовской статьи; 46 (под рубрикой «Новые стихотворения») – с автографов семейного собрания, в большинстве своем сохранившихся [42]. Тетрадь была отправлена в Москву Сушкову. В середине 1852 г. она пополнилась еще 22-мя стихотворениями (списки Д. И. Сушковой): из них 15 было переписано из

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru «Современника» 1836–1840 гг.; 4 – с других печатных текстов; 3 – с не дошедших до нас автографов. Исправление погрешностей в копиях Сушковской тетради требовало сверки с автографами или общения с автором. Сушков же располагал только единичными автографами. Значительнейшую часть исправлений он сделал по собственному усмотрению. Они касаются словоупотребления, орфографии, пунктуации, акцентологии, орфоэпии, мелодики, ритмики, строфического членения. В Сушковской тетради имеется несколько поправок Тютчева, который держал ее в руках до того, как она была послана Сушкову, и вторично – по ее возвращении в Петербург. И первый, и второй его просмотр носил характер беглого пролистывания. Говорить об авторизации всех текстов этой тетради нет оснований. Во второй половине 1852 г. 92 стихотворения из Сушковской тетради в том же составе были переписаны в так называемый Мурановский альбом, переписаны той же детской рукой, которой была заполнена в 1851 г. Сушковская тетрадь. В Мурановский альбом перешло большинство поправок Сушкова, неисправленные ошибки Сушковской тетради и многие погрешности предшествующих текстов. Судя по пометке шести мелких исправлений, сделанных Тютчевым в Мурановском альбоме, и качеству чернил, поэт держал альбом в руках не ранее 1857 г. В 1854 г. редакция «Современника» воспользовалась сушковскими материалами и провела дополнительную работу по собиранию тютчевских стихов. В № 3 «Современника» было опубликовано 92 стихотворения. При этом 8 стихотворений из Сушковской тетради не были опубликованы (одно – № 72 – пропущено случайно, 7 – по ценз. причинам: № 41, 145, 146, 158, 169, 170 и 182). Кроме текста Сушковской тетради редакция располагала 7-ю новыми стихотворениями 1851–1853 гг. (№ 193, 195, 199, 201, 202, 204, 205) и новой редакцией «Весенней грозы» (№ 36), которые также были напечатаны в «Современнике». В публикации всех этих стихотворений появилось немало новых искажений – редакторских, цензурных, корректорских и др. Уже по выходе № 3 журнала редакция получила от библиографов сведения о неучтенных первопечатных текстах Тютчева. В № 5 «Современника» было напечатано еще 19 стихотворений, в том числе 17 старых (с существенными отличиями от первых публикаций, особенно в № 20 и 37, являющихся в ряде случаев редакторскими поправками). Участие Тютчева в непосредственной подготовке этих публикаций было незначительным. Многие стихотворения (см., например, примеч. 166*) были опубликованы в ранних или промежуточных редакциях, в трех стихотворениях не были восстановлены строки, вымаранные цензурой в ранних текстах. В июне 1854 г. «Стихотворения Ф. Тютчева» вышли отдельным изданием. В него не вошло только «Пророчество» (№ 167), вызвавшее неудовольствие Николая I. Детальное исследование генезиса, состава и собственных вариантов издания 1854 г. дало возможность установить, что поправки Тургенева, выполнявшего роль посредника между автором и редакцией «Современника», единичны (не более 7–8-ми), и потому говорить о редакторском произволе Тургенева в отношении тютчевских стихов, как это делалось до сих пор, нет оснований. Новое отдельное издание «Стихотворений» Тютчева вышло в марте 1868 г. От участия в его подготовке поэт отказался – даже не просмотрел присланного ему перечня стихотворений. Согласившись на издание, Тютчев полагал, что это будет издание избранных стихотворений. Отсюда его недовольство включением в книгу «стихотворений на случай» (особенно направленных против высокопоставленных особ эпиграмм, которые он потребовал телеграммой вырезать из издания). Сохранилось только несколько полных экземпляров издания 1868 г. Состав книги, освобожденный от предварительной цензуры, озаботил цензурное ведомство (см. примеч. 211*). Несмотря на стремление к полноте, готовившие книгу зять поэта И. С. Аксаков и сын И. Ф. Тютчев сумели охватить только половину написанного к тому времени Тютчевым в стихах и сохранившегося. Основу книги составили 110 стихотворений из издания 1854 г. Вошли в нее также № 41, 167 и 40 стихотворений, опубликованных в 1857–1868 гг. 32 новых стихотворения впервые появились в издании 1868 г., где они были напечатаны по неисправным спискам М. Ф. и И. Ф. Тютчевых. Имеются в этом издании следы редакторской правки (см., примеч. 216*, 257* и 272*). Многие ошибки текста издания 1868 г. объясняются небрежным отношением к проверке набора П. И. Бартенева, взявшего на себя надзор за типографской стороной дела. Сам автор назвал сборник в одном стихотворении «списком безобразным» (№ 310).

Недостовверный текст сб. 1854 и 1868 гг. был положен в основу всех изданий поэта вплоть до 1923 г., когда вышли «Избранные стихотворения» Тютчева, где публикация текстов была осуществлена Г. И. Чулковым исключительно по автографам, хотя такое решение вопроса далеко не всегда вызывалось необходимостью. В первых научных изданиях Тютчева – двухтомном Полном собрании стихотворений (М.; Л., 1933–1934) и Полном собрании стихотворений (Л., 1939) – в случаях неясного генезиса текста автографы, как правило, также предпочитались печатным текстам. По мере того как тютчевiana обогащалась углубленными исследованиями источников текста, вырабатывалась традиция установления текста, все более опирающаяся на

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru объективную, историко-текстовую основу. В Полном собрании стихотворений (Л., 1957) и двухтомном издании «Лирика» (М., 1965) работа по очищению текста строилась преимущественно путем анализа вариантов и различий с целью выяснения возможной последовательности их возникновения и принадлежности автору или редакторам или какой-нибудь технической погрешности (см.: «Лирика». Т. 1. С. 322).

Определение составов раичевского и гагаринского собраний, [43] правильная категоризация их рукописей позволили уточнить датировки почти 40 стихотворений, облегчили сравнительное исследование источников с целью восстановления творческой истории отдельных стихотворений, установления их текста, уточнения историко-литературного комментария. Эта работа была проделана при подготовке двухтомного издания Сочинений Тютчева (М., 1980. Т. 1). В результате более подробного изучения источников издания 1854 г. удалось очистить авторский текст от ряда посторонних вкраплений и ошибок этого издания, до сих пор не устранявшихся.

Ввиду того что история собирания и публикации тютчевского поэтического наследия убеждает в невозможности применения к нему единообразных правил эдической практики, установление текста в настоящем издании производилось в соответствии со следующими принципами. 1. В качестве источников текста привлекались все разнообразные материалы, отражающие (непосредственно или через утраченные рукописи) этапы истории текста. 2. Источником основного текста служит лишь полный текст позднейшего этапа работы независимо от вида и качества источника. 3. Поскольку оба прижизненных издания Тютчева, многие газетно-журнальные и альманашные публикации не авторизованы и не восходят к исправным авторским текстам, постольку источниками основного текста большинства стихотворений являются автографы, а при наличии нескольких автографов – автографы позднейших редакций. Это не касается тех случаев, когда печатный текст (независимо от степени исправности) представляет позднейший этап творческой работы (см., например, примеч. 12*). В ряде случаев окончательный текст представлен авторизованной копией, списком или записью под диктовку. 4. Текст позднейшего этапа не признается источником основного текста в единичных случаях, когда текст стихотворения менялся по соображениям преходящего, нетворческого порядка. Например, альбомная запись по памяти, использование старого текста в качестве отклика на какое-либо злободневное событие, автоцензурные варианты, изменения, вызванные адресацией стихов и т. п. (см., например, примеч. 37*, 138*, 182*, 210*, 226*). Результатом позднейших переделок такого рода могут быть нарушения в образной системе стихотворения, его ритмико-интонационной структуры, стилистический эклектизм и другие последствия. 5. Так как ни один случай принятия Тютчевым чужой поправки не зафиксирован, любая из них безусловно отвергается.

Настоящее издание включает все выявленное к нынешнему времени поэтическое наследие Тютчева (402 стихотворения). Стихотворения основного корпуса (351) размещены в хронологическом порядке без выделения переводов, так как они теснейшим образом связаны с оригинальной поэзией Тютчева, часто придававшего переводам характер индивидуальной лирической темы. К тому же между собственно переводными стихотворениями Тютчева и оригинальными предполагаются так называемые переложения, стихи на заимствованную тему или мотив и т. д. Раздел «Приложения» составляют: детское стихотворение, стихотворные шутки и телеграммы, стихи, написанные во время предсмертной болезни, коллективное стихотворение, стихотворения, приписываемые Тютчеву, написанные на французском языке и их стихотворные переводы.

Все точные даты, независимо от источника их установления, а также приблизительные даты – год, сезон года или период, в который произведение могло быть создано, – указываются без скобок. Дата, заключенная в угловые скобки, означает, что стихотворение было написано не позднее данного года. Предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком. При наличии двух редакций, существенно отличающихся друг от друга и отдаленных по времени создания, указываются через запятую две даты.

Тексты печатаются в соответствии с современными нормами орфографии, но с сохранением некоторых особенностей правописания Тютчева и его времени, имеющих производное, смысловое или стилистическое значение. В значительной степени сохранена авторская пунктуация, а именно – в тех случаях, когда она не препятствует правильному пониманию стихотворений современным читателем.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Полностью сохранены грамматические особенности языка Тютчева.

После порядкового номера стихотворения каждое примечание начинается со ссылки на первую публикацию. Затем через точку и двойной дефис приводятся печатные источники, свидетельствующие о дальнейших этапах изменения текста. Последний источник, если нет других указаний, является источником текста, помещенного в настоящем издании. Формула «Печ. по...» употребляется, когда: 1) текст устанавливается по нескольким источникам; 2) позднейшая редакция была при жизни поэта напечатана раньше; 3) источником основного текста является рукопись. Ссылка на первую публикацию без дальнейшего указания на источник текста означает, что стихотворение печатается по первой публикации, так как оно при жизни поэта более не печаталось или перепечатывалось без ведома и участия автора по источникам, непосредственно к автору не восходящим. Полный перечень таких перепечаток можно найти в библиографическом указателе «Ф. И. Тютчев» (М., 1978). Обоснования текста и датировок приводятся, как правило, только в спорных случаях и в случае уточнения. Полный перечень других авторских редакций и вариантов, вариантов и поправок, не принадлежащих поэту, читатель найдет в разделе «Другие редакции и варианты». Звездочка перед порядковым номером примечания означает, что к комментируемому стихотворению имеется материал в разделе «Другие редакции и варианты». Если в этом разделе или в примечаниях имеются ссылки на отсчет стихов, то стихотворения, превышающие 50 строк текста, сопровождаются нумерацией стихов по десяткам. Во всех случаях, когда это установлено или весьма вероятно, указывается повод написания и адресат стихотворения. В остальном примечания носят по преимуществу реальный и словарно-разъяснительный характер. Сведения о музыкальных произведениях на слова Тютчева не даются. Их можно найти в справочнике Г. К. Иванова «Русская поэзия в отечественной музыке» (до 1917 г.), вып. 1. (М., 1966), во 2-м т. «Лирики» (1965), а также в 3-м вып. справочника «Русская литература в советской музыке» (М.: Сов. композитор; готовится к печати). В примечаниях использованы опубликованные исследования и комментарии Р. Ф. Брандта, Г. И. Чулкова, Д. Д. Благого, Л. В. Пумпянского, В. В. Гиппиуса, Б. Я. Бухштаба, К. В. Пигарева, Н. Я. Берковского, Н. В. Королевой, А. Л. Осповата, Р. К. Лэйна и других ученых.

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

АБ – альбом М. Ф. Бирилевой (собр. К. В. Пигарева).

авториз. – авторизованный.

Аксаков – Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886.

Брандт – Брандт Р. Ф. Материалы для исследования «Федор Иванович Тютчев и его поэзия» // «Известия Отделения русского языка и словесности имп. АН». 1911, т. 16, кн. 2. С. 136–232; кн. 3. С. 1–65.

БС – сборник «Братьям-славянам: Стихотворения Аксакова, Берга, кн. Вяземского, Тютчева и Хомякова». М., Май 1867.

БСП – Славянская библиотека в Париже (Bibliothèque Slave).

Г – журнал «Галатей».

ГБЛ – Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ГПБ – Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Д – «Денница: Альманах на 1831 год». М., 1831.

ИВ – журнал «Исторический вестник».

К – журнал «Киевлянин».

корр. л. – корректурный лист.

Лирика – Тютчев Ф. И. Лирика / Изд. подгот. К. В. Пигарев. М.: «Наука», 1965. Т. 1–2 («Лит. памятники»).

ЛН – сборники «Литературное наследство».

- Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
- ЛПРИ – газета «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“».
- Лэйн – Lane R. Hunting Tyutchev's Literary Sources // Festschrift for N. E. Andreyev. London, 1984. P. 43–68.
- М – журнал «Москвитянин».
- МА – Мурановский альбом (ЦГАЛИ).
- МВ – газета «Московские ведомости».
- ММ – архив Музея-усадьбы Мураново им. Ф. И. Тютчева.
- Мур. сб. – Мурановский сборник. Мураново, 1928. Вып. 1.
- НСт. – Тютчев Ф. И. Новые стихотворения / Ред. и примеч. Г. Чулкова. М.: «Круг», 1926.
- Некрасов – исправления стихов Тютчева в статье: Н. Некрасов. Русские второстепенные поэты // «Современник», 1850, № 1.
- ПД – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.
- Пигарев – Пигарев К. Жизнь и творчество Тютчева. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- ПССоч. 1912, 1913 – Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений / С критико-биограф. очерком В. Я. Брюсова, библиогр. указ., примеч., вариантами, факсимиле и портр. Ред. П. В. Быкова: Изд. 6-е. Спб.: А. Ф. Маркс, [1912]. Изд. 8-е. [1913].
- ПССт. 1933, 1934 – Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / Ред. и коммент. Г. Чулкова. Вступит. статья Д. Д. Благого. М.; Л.: Academia. Т. 1. 1933. Т. 2. 1934.
- ПССт. 1939 – Полное собрание стихотворений / Вступит. статья и общая ред. В. Гиппиуса. Ред. текстов и примеч. К. Пигарева. Л.: «Сов. писатель», 1939 (Б-ка поэта, БС).
- ПССт. 1957 – Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / Вступит. статья Б. Я. Бухштаба. Подгот. текста и примеч. К. В. Пигарева. Л.: «Сов. писатель», 1957 (Б-ка поэта, БС).
- Р – альманах «Раут».
- РА – журнал «Русский архив».
- РБ – журнал «Русская беседа».
- РВ – журнал «Русский вестник».
- РЗ – журнал «Русский зритель».
- РИ – газета «Русский инвалид».
- РС – журнал «Русская старина».
- С – журнал «Современник».
- СЛ – альманах «Северная лира на 1827 год». М., 1827.
- СН – журнал «Старина и новизна».
- С-3 – Стихотворения Ф. Тютчева. Спб., 1854. Приложение к журналу «Современник». 1854, № 3.
- С-5 – Стихотворения Ф. Тютчева (служащие дополнением к напечатанным в № 3 «Современника»). Спб., 1854. Приложение к журналу «Современник». 1854, № 5.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Соч. 1886 – Тютчев Ф. И. Сочинения: Стихотворения и политические статьи. Спб., 1886.

Соч. 1900 – Тютчев Ф. И. Сочинения: Стихотворения и политические статьи. Спб., 1900.

Соч. 1980 – Тютчев Ф. И. Сочинения: В 2-х т. Т. 1: Стихотворения / Общая ред. К. В. Пигарева. Сост. и подгот. текста А. А. Николаева. М.: «Правда», 1980 (Б-ка «Огонек»).

Соч. 1984 – Тютчев Ф. И. Сочинения: В 2-х т. Т. 2: Письма / Сост., подгот. текста Л. Н. Кузиной. Коммент. Л. Н. Кузиной и К. В. Пигарева. М.: «Худож. лит.», 1984.

Ст. 1854 – Тютчев Ф. Стихотворения. Спб., 1854.

Ст. 1868 – Тютчев Ф. Стихотворения. М., 1868.

Ст. 1953 – Тютчев Ф. И. Стихотворения / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Д. Д. Благого. Л.: «Сов. писатель», 1953 (Б-ка поэта, МС).

Ст. 1962 – Тютчев Ф. И. Стихотворения / Вступит. статья и подгот. текста Н. Я. Берковского. Примеч. Н. В. Королевой. М.; Л.: «Сов. писатель», 1962 (Б-ка поэта, МС).

Ст. Письма-1957 – Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. К. В. Пигарева. М.: Гослитиздат, 1957.

СТ – Сушковская тетрадь (ЦГАЛИ).

ТОЛРС – «Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете».

Тютчевиана – Тютчевиана: Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф. И. Тютчева / Предисловие Г. Чулкова. М.: «Костры», 1922.

Тютч. сб. – Тютчевский сборник: 1873–1923. Пг.: «Былое», 1923.

Ур. – «Уралия. Карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности, изданная М. Погодиным». М., 1826.

ЦГАДА – Центральный гос. архив древних актов.

ЦГАЛИ – Центральный гос. архив литературы и искусства.

ЦГАОР – Центральный гос. архив Октябрьской революции, высших органов гос. власти и государственного управления СССР.

ЦГИАЛ – Центральный гос. исторический архив СССР (в Ленинграде).

Шиллер – Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов / Сост. Н. В. Гербель. Спб., 1857.

СТИХОТВОРЕНИЯ

*1. Феникс: Сборник худож. – лит., науч. и филос. М., 1922. Кн. 1. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

Крон (греч. миф.) – Хронос, бог времени.

Мемфис – столица Древнего Египта, развалины которой находятся несколько южнее Каира.

Илион – одно из названий Трои, столицы Трояды – греческого государства в сев. – зап. части Малой Азии.

Коцит (греч. миф.) – река в подземном царстве мертвых.

Жупел – горящая сера или смола, предназначенная, по христианским поверьям, для

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
наказания грешников в аду.

2. «Феникс». Кн.1. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Адресат не установлен.

3. «Голос минувшего». 1923, № 3. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева. Автограф – на форзаце принадлежавшего Тютчеву экземпляра книги Вольтера «La Henriade» (Paris, 1805). Четверостишие представляет собой переделку «Надписи к портрету М. М. Хераскова» И. И. Дмитриева. Непосредственным поводом к переделке стиха и его переадресации могло послужить резко критическое суждение о «Генриаде» в предисловии Ж. Делиля к своему переводу «Энеиды» на французский язык (см.: Пигарев. С. 31–32).

Пиериды (греч. миф.) – то же, что музы.

4. ТОЛРС. 1819, ч. 14. Вариация на тему оды 29 из кн. III «Од»

Горация (65–8 до н. э.). В ней римский поэт обращается к своему покровителю Мecenату (между 74 и 64–8 до н. э.).

Крины – лилии.

Брашны – кушанья.

Кастальские девы – музы (по названию посвященного им и Аполлону Кастальского источника, находившегося на Парнасе).

Велелепный – пышный, великолепный, торжественный, помпезный.

Пенат (рим. миф.) – один из богов – хранителей и покровителей домашнего очага.

Небесный лев – созвездье Льва.

Сильван (рим. миф.) – божество полей, лесов и стад.

Фемиды жрец – служитель закона.

Чада персти – дети Земли, люди; персть – земной прах, пыль.

Вождь светил – Солнце.

Почить в Нептуновы владенья. О заходе солнца в море.

Нот (рим. миф.) – южный ветер.

Пучины сланые – моря; сланые (старослав.) – соленые.

5. Нст. 1926, с. 85. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе перед текстом помета «Перевод Ф. Т. . . ва» Иностраный оригинал не установлен.

6. «Речи и отчеты Московского имп. университета». 1820. Вышло также отдельным оттиском с титульным листом (М.: Унив. тип., 1820). Написано под влиянием традиционных стихов для академических торжеств, в частности – стиха А. Ф. Мерзлякова «Ход и успехи изящных искусств». В то же время в стихе обнаруживаются отзвуки стихов: «Поэзия» Карамзина, «Храм Марсов» М. Н. Муравьева, «Художники» Шиллера (см.: Пигарев. С. 33–34).

Урания – здесь: Афродита Урания (греч. миф.) – богиня одухотворенной, «небесной» любви в отличие от Афродиты Пандемос, олицетворявшей «земную», чувственную любовь.

Мнемозина (греч. миф.) – богиня памяти, мать девяти муз.

Остров Урании – Кипр (см. примеч. 19*).

Аквилон (рим. миф.) – бог северного ветра.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Фарос – знаменитый маяк на острове Фарос близ Александрии, считавшийся одним из семи чудес света.

Велелепно – великолепно.

Фивы – один из крупнейших городов и художественных центров Древнего Египта, разрушенный в 88 г. до н. э. Птолемеем IX Сотером при подавлении народного восстания.

Персеполь – древняя столица Персии.

Мемнон – гигантская статуя фараона в окрестностях Фив, издававшая при появлении солнца гармонические звуки; считалась одним из семи чудес света.

Ловец – охотник.

Эгея на берегах – на берегах Эгейского моря.

Зеленый мирт Паллады – ошибка поэта: мирт был посвящен богине Афродите.

Певец слепой – Гомер.

Аррей – Арес.

На Тибровых...холмах – в Риме, который расположен на семи холмах.

Лебедь Мантуи – поэт Вергилий, уроженец Мантуи.

Взрыв Трои пепл злосчастный. Эпопея Вергилия «Энеида» начинается с описания захвата и разрушения Трои греками.

Сретаает – встречает.

Изъязвленну главу Италия от склеп железных освобождает...на выю ставши льву! Речь идет об освободительном движении в Италии в 1820 г. от австрийского владычества (в гербе Австрийской империи был изображен лев с короной).

Феррарский орел – итальянский поэт Торквато Тассо (1544–1595), долгие годы живший в Ферраре при дворе герцога.

Храм Солимы – Иерусалимский храм, упоминаемый здесь в связи с поэмой Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Таг – Тахо, самая большая река на Пиренейском полуострове.

Гвадалквивир – река на юге Испании.

Младой Певец, принесший песни с берегов другого мира – португальский поэт Луис Камоэнс (1525–1580), автор поэмы «Лузиады» (1572), рассказывающей о плавании Васко да Гамы в Индию и колонизации ее португальцами.

Два гения; хранители Эдемских врат – английский поэт Д. Мильтон (1608–1674), автор поэм «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671), и немецкий поэт Ф. Г. Клопшток (1724–1803), автор религиозной эпической поэмы «Мессиада» (1751–1773) и трагедий на библейские сюжеты.

Тамиза – река Темза.

Росский Пиндар – Ломоносов, родившийся неподалеку от села Холмогоры; Пиндар (ум. 442 или 438 до н. э.) – древнегреческий поэт, автор гимнов.

Поллюкс (Поллукс) и Кастор – самые яркие звезды из созвездия Близнецов.

Отец и царь-герой – Петр I.

Певцом Фелицы (т. е. Екатерины II) Тютчев называет Г. Р. Державина.

Царя-героя в колыбели. Этот и след. ст. до ст. 194 посвящены прославлению

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Александра I. Выражение «на троне Человек» заимствовано из «Стихов на рождение в Севере порфиородного отрока» Державина.

Янус (рим. миф.) – божество входа и выхода, изображавшееся двуликим. Почитался в Древнем Риме наравне с Юпитером. Двери храма Януса растворялись во время войны и закрывались при наступлении мира. В выражении «Закрылись Януса врата» содержится намек на победоносное завершение Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.

Горé и долу – вверху и внизу.

*7. Соч. 1900. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, находившемуся до ноября 1836 г. у С. Е. Раича. В автографе перед текстом помета неизвестной рукой «к Р...». Обращено к домашнему учителю юного Тютчева Семену Егоровичу Раичу (1792–1855) и написано по поводу окончания им перевода поэмы Вергилия «Георгики». Долгое время скрывая свой труд от посторонних, Раич показывал его только Тютчеву. См.: С. Е. Раич. Автобиография // «Рус. библиофил». 1913, № 8. С. 24 Отдельное издание раичевского перевода «Георгики» вышло в 1821 г.

Древо Аполлона – лавр.

*8. РС. 1887, № 10, с ошибкой в ст. 6, ценз. пропусками в ст. 8 и 11 и случайным пропуском ст. 22. – «Сев. цветы на 1903 год». Спб., 1903. – Печ. по списку из тетради С. Д. Полторацкого (ГБЛ), с исправлениями по «Сев. цветам». 1 нояб. 1820 г. М. П. Погодин отметил в своем дневнике разговор с Тютчевым о пушкинской оде «Вольность» (см.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1888. Кн. 1. С. 194). В бумагах Погодина в ГБЛ имеется список двух последних строк «Вольности», сделанный рукою Тютчева.

Алцей – Алкей (VII–VI вв. до н. э.) – древнегреческий поэт, в одах которого звучали тираноборческие мотивы.

9. «Красный архив». 1923, т. 4. – Печ. по автографу ГБЛ. Эпиграмма направлена против профессора Михаила Трофимовича

Каченовского (1775–1842), читавшего в Московском университете курсы археологии и теории изящных искусств. М. П. Погодин в некрологе Тютчева писал, что поэт, сидя на лекциях Каченовского и не слушая профессора, «строчил на него эпиграммы» (МВ. 1873, 29 июля).

*10. ТОЛРС, 1822, ч. 2, кн. 4. – Печ. по альм. «Новые Аониды на 1823 год». М., 1823. Перевод ст-ния А. Ламартина «L'isolement» («Уединение») из сб. «Поэтические размышления», вышедшего в 1820 г. 18 марта 1822 г., было прочитано С. В. Смирновым в обществе любителей российской словесности при Московском университете как оригинальное произведение Тютчева (см.: «Отечественные записки». 1822, № 25. С. 279).

Дольный – земной.

*11. ТОЛРС. 1822, ч. 1, кн. 2, под загл. «Весеннее приветствие стихотворцам», др. ред. с ошибкой в подписи: Н. Тютчев. – РЗ. 1828, № 11/12.

*12. РЗ. 1828, № 13/14. Две первые строфы были ранее процитированы в статье Делибюрадера (Д. П. Ознобишина) «Отрывок из сочинений об искусствах» // Сл. С. 358.

М<уравьев> Андрей Николаевич (1806–1874) – следующий после Тютчева ученик С. Е. Раича, впоследствии поэт и религиозный писатель. По своему содержанию ст-ние перекликается с мыслями, высказанными в книге Б. де Сен-Пьера «Исследование природы», в ст-нии Ф. Шиллера «Боги Греции», в «Эмиле» Ж.-Ж. Руссо, а также в «Рассуждении о дидактической поэзии» С. Е. Раича (М., 1822), а позднее – в ст-нии Е. А. Боратынского «Приметы». См.: Лейн. С. 46–47; Пигарев. С. 203–205.

Вы книгу Матери-природы читали ясно без очков. Ср. в «Эмиле» Ж.-Ж. Руссо: «Одна только книга открыта всем очам – это книга природы... Она говорит всем людям и языком, понятным для всех умов» (Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. М., 1981. Т. 1. С. 369).

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
13. ТОЛРС. 1822, ч. 2, кн. 4, с ошибкой в подписи: Н. Тютчев. Перевод ст-ния Шиллера «Nektors Abschied».

Пелид – Ахилл, сын Пелея.

Пергам – крепость в Трое.

Стиксовы брега (греч. миф.). – подземное царство Аид, где протекает река Стикс.

Приамов род – род царя Трои Приама, отца Гектора, Париса, Кассандры и многих других сыновей и дочерей (всего их было 50), погибших во время Троянской войны.

14. «Русская потаенная литература XIX столетия». Лондон, 1861, ч. 1. под загл. «Молитва». – Тютч. сб., с подписью: Ф. Т., по списку из альбома 1820-х гг., в статье Томашевского Б. В. и Тынянова Ю. Н. «Молодой Тютчев». Ст. 1 – цитата из великопостной молитвы Ефрема Сирина.

15. Тютч. сб., по списку из альбома 1820-х гг. (см. примеч. к предыдущему ст-нию*).

Ной – мифический родоначальник нового человечества после всемирного потопа; в числе разных подробностей о Ное Библия упоминает и о его пристрастии к вину.

16. «Русская потаенная литература XIX столетия». Лондон, 1861. – Тютч. сб., по списку из альбома 1820-х гг. (см. примеч. 14). – Печ. по списку неизвестной рукой (ЦГАЛИ) с уточнениями по списку Д. И. Сушковой (ЦГАЛИ). Ст-ние обращено к двоюродному брату поэта, Алексею Васильевичу Шереметеву (1800–1857), который служил в лейб-гвардии конной артиллерии, а затем в должности адъютанта при гр. П. А. Толстом (1761–1844), командующем пятым пехотным корпусом. Корпус был расквартирован в Москве, где проживали мать и сестры А. В. Шереметева (в доме Тютчевых в Армянском переулке).

Герой-агроном – П. А. Толстой, бывший одним из главных деятелей Московского общества сельского хозяйства.

17. Сл. Перевод оды Ф. Шиллера «An die Freude» («К радости»).

18. Г. 1829, № 29.

*19. Сл. – С-5. – Печ. по Сл. Эпиграф – из ст-ния «Alcaic fragment» («фрагмент из Алкея») английского поэта Томаса Грэя (1716–1771), ранние стихи которого написаны по-латыни.

Пафосская царица – богиня красоты Афродита (греч. миф.). В Пафосе, древней финикийской колонии на острове Кипр, находился посвященный Афродите храм, вокруг которого в изобилии росли розы.

*20. Сл. – Печ. по С-5. Автограф – ЦГАЛИ. Перевод ст-ния Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» («Книга песен»: «Лирическое интермеццо», 33). Самый ранний перевод из Гейне на русский язык. Впоследствии это ст-ние переводили М. Ю. Лермонтов, А. Н. Майков, М. Л. Михайлов, А. А. Фет и другие, но только в тютчевском переводе сделана попытка передать метрическое своеобразие подлинника, что особенно чувствуется в ранней ред. В Сл ст-ние было напечатано без указания автора подлинника, что вместе с названием придавало ст-нию «характер собственной лирической темы» (см.: Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 395).

*21. Г. 1830, № 41. – С-5. – Печ. по Г. Перевод ст-ния Г. Гейне «Liebste, sollst mir heute sagen...» («Книга песен», «Лирическое интермеццо», 16).

Василиск – сказочный змей, убивающий взглядом.

*22. Г. 1830, № 8. – Г. 1839, № 21. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Перевод ст-ния Г. Гейне «wie der Mond sich leuchtend dränget...» (1824). Возможно, что Тютчев переводил его по «Книге песен» («Опять на родине», 42), вышедшей в 1827 г.

23. Сл, с подписью: Т. На принадлежность ст-ния Тютчеву впервые указал И. С. Аксаков (см.: Аксаков. С. 320–321), но без какой-либо аргументации. Атрибуция Аксакова была поддержана В. Я. Брюсовым в статье «О собрании сочинений Ф. И.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru Тютчева» (РА. 1898, вып. 10. С. 251). Начиная с Соч. 1900 ст-ние входит во все тютчевские собрания. Приписывалось также В. И. Туманскому (см.: Недоброво Н. В. Несколькo замечаний на книгу «В. И. Туманский. Стихотворения и письма» // «Изв. Отд. рус. языка и словесности имп. Академии Наук». 1912, т. 17, кн. 3. С. 357–360). Учитывая идейно-тематические параллели с ранней любовной лирикой Тютчева, соответствие словоупотребления стилистике и грамматике поэтического языка Тютчева и то, что в СЛ опубликовано 6 ст-ний поэта, вряд ли можно сомневаться в принадлежности ему этого ст-ния. Вм. ошибочного «сжет» в ст. 16 Аксаков напечатал «жжет». Брюсов предложил читать в ст. 11 «живет» вм. «живем». Эта поправка, однако, совершенно не обязательна. Адресат ст-ния не установлен. Г. И. Чулков высказал предположение, что оно написано под впечатлением любовного увлечения поэта А. М. Лерхенфельд (см.: Чулков Г. Последняя любовь Тютчева. М., 1928. С. 14).

Горé – вверху.

В ночи греха, на дне ужасной бездны, Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет. Смысл этих ст. очень близок к мысли Ф. Шеллинга о том, что «светящееся и в каждом отдельном человеке в глубине тьмы сияние жизни становится для грешника пожирающим его огнем...» (см.: Шеллинг Ф. Философские исследования о сущности человеческой свободы. М., 1900. С. 53).

24. Ур. Вариация на тему ст-ния Ф. Шиллера «An Minna». («К Минне»).

Ниса – условное поэтическое имя.

*25. Ур. Вольный перевод ст-ния И.-Г. Гердера «Morgengesang im Kriege» («Утренняя песнь на войне»).

Петел – петух.

Перун – здесь: молния.

26. Ур. Написанное в первые годы пребывания за границей, ст-ние исполнено чувства тоски по родине, по юным годам, проведенным в литературном кружке С. Е. Раича.

Воздушная арфа (или Эолова арфа) – музыкальный инструмент в виде ящика, в котором натянуты струны, звучащие от движения воздуха. Такая арфа имела в доме С. Е. Раича в Москве на Серединке, за Сухаревой башней (см.: Дмитриев М. Воспоминания о Раиче // МВ. 1855, 24 нояб.). Воздушная арфа упоминается, по-видимому, и в ст-нии «Cache-cache» (№ 38).

По небесах – от старослав. «по небесьхъ», т. е. по небесам.

*27. Сл. – С-5. – Печ. по Сл. Перевод ст-ния Д.-Г. Байрона «Lines written in an album at Malta» («Строки, написанные в альбом на Мальте»). У Байрона ст-ние обращено к женщине. Изменение загл. и тем самым обращения связано с ностальгическими мотивами лирики Тютчева этой поры.

28. Сл. – Вариация на тему четверостишия И.-В. Гете «Sakontala» (из цикла «Antiker Form sich näherend»), вызванного переводом на немецкий язык (Г. Форстера) драмы «Саконтала» (правильнее: «Шакунтала») древнеиндийского поэта V в. Калидасы.

*29. РА. 1881, кн. 1, вып. 2. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано в связи с обнародованием в июле 1826 г. приговора по делу декабристов. Неприятие тактики декабристов сочетается у Тютчева с осуждением самовластья, своим произволом толкнувшего их на безрассудную попытку «растопить вечный полюс», «железную зиму» самодержавия и крепостничества.

И ваша память от потомства, Как труп в земле, схоронена. Возможно, здесь содержится намек на то, что место захоронения пяти казненных декабристов по приказу царского правительства было засекречено.

*30. Г. 1830, № 220. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, отосланному С. Е. Раичу. Автограф ранней редакции (1826) – ЦГАЛИ (на одном листе с автографом ст-ния №

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru 29).

Шум от стаи журавлиной – выражение, заимствованное из баллады В. А. Жуковского «Ивиковы журавли».

31. «Атеней». 1829, кн. 1. – Печ. по автографу ЦГАЛИ (из бывшего раичевского собрания). В этом шуточном ст-нии Тютчев кратко рисует литературный путь С. Е. Раича (см. примеч. 7) до выхода отдельного издания осуществленного им перевода «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо в дек. 1827 г. Избранный Раичем для перевода размер стиха (чередование четырехстопного и трехстопного ямба) вызвал полемику, на которую Тютчев намекает в своем ст-нии, написав его тем же размером (см.: примеч. Н. В. Королевой к Ст. 1962. С. 383); см. также примеч. к ст-нию «Каким венком нам увенчать...» (№ 380)*, посвященному выходу отдельного издания «Освобожденного Иерусалима».

Предстал во храм Свободы и т. д. Возможно, намек на участие С. Е. Раича в преддекабристской организации Союз благоденствия в 1818–1821 гг., где преобладала тактика мирного воздействия на умы.

Амур резвился вокруг него и дани брал с поэта. Очевидно, намек на эротические ст-ния Раича «К Лиде», «Песнь Мирзы» и др.

Повесть...Орфеевой супруги. Имеется в виду рассказ об Орфее и Евридике из книги 4-й переведенной Раичем поэмы Вергилия «Георгики».

Он так достиг земных венцов – намек на алмазный перстень, полученный Раичем от императрицы за альм. СЛ.

На диспуте магистра. 29 апр. 1822 г. Раич защитил магистерскую диссертацию «Рассуждение о дидактической поэзии» (М., 1822).

32. «Искусство». 1923, № 1. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф из числа тех, которые были посланы Тютчевым в конце 1820-х гг. С. Е. Раичу. Перевод ст-ния Г. Гейне «Das Herz ist mir bedrückt und sehnlich...» («книга песен»: «Опять на родине», 39), впервые напечатанного в ч. 1 «Путевых картин».

*33. Г. 1830. № 40. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева. Автограф из посланных Тютчевым в 1820-х гг. С. Е. Раичу. Перевод ст-ния Г. Гейне «Fragen» из цикла «Северное море», впервые опубликованного во 2-й части «Путевых картин» и вошедшего в 1827 г. в «Книгу песен»

В халдейских шапках – в островерхах колпаках халдейских звездочетов; халдеи – древнее население Месопотамии – славились своими астрологами, которые составили первую в истории карту звездного неба.

34. Г. 1830, № 40, по ошибке – как заключительные строки ст-ния «Вопросы» (см. примеч. 33*). – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева.

Как шла Креуза за Энеем. Эней и Креуза – персонажи эпоса Вергилия «Энеида». Когда Эней покинул Троию, его жена Креуза последовала за ним, но все время отставала в пути и наконец исчезла. Ее взяла к себе мать Энея Афродита, так как Креузе не было предназначено покинуть Троию.

35. Соч. 1886. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф – из числа посланных в конце 1820-х гг. С. Е. Раичу. Перевод ст-ния Г. Гейне «Der Schiffbrüchige» («Потерпевший кораблекрушение») из второго цикла «Северное море» (№ 3).

*36. Г. 1829, № 3. – Печ. по С-3.

Геба (греч. миф.) – богиня вечной юности, разносившая богам нектар.

Зевесов орел. Орел был символом верховного бога Зевса.

*37. Г. 1829, № 8, с ценз. пропуском ст. 11–12, обозначенных точками – С-5, без обозначения пропуска. – Печ. по Г. В. в позднейшей ред. С строфа 2 стала синтаксически несогласованной: возникло противоречие между риторической вопросительностью ст. 9 и повествовательностью соединенного с ним (союзом «и») ст. 10. В результате в значительной степени стерлось противопоставление: «ум

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru людей твоею тенью полн, а тень твоя... чужда всему». На тексте С явно сказалось то, что он правился спустя четверть века после написания ст-ния. Если в конце 1820-х гг еще явственно ощущался «отзывный гул» наполеоновских побед и «тень» Наполеона была еще политической силой, то в 1854 г., когда прах его уже 14-й год покоился не на острове Св. Елены, а в Париже, от всего этого остался только исторический гул. В связи с этим во второй ред. непосредственное обращение к Наполеону было устранено.

Перун – здесь: молния.

38. Г. 1829, № 17. – Печ. с исправлением опечатки в ст. 17 («пылинки» вм. «былинки»), сделанным уже в С-5. В С-5 в ст. 7 «для меры» вставлена частица «бы» («Волшебную близость, как бы благодать»), которая перетянула на себя ударение. При этом качественный союз «как» заменен на сравнительный союз «как бы». Не исключено, что ст-ние первоначально было написано со значительным количеством так называемых дольников, в большинстве своем исчезнувших в результате редактирования. Указание П. В. Быкова (Соч. 1913. С. 618), будто ст-ние написано в Мюнхене «в первый год женитьбы поэта на г-же Петерсон (урожд. Ботмер) и, вероятнее всего, к ней и относится», документально не подтверждается. Сомнительно и предположение Р. Ф. Брандта, что ст-ние могло быть написано «как бы от имени дорогого наставника <Раича>... в виде обращения к его любимой подруге» (см.: Брандт, кн. 2. С. 164). Р. Лэйн обнаружил, что это ст-ние является переложением ст-ния Л. Уланда «Nähe» («Близость», 1809). См.: Лэйн. С. 47–49.

Сильфиды (герм. миф.) – духи воздуха, легкие, подвижные существа.

39. Г. 1829, № 24. Начало ст-ния перекликается с началом 7-го сонета В. Шекспира.

*40. Г. 1829, № 34, слитно со ст-нием № 41 и с разбивкой всего текста на три части римскими цифрами. – С-3. – Печ. по Г. 1829.

Атлас, или Атлант (греч. миф.) – гигант, держащий на своих плечах небесный свод.

Живая колесница мироздания – планета Земля (античная перифраза, свойственная и поэтике классицизма; ср. «колесница дня» – солнце, «колесница ночи» – луна).

41. Г. 1829, № 34, слитно со ст-нием № 40. – Печ. по Р. 1854. По причине панславистской направленности «Олегов щит» не вошел в С-3. Первоначально текст данного ст-ния был частью ст-ния «Видение» (см. № 40), композиция которого такова: 1-я часть – впоследствии отдельное ст-ние «Видение» – передает античное мировосприятие; 2-я часть содержит раннехристианскую (строфа 1) и мусульманскую (строфа 2) молитвы; наконец, 3-я часть, содержащая легенду об Олеговом щите, – символическое выражение уверенности в великом будущем России и православия. Написано, видимо, в связи с русско-турецкой войной 1828–1829 гг. Как и в одноименном ст-нии Пушкина, в нем использовано летописное сказание о щите, прибитом киевским князем Олегом на городских воротах Константинополя. Для Тютчева, очевидно, имело особое значение то, что именно в Константинополе (Царьграде, Стамбуле) в 381 г. на Вселенском соборе был принят Символ веры, в котором излагалась сущность православного вероучения. Новое обращение Тютчева к ст-нию и его правка связаны с тем, что оно опять стало актуальным накануне и в начале Крымской войны 1853–1856 гг.

Гяуры – тюркское название иноверцев, немусульман.

Избранный народ – еврейский народ, выведенный, по библейскому преданию, Моисеем из египетского плена через пустыню в «землю обетованную».

*42. Г. 1830, № 1. Начиная с. Соч. 1886 до ПССТ. 1957 печ. с ошибкой (редакторской поправкой А. Н. Майкова?) в ст. 11, искажавшей философскую мысль ст-ния.

43. Г. 1830, № 13, слитно со ст-нием № 44, под общим загл. «В горах» и с пометой «Салцбург». – С. 1836, т. 3. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано в г. Зальцбурге (Австрия), где Тютчев был, видимо, в янв. 1828 г. по пути в Тироль. Об этой поездке, совершенной вместе с женой, ее сестрой К. Ботмер и братом поэта Николаем, см.: Пигарев. С. 99.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
*44. Г. 1830, № 13, слитно со ст-нием № 43, с дополнит. строфой после строфы 1. – С. 1836, т. 3 – Печ. по автографу ЦГАЛИ, отосланному в мае 1836 г. И. С. Гагарину. Черновой автограф – ЦГАЛИ. От строфы 2 текста Г автор, видимо, отказался потому, что она вносила слишком конкретные пейзажные детали, нарушая общую развернутую метафору ст-ния, и к тому же отличалась от остальных по способу рифмовки. Написано в г. Зальцбурге, где находятся гора и озеро Унтерберг

Дольний – земной, человеческий.

*45. С. 1836, т. 3. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, посланному в 1829 г. С. Е. Раичу. Второй автограф ЦГАЛИ по почерку представляется более ранним.

Великий Пан в пещере нимф покойно дремлет
Полдневный час считался священным у древних греков. В этот час отдыхал Пан – бог долин, лесов, стад и пастухов.

46. Г. 1830, № 27. – С. 1836, т. 3, без загл. – Печ. по Г. Отсутствие загл. в С объясняется тем, что копия И. С. Гагарина, по которой печатал С, была снята с черного автографа. Б. М. Эйхенбаум указывал на связь этого ст-ния со ст-нием А. Ламартина «Les étoiles» (см.: Эйхенбаум Б. Лермонтов. Л., 1924. С. 162).

*47. С. 1836, т. 4. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, отосланному в конце 1820-х гг. С. Е. Раичу. Два беловых автографа – ЦГАЛИ. Перекликается со ст-нием Г. Гейне «Als ich, auf der Reise, zufällig...» («книга песен»; «Опять на родине», 6), посвященным сестрам Амалии и Терезе Гейне. В ст-нии речь идет о жене Тютчева Элеоноре Ботмер (1799–1838), в первом браке – Петерсон, и ее сестре Клотильде (1809–1882), которая была моложе Элеоноры на 10 лет (см.: Николаев А. А. Судьба поэтического наследия Тютчева 1822–1836 гг. // «Рус. литература». 1979, № 1. С. 134).

48. лн. 1935, № 19/21. – Печ. по автографу архива Канцелярии Министерства иностранных дел. Автограф был приложен к депеше русского посланника в Баварии И. А. Потемкина вице-канцлеру К. В. Нессельроде от 12 окт. 1829 г. Перевод ст-ния Людвиг I Баварского «Nicolaus, das ist der volksbesieger...».

Неистовство врагов его смирил. Написано по поводу победоносного завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Луна покрылась тьмою. В гербе Турции имеется изображение полумесяца.

Османовы врата. Имеется в виду Стамбул (Константинополь), столица Османской империи с 1453 г. (после падения Византийской империи).

«Да будет свет!» – цитата из Библии (Бытие, 1.3).

49. РА. 1879, вып. 5 – Печ. по автографу ЦГАЛИ, отосланному в конце 1820-х гг. С. Е. Раичу. Другой беловой автограф – ЦГАЛИ. Адресат не установлен. Возможно, что ст-ние было написано до 1825 г. и обращено к будущей жене, Э. Ботмер (см. примеч. 47).

*50. М. 1851, № 11. – Печ. по автографу окончательной ред. ЦГАЛИ начала 1850-х гг. Один автограф ранней ред. (ЦГАЛИ) был послан С. Е. Раичу, другой (также ЦГАЛИ) – И. С. Гагарину в мае 1836 г. Они находились у Гагарина в Париже с 1838 до 1875 г.

51. Д. Автограф – ЦГАЛИ, без загл.

52. «Денница: Альманах на 1834 год». М., 1834. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, отосланному в 1829 г. С. Е. Раичу. Два других автографа – ЦГАЛИ и собр. Д. Д. Благого (черн. и бел.). Перекликается с позднейшим стихотворным обращением к А. А. Фету «Иным достался от природы...» (№ 250). В обоих ст-ниях создан излюбленный в мистической символике образ водоискателя – человека, умеющего распознавать в безводных местах подземные источники ключевой воды (см.: Бухштаб Б. Я. Ф. И. Тютчев // ПСст. 1957. С. 25–26). Н. Я. Берковский считает, что ст-ние полемично по отношению к Шеллингу и его последователям, в глазах которых водоискатели были «посвященные, доверенные лица самой природы» (см. вступит. статью к наст. изд. с. 21).

53. РА. 1879, вып. 5, под загл. «В дороге». – Печ. по автографу ЦГАЛИ,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru отосланному около 1830 г. С. Е. Раичу. Два других автографа – ЦГАЛИ и собр. Д. Д. Благого (черн. и бел.). Написано, по-видимому, во время поездки в Париж и Рим в окт. 1829 г.

*54. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, отосланному около 1830 г. С. Е. Раичу. Черновой автограф – ЦГАЛИ, в одной рукописи со ст-ниями № 47, 52 и 55. Беловой автограф – в собр. Д. Д. Благого.

Угоден Зевсу бедный странник. Зевс был покровителем странников.

*55. Д. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, отосланному около 1830 г. С. Е. Раичу. Черновой автограф – ЦГАЛИ.

*56. Т. 1832, № 10. Черновой автограф – ЦГАЛИ, без загл. Перевод ст-ния И.-В. Гете «Nachtgedanken».

Оры (рим. миф.) – богини времени.

57. Т. 1832, № 15. Черновой автограф – ЦГАЛИ, без загл., но, в отличие от всех печ. текстов, указан автор немецкого подлинника. Автограф – на одном листе со ст-нием № 55. Перевод ст-ния немецкого поэта-романтика Л. Уланда (1787–1862) «Frühlingsruhe».

*58. Г. 1830, № 38. – Печ. по автографу окончательной ред. ЦГАЛИ, датируемому первой половиной 1830-х гг. Черновой автограф ЦГАЛИ близок к тексту Г. Перевод ст-ния И.-В. Гете «Geistesgruß».

*59. Г. 1830, № 42. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Перевод баллады И.-В. Гете «Der Sänger». И. С. Аксаков, не знавший о существовании этого тютчевского перевода, писал: «К Тютчеву именно применяются слова гетевского певца <приводятся ст. 29–32 немецкого подлинника>. В самом деле, в чем же состояла награда... певца Тютчева во время его 22-летнего пребывания за границей, как не в самой спетой песне, никем, кроме его, не слышимой? Условием всякого преуспевания таланта считается сочувственная среда, живой обмен впечатлений. А Тютчеву четверть века приходилось петь как бы в безвоздушном пространстве» (Аксаков. С. 83–84). До Тютчева это ст-ние перевели Жуковский и Катенин.

*60. Соч. 1886. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, отосланному в 1829 г. С. Е. Раичу. Автограф ранней ред. – ЦГАЛИ. Перевод ст-ния «Hedgire» («Геджра»), им открывается «Западо-Восточный Диван» И.-В. Гете.

Гафиц – знаменитый персидский поэт Хафиз (1325–1390), поэзией и личностью которого вдохновлены обширные изыскания Гете в области истории культуры и литературы Востока.

Фата – здесь: паранджа.

Амбра – амбра, ароматическое вещество, известное с древних времен; используется в парфюмерии.

*61. Соч. 1886. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, отосланному в 1829 г. С. Е. Раичу. Автограф более ранней ред. – ЦГАЛИ. Перевод баллады И.-В. Гете «Der König im Thule» («фульский король»), включенный в качестве песни Маргариты в 1-ю часть «Фауста» (сцена «Вечер»).

*62–63. Альм. «Сиротка на 1831 год». М., 1831, со строкой точек вм. ст. 5–7. – Первое ст-ние печ. по автографу ЦГАЛИ, где в тексте 2-го ст-ния нет ст. 15–18 – рукопись сохранилась не полностью. Переводы первой и второй песен арфиста («Wer nie sein Brod mit Tränen aß...» и «Wer sich der Einsamkeit ergibt...») из 13-й гл. 2-й кн. «Ученических годов Вильгельма Мейстера» И.-В. Гете.

*64–65. «Молва», 1833, 19 янв. Черновой автограф – ЦГАЛИ. Переводы отрывков из 5-го действия 1-й сцены комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь»: 1-й – из монолога Тезея (со слов «The lunatic, the lover and the poet...»), 2-й – отрывок песни Пукка (со слов «Now the hungry lion roars...»).

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
*66. «Рус. современник». 1924, № 1. Перевод отрывка из поэмы Й.-Х. Цедлица «Totenkränze» («Венки мертвым»), вышедшей в 1828 г.

Сия обитель – Ньюстэдское аббатство, родовое поместье Байрона.

Сын Камены – поэт; камена (римск. миф.) – то же, что муза.

Зачем бежал ты собственного крова. Разрыв Байрона с реакционными кругами английского общества вынудил его в 1816 г. навсегда покинуть Англию. В поэме путешествия Байрона по странам Европы и Ближнего Востока после окончательного отъезда из Англии переплетаются с его впечатлениями от путешествий 1809–1811 гг. (Португалия, Испания, Мальта, Албания, Греция, Малая Азия).

Безвременно почивший. С 1823 г. принимавший участие в национально-освободительной войне греков против турецкого ига, Байрон умер в 1824 г. в городе Миссолунги 36 лет от роду.

Титан ли ты, чье сердце снedy врана. Имеется в виду древнегреч. миф о Прометее.

Страна любви, геройства, приключений – Испания.

Альгамбра – дворец мавританских властителей Испании (XIII–XIV вв.) на вост. окраине Гранады, отличающийся изощренным декоративным убранством, пышной орнаментальной отделкой.

Совершитель тризны благочестной. Путешествуя по Европе, Байрон посетил поле битвы при Ватерлоо.

Титан громадный – очевидно, Монблан. Строфа, посвященная Италии, в подлиннике отсутствует и введена переводчиком.

Как льдистые лавины, Полночные срывались народы. Речь идет о германских племенах, которые в древности вторгались в Италию со стороны Альп.

Парфенон – храм богини Афины Парфенос на Акрополе в Афинах, величайший памятник древнегреческого искусства (V в. до н. э.).

Бой вспылал Отчаяния с Силой! Война греков за свою независимость от турецкого владычества, начавшаяся в 1821 г.

Горé – вверху.

Днесь – теперь.

*67. Соч. 1900. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Перевод монолога Терамена из 5-го акта 6-й сцены трагедии, в котором идет речь о гибели

Ипполита, сына афинского царя Тезея. К концу 1820-х гг. в России вышло уже пять полных переводов «Федры». Тютчев перевел монолог, до него переведенный Г. Р. Державиным (1811) и П. А. Катениным (1828), также в архаической манере.

Из Трезенских врат – из ворот Пелопонесского города Трезена (в Арголиде), где родился Ипполит.

Микенская дорога – дорога от Трезена до города Микены (также в Арголиде).

Ариция – афинская царевна, которую любил Ипполит.

Мрак ужасной клеветы и т. д. Ложно обвиненный своей мачехой Федрой в том, что он домогался ее любви, Ипполит был проклят отцом.

*68. РА. 1885, вып. 6. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Перевод строф 7–16 оды итальянского поэта А. Мандзони «Il cinque maggio» (1821), посвященной Наполеону, умершему 5 мая 1821 г. Р. Ф. Брандт считал, что Тютчев переводил с подлинника, но под влиянием гетевского перевода этого ст-ния на немецкий язык (см.: Брандт. Кн. 2. С. 231).

*69. Нст. 1926. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Перевод в стихах 31-й гл. ч. 3.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru «Путевых картин» Г. Гейне, вышедшей в дек. 1829 г. Возможно, что Тютчев был знаком с текстом главы раньше. Хотя он переложил прозаический текст белым стихом, его перевод очень точен и в какой-то мере передает даже ритмический строй оригинала. Желая придать большую цельность переведенному отрывку, Тютчев нарушил последовательность частей подлинника. Немецкому тексту соответствует такой порядок строк: 32–50, 1–30, 51–60.

Ларвы (рим. миф.) – души безвременно умерших или погибших насильственной смертью, скитающиеся по ночам в виде привидений.

Ерев – Эреб (греч. миф.) – подземное царство, олицетворение вечной тьмы.

Так думал я и вышел из повозки. 31-я гл. 3-й ч. «Путевых картин» начинается так: «Я за русских», – сказал я на поле битвы при Маренго и вышел на несколько минут из кареты...» (Гейне Г. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1971. С. 680). В предыдущей 30-й гл. речь идет о России, о русско-турецкой войне 1828–1829 гг., о свободе, которая возникла в России, по мнению Гейне, «на основе принципов», а не исторических условий (Там же). В этой главе сказались тогдашняя европейская популярность императора Николая I, добившегося от Турции предоставления независимости Греции. Популярность эта исчезла после разгрома польского восстания 1831 г. Очевидно, в этой главе сказались также влияние постоянного общения Гейне с Тютчевым в феврале – апреле 1828 г.

*70. С. 1836, т. 3, без разделения на строфы. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, датируемому по почерку началом 1830-х гг. В 1829 г. ст-ние было послано С. Е. Раичу (второй автограф ЦГАЛИ).

*71. Д. – С. 1836, т. 3. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, датируемому – началом 1830-х гг. Текст Д восходит к более раннему, несохранившемуся автографу. Существует предположение, что данное ст-ние является «прямым и непосредственным откликом» на Июльскую революцию во Франции. См.: Благой Д. Три века: Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX вв. М., 1933. С. 207. Этому, однако, противоречит тот факт, что стихи для Д были посланы Тютчевым в окт. 1829 г. См. письмо П. В. Киреевского из Мюнхена к родным от 7/19 окт. 1829 г. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1986, вып. 4. С. 335. Об интересе Тютчева к римскому политическому деятелю и оратору Цицерону (106–43 до н. э.) свидетельствует хранящееся в усадьбе Мураново принадлежавшее поэту издание писем Цицерона в немецком переводе. Анализ ст-ния с обоснованием его текста см.: Николаев А. А. Художник – мыслитель – гражданин // «Вопросы литературы». 1979, № 1. С. 119–125.

«Я поздно встал и на дороге Застигнут ночью Рима был!» – перефразировка слов Цицерона: «...мне горько, что на дорогу жизни вышел я слишком поздно и что ночь республики наступила прежде, чем я успел завершить свой путь» (Цицерон М. Т. Брут, или О знаменитых ораторах // Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 327).

Капитолийская высота – главный из семи холмов, на которых расположен Рим; здесь находилась цитадель города и центр его политической жизни.

Закат звезды ее кровавый! Речь идет о гибели потопленной в крови гражданской войны 48–45 гг. до н. э. римской аристократической республики, идеологом которой был Цицерон. Результатом этой войны было установление диктатуры Юлия Цезаря. Мотив 2-й строфы ст-ния заимствован из ст-ния Шиллера «Боги Греции».

Всеблагие – боги.

*72. Т. 1832, № 13. – С. 1836, т. 3, с опечаткой в ст. 2. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, датируемому по почерку началом 1830-х гг. Текст Т восходит к более раннему автографу (не позднее 1829 г.). В тексте Т и в автографе в состав прямой речи (возгласы „гонцов“) входит также строфа 3. Хотя в С 1836 г. ст-ние печ. по этому же автографу (вернее, по копии с него рукой И. С. Гагарина), окончание прямой речи было передано неверно. Эта ошибка исправляется впервые. Возможно, написано под впечатлением от шествия «майской невесты» (Pfingsbraut; обряд на юге Баварии). См.: Филимонова Г. Д. Немцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: весенние праздники. М., 1977. С. 158–159.

*73. «Молва». 1833, 16 мар. – С. 1836, т. 3. – С-3 – Печ. по автографу ЦГАЛИ, датируемому по почерку началом 1830-х гг. Текст «Молвы», по-видимому, восходит к

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru более раннему автографу (не позднее 1830 г.). В С-3 ст-ние вошло в ред., которую традиционно называют «сушковскотургеневской». Однако если исправления Н. В. Сушкова (в ст. 4 и 17) действительно имеются в тексте С-3 (куда они перешли из СТ), то приписывать какие-либо исправления И. С. Тургеневу нет оснований. Поправки Сушкова явно вызваны желанием устранить перебои ритма, созданные чередованием (в пределах восьмисложника) четырехстопного ямба и трехстопного амфибрахия. Аналогичным изменениям ст-ние подверглось, видимо, и при первой публикации, хотя в тексте «Молвы» есть вар., которые нельзя с уверенностью считать результатом редакторского вмешательства. По мнению М. Л. Гаспарова, ритмические перебои данного ст-ния – попытка ввести в русский ямб ритмические вариации, характерные для французской силлабики (см.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984. С. 142).

*74. С. 1836, т. 3. – Г. 1839, № 2; С-3. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. В тексте С-3, восходящем к СТ, устранено чередование разных трехсложных размеров: дактили и анапесты выправлены на доминирующий амфибрахий. Переделка эта осуществлена, по всей вероятности, Н. В. Сушковым в период подготовки к печати неосуществленного издания ст-ний Тютчева. В тексте данного ст-ния в С-3 имеются два собственных вар. ст. 14 («И чудился шорох несметной толпы») и ст. 17, введенных по ценз. соображениям («По высям творенья я гордо шагал» вм. «как бог, я»). В тексте С. 1836 в ст. 11 была опечатка: «лугах» вм. «лучах». Она была исправлена самим Тютчевым в списке СТ, восходящем к С. 1836. В лирике (т. 1. С. 357) датировано сент. 1833 г., когда Тютчев совершил первое морское путешествие (с дипломатическим поручением в Грецию). Однако почерк автографа (на бумаге 1828 г.), его местоположение среди других рукописей (1830 г.) и наличие списка ст-ния в раичевском собр. (список также на бумаге 1828 г.) говорят о том, что оно было написано не позднее 1830 г., а скорее всего в 1830 г. Один из литературных источников «Сна на море» – ст-ние Ф. Н. Глинки «Сон» (1820).

Огневица (диалект.) – бред, горячка.

Сады-лабиринфы (лабиринты) – сады с затейливым, путаным расположением дорожек.

*75. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по списку раичевского собр. (ЦГАЛИ), восходящему к несохранившемуся автографу более поздней ред. Автограф – ЦГАЛИ. В Соч. 1900 помещено среди переводов, однако иностранный источник ст-ния не установлен. Образ волны – «морского коня» создан, по-видимому, не без влияния аналогичного образа у Байрона («Паломничество Чайльд Гарольда», песнь 3, строфа 2).

76. С. 1836, т. 3. Список – ЦГАЛИ, под загл. «Желание», на бумаге 1828 г., из раичевского собр.

*77. Соч. 1900, ст. 1–24. – Мур. сб. – Печ. по автографу ЦГАЛИ Перевод монолога дворянина дона Карлоса, стремящегося стать королем Испании, перед гробницей императора Карла Великого из 2-й сцены 4-го акта драмы В. Гюго «Эрнани» (1830).

Кесарь – император.

Промысл – здесь: божественное предначертание.

Курфюрст – германский князь, обладавший правом участвовать в выборе императора.

Конклав – совет кардиналов, созывавшийся для избрания папы римского.

Доги – дожди, правители Венеции.

Поднесь – до сих пор.

*78. С. 1837, т. 6. – Печ. по беловому автографу ЦГАЛИ. Черновой автограф – ЦГАЛИ. Написано на обратном пути из Петербурга за границу в окт. 1830 г.

Ливонские...поля. Ливонией в средние века называлась территория Латвии и Эстонии.

Крававу и мрачную ту пору. В 1202–1562 гг. Ливония находилась под владычеством духовно-рыцарского Ордена меченосцев.

Пустынная река – Западная Двина.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный, Про них и днем молчанье хранит.
Тютчев сравнивает природу, скрывающую свое прошлое, с библейским отроком Самуилом (1-я кн. Царств, гл. 3-я), который боялся объявить, что ему ночью было видение бога.

*79. С 1837, т. 6. – Печ. по беловому автографу ЦГАЛИ. Черновой автограф – ЦГАЛИ. Написано на обратном пути из Петербурга в Мюнхен в окт. 1830 г.

Ночь хмурая, как зверь стокий, Глядит из каждого куста! Вариация двух ст. из ст-ния И.-В. Гете «Willkommen und Abschied» («Свидание и разлука»). Процитировав ст-ние в своей статье о Тютчеве, Н. А. Некрасов заметил: «Два заключительные стиха... одни составляют целую превосходную картину. Кто не согласится, что рядом с ними эти похожие стихи Лермонтова <из «Мцыри»>:

И миллионом темных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста, –
значительно теряют в своей оригинальности и выразительности» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1950. Т. 9. С. 207).

*80. С. 1840, т. 19. Автограф – ЦГАЛИ, с вар. и датой: 1830 г. Написано в окт. 1830 г. на пути из Петербурга в Мюнхен.

81. РА. 1879, вып. 5 – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

82. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по беловому автографу ЦГАЛИ. Черновой автограф – ЦГАЛИ. Н. Аммон и Р. Ф. Брандт усматривают в этом ст-нии иносказательный смысл, считая, что Альпы изображают славянские племена (см.: Аммон Н. Несколько мыслей о поэзии Тютчева // «Журнал Министерства народного просвещения». 1899, июнь. С. 463; Брандт. Кн. 2. С 168–169).

83. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по беловому автографу ЦГАЛИ. Черновой автограф – ЦГАЛИ. В автографах ошибка в загл.: «Male aria». Навеяно описанием окрестностей Рима в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» (1807): «Нездоровый воздух – бич жителей Рима, он угрожает городу полным опустением; но именно поэтому роскошные сады, расположенные в пределах Рима, имеют еще большее значение. Коварное действие вредоносного воздуха не дает себя знать никакими внешними признаками: когда его вдыхаешь, он кажется чистым и очень приятным, земля щедра и обильна плодами, прелестная вечерняя прохлада успокаивает после дневного палящего зноя, но во всем этом таится смерть! – Меня влечет к себе, – сказал Освальд, – эта таинственная невидимая опасность, прячущаяся под сладостной личиной. Если смерть – в чем я уверен – призывает нас к более счастливому существованию, то почему бы аромату цветов, тени прекрасных деревьев, свежему дыханию вечера не быть ее вестниками? Конечно, всякое правительство должно заботиться о сохранении жизни людей; но у природы есть свои тайны, постичь которые можно лишь с помощью воображения, и я прекрасно понимаю, почему местные жители и иностранцы не бегут из Рима, хотя жить там в лучшую пору года бывает опасно» (Сталь де Ж. Коринна, или Италия. М., 1969. С. 87).

84. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по беловому автографу ЦГАЛИ. Черновой автограф – ЦГАЛИ. Кого имеет в виду Тютчев в этом ст-нии, не установлено. Автограф находится среди рукописей ст-ний, написанных на обратном пути из Петербурга в Мюнхен в окт. 1830 г. Перекликается со ст-нием И.-В. Гете «war schöner als der schönste Tag...» («Была прекраснее, чем прекраснейший день...»).

*85–89. 1, 3 и 5 – «Искусство». 1927, кн. 2/3. 2 – соч. 1900. 4. – г. 1830, № 5. – Печ. по автографам ЦГАЛИ. В конце 2-го отрывка ранее ошибочно печ.: «лишь естеством, тобою постижимым. Подобен ты – не мне!» (вм. «естествам»). См. в оригинале: «Du gleichst dem Geist, den du begreifst – nicht mir!» Переводы из 1-й части «Фауста»: 1-й отрывок из «Пролога на небе»; 2-й – диалог Фауста с Духом Земли из сцены «Ночь»; 3-й – монолог Фауста из сцены «Ночь»; 4-й – монолог Фауста из сцены «У ворот»; 5-й – монолог Фауста из сцены «Лес и пещера». Кроме этих отрывков Тютчев перевел полностью 1-й акт 2-й ч. «Фауста», но рукопись перевода была случайно уничтожена поэтом (см. письмо Тютчева к И. С. Гагарину от 7 июля 1836 г. // Соч. 1984. С. 19).

90–91. «Гражданин». 1875, 13 янв. (первое восьмистишие), РА. 1879, вып. 5

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru (второе восьмистишие). – Печ. по автографу ЦГАЛИ. До Соч. 1980 эти восьмистишия печ. как отдельные ст-ния и с разбивкой каждого на катрены, чего нет в автографе, где они выглядят как строфы одного ст-ния. В обоих восьмистишиях образ поэта сравнивается с месяцем, едва брезжущим днем и ярко сияющим ночью. Однако первое обращено к другу, а второе – к возлюбленной. Таким образом, эти восьмистишия являются не отдельными ст-ниями и не строфами одного ст-ния, а частями оригинального цикла (ср. композицию ст-ния «Два голоса», № 177), каждая часть которого представляет собой вариацию на тему «поэт и светское общество» и построена на противопоставлении «дневного» и «ночного» бытия поэта. Тема «поэта и большого света» сближает это ст-ние со ст-ниями Пушкина «Поэт» (1827) и «Поэт и толпа» (1828).

92. С. 1837, т. 6. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано в г. Ротенбурге (в Баварии).

93. С. 1836, т. 3. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

*94. С. 1836, т. 3. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Текст С. 1836 восходит к гагаринской копии с данного автографа (не сохранилась), однако в ст. 9-12 автографа совсем иная пунктуация. Ошибочная пунктуация С переносилась из издания в издание вплоть до настоящего времени. При авторской расстановке знаков пунктуации «древний, родимый хаос» относится не к «страшным песням» ветра, а к «любимой повести ночной души».

*95. С. 1836, т. 4. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. До Соч. 1980 ст. 1 печ. не по автографу – с тире вм. запятой после слова «моя»; это превращало приложение в сказуемое, отчего усиливалась мысль об отгороженности внутреннего мира от внешнего.

Элизиум (греч. миф.) – загробный мир, где блаженствуют тени (души) праведников.

Ни помыслам години буйной сей. Автограф ст-ния находится на одном листе рукописи со ст-нием «Как дочь родную на закланье...», посвященным подавлению польского восстания 1831 г., но записано оно в 1834–1836 гг. П. Н. Сакулин считал, что в этой строке имеется в виду Июльская революция 1830 г. во Франции (см.: Сакулин П. Русская литература и социализм. М., 1924. С. 468).

*96. РА. 1879, вып. 3. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Отклик на взятие Варшавы русскими войсками 26 авг. 1831 г. и антирусскую кампанию, развернувшуюся в связи с этим в европейской печати (в том числе – в баварской).

Как дочь родную на закланье Агамемнон богам принес. В «Илиаде» Гомера рассказывается о том, как вождь греков аргосский царь Агамемнон разгневал богиню Артемиду; дабы вымолить попутных ветров для отплытия под Трою, он дал обет принести ей в жертву свою дочь Ифигению. Сжалившись над Ифигенией Артемида заменила ее на жертвеннике ланью и перенесла в Тавриду, где сделала своей жрицей.

Коран самодержавья. Здесь «коран» в переносном смысле: нерушимый закон, бесспорное право.

Орел одноплеменный. Изображение орла – главная часть герба Польши.

Феникс (егип. миф.) – птица, сгорающая и возрождающаяся из пепла.

97. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Содержание ст-ния не оставляет сомнений в том, что оно вызвано смертью Гете. В 1820-х – начале 1830-х гг. творчество Гете привлекало к себе пристальное внимание Тютчева. Переводы из Гете у Тютчева самые многочисленные.

98. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по автографу ГПБ (альбом Н. В. Гербеля), датируемому 2 апр. 1857 г. Автограф ранней редакции – ЦГАЛИ. Об этом ст-нии см. вступ. статью Н. Я. Берковского, с. 22).

*99. С. 1838, т. 12. – С-3. – Печ. по С. 1838, т. 12.

Скальд – древнескандинавский народный певец.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Поднесь – до сих пор.

100. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано на озере Тегерн, находящемся неподалеку от Мюнхена. Созданный в ст-нии образ Веры, покидающей свой пустой дом (а убранство лютеранских церквей отличается строгой простотой и лишено украшений), по-видимому, является эмоциональным отголоском бесед поэта с Шеллингом. «Протестантство, – писал Шеллинг, – необходимо есть нечто движущееся вперед, поскольку оно должно преодолевать противостоящие ему силы и постепенно внутренне, без всяких внешних средств преобразовать их вместе с собою, превращая их в высшую будущую церковь; протестантство само по себе в такой же мере не есть церковь, как и католичество само по себе» (см.: Фишер К. Шеллинг, его жизнь; сочинения и учения. Спб., 1905. С. 254). Позднее Тютчев писал о протестантстве (в статье «Папство и римский вопрос»): «Протестантство с его многочисленными разветвлениями, которого едва хватило на три века, умирает от истощения во всех странах, где оно до сих пор господствовало...» (ПССоч. 1913. С. 476).

101. С. 1836, т. 4. – М. 1850, № 13. – Печ. по автографу ГПБ, относящемуся к 1850 г. Два автографа ранней редакции – ЦГАЛИ. Написано, по-видимому, в первые годы увлечения Э. Пфеффель (см. примеч. 134), т. е. в 1833–1834 гг.

Ветрило – парус.

102–*103. С. 1836, т. 4. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

*104. С. 1836, т. 4. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Вар. текста С. 1836, по-видимому, результат ред. правки по эвфоническим соображениям. При этом появившийся в ст. 4 эпитет «звонче» в контексте строфы не приложим к «голосу стрекозы». Тютчевский эпитет «резче» удачнее передает звучание стрекозиноного жужжания в предгрозовой тишине. О. Э. Мандельштам, не знавший авторского вар. этого ст. и, возможно, намекая на ударение, с которым Тютчев употребил слово «стрекоза», начал одно из своих ст-ний: «Дайте Тютчеву стрекозу, – Догадайтесь, почему!»

*105. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Во втором автографе ЦГАЛИ под загл. «Ночные голоса».

*106–107. С. 1836, т. 4. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

Пеня – жалоба, упрек.

*108. С. 1837, т. 6. – С-3. – Печ. по позднему списку МА с поправками поэта, но с исправлением ошибки переписчика в ст. 25 по автографу ЦГАЛИ.

*109. РА. 1879, вып. 5, под загл. «Сумерки», данным ст-нию И. С. Аксаковым, с опечаткой в ст. 11: «томный» вм. «темный» (впервые исправлена в Соч. 1980). – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Одно из любимейших ст-ний Л. Н. Толстого (см.: Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 56–57).

*110. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

Синель (диалект.) – сирень.

111. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

*112. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Тема, композиция и образы ст-ния близки к ст-нию А. Д. Илличевского «Орел и человек» (1827).

113. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

114. НСт. 1926. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Имея в виду балладный характер ст-ния, не типичный для лирики Тютчева, Г. И. Чулков предположил, что оно переводное. Но иностранный источник ст-ния до сих пор не установлен. Р. Лэйн считает, что оно написано под влиянием одного эпизода из повести А. А. Бестужева-Марлинского «Фрегат „Надежда“» (см.: Лэйн. С. 51–53).

*115. НСт. 1926. – Печ. по черновому автографу ЦГАЛИ. В автографе в ст. 46 описка: «дней» вм. «лет». Перевод песни П.-Ж. Беранже «Le vieux vagabond»

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
(«Старый бродяга»).

Ир – бродяга в «Одиссее» Гомера; в нарицательном смысле: бедняк, нищий.

116. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по копии И. С. Гагарина с несохранившегося автографа ЦГАЛИ. Вариация на тему ст-ния Г. Гейне «Es treibt dich fort von Ort zu Ort...» («Тебя несет из края в край...»).

117. Соч. 1900. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Перевод ст-ния Г. Гейне «In welche soll ich mich verlieben...» («В какую должен я влюбиться...») из цикла «Разные».

Буриданов друг – осел. Французскому философу Ж. Буридану (1300–1358) приписывается притча об осле, который был поставлен между двумя одинаковыми охапками сена и погиб от голода, ибо не смог предпочесть ни одной из них.

118. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Ст-ние входило в тетрадь, по которой знакомилась с лирикой поэта П. А. Вяземский, В. А. Жуковский и А. С. Пушкин и по которой стихи Тютчева печ. С в 1836 г. В копии ст-ния рукой И. С. Гагарина (БСП) имеется правка Жуковского в ст. 7: «Уж жаворонки взвились» вм. «И жаворонки в небе». Цель этой правки – ввести единственно недостающую в ст-нии рифмопару.

Взбесилась ведьма злая. Возможно, этот образ был создан под впечатлением обряда, распространенного в деревнях под Мюнхеном. В марте юноши и девушки имитируют весенние полевые работы; внезапно появляется «ведьма», которая безуспешно пытается им помешать. Сцена утверждает неизбежную победу лета над зимой. См.: Филимонова Г. Д. Немцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. М., 1977. С. 142.

119–*120. С. 1836, т. 3. № 120 в С-3 с вар. – Печ. по С. 1836, т. 3.

*121. С. 1836, т. 3. – С-3. – Печ. по С. 1836, с устранением опечаток по списку СТ, в котором они исправлены рукой самого Тютчева. Строфы 2 и 4 были запрещены цензурой. Пушкин настоял на том, чтобы они были заменены точками, так как отсутствие этих строф нарушало композиционную цельность ст-ния (см.: Рыскин Е. Из истории пушкинского «Современника» // «Рус. литература». 1961, № 2. С. 199). В 1851 г., готовя тексты ст-ний Тютчева к печати (СТ), Н. В. Сушков просил автора вспомнить недостающие строфы, но поэт не смог восстановить их в своей памяти или не захотел их печатать (см.: Пигарев К. Судьба литературного наследия Тютчева // ЛН. 1935, т. 19/21. С. 377). В ряде изданий ст-ние напечатано целиком по списку СТ, сделанному по статье Н. А. Некрасова «Русские второстепенные поэты» (С. 1850, № 1), где была поправка Некрасова в ст. 31: «Увы, души в нем не встревожит» вм. «Души его, ах, не встревожит». Эта поправка не была замечена Тютчевым, когда он просматривал список СТ. Между тем она вступила в противоречие с тоном и смыслом ст-ния, являющегося инвективой и имеющего уничижительный для противников финал. «Увы» вм. «ах» приглушало в заключительной фразе ее гневную интонацию, высшая точка которой, как это и свойственно мелодике тютчевского восклицания, находится в центре фразы. Ст-ние является программным для всей натурфилософской лирики Тютчева. В его основе – романтическая идея одухотворенности материи, живущей по своим внутренним причинам, что характерно для философии тождества Шеллинга. В широком смысле ст-ние направлено против традиционно-церковных представлений о природе и механистических взглядов на нее, господствовавших в эпоху рационализма XVII–XVIII вв. См.: Благой Д. Литература и действительность. М., 1959. С. 446. Неприемлемость с ортодоксально-церковных позиций пантеистических взглядов объясняет причину ценз. купюр. Вместе с тем отдельные выражения («слепок», «лик», «внешние, чуждые силы» и др.) говорят о том, что полемический адресат ст-ния – объективно-идеалистическое учение Гегеля с его принципиальным обособлением природы от духа. Подобное обособление приобрело еще более резкое выражение у младогегельянцев правого, теистического крыла. См.: Николаев А. А. Художник – мыслитель – гражданин // «Вопросы литературы». 1979, № 1. С. 125–139. По-видимому, ст-ние было написано в 1833–1834 гг. во время полемики между Шеллингом и последователями Гегеля. Она началась в связи с выходом книги французского философа В. Кузена «Философские фрагменты» (Париж, 1833), предисловие к которой написал Шеллинг. Это предисловие было его первым литературным выступлением после двадцатилетнего молчания. Х. Роте высказал предположение, что толчком к созданию ст-ния могло послужить чтение Тютчевым книг Г. Гейне «Романтическая школа» (1833) и «К истории религии и философии в

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru «Германия» (1834), в которых также имеются критические выпады против поздней гегелевской трактовки природы. См. Rothe H. «Nicht was ihr meint, ist die Natur»: Tjutčev und das «Junge Deutschland» // «Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa». Giessen, 1978. S. 319–335.

122. С. 1836, т. 3, с опечаткой в ст. 6 («в даль» вм. «в дол»). – Печ. по копии И. С. Гагарина (ЦГАЛИ) с несохранившегося автографа окончательной ред. Автограф ранней ред. (ст. 1–12) – ЦГАЛИ. По семейному преданию, поддержанному И. С. Аксаковым, В. Я. Брюсовым, Р. Ф. Брандтом, П. В. Быковым, Г. И. Чулковым и К. В. Пигаревым, ст-ние обращено к баронессе Амалии Максимилиановне Крюденер (1808–1888), урожденной графине Лерхенфельд, впоследствии графине Адлерберг. С ней Тютчев познакомился в 1822 г., вскоре по прибытии на службу в Мюнхен. Чувство дружеской приязни сохранилось между ними до самой кончины поэта. О ней Тютчев с теплом говорит в письме к родителям от 2/14 июля 1840 г. из Тагернзее. В одной из записок, посланных с одра болезни (дочери Дарье, 1 апр. 1873 г.), поэт писал, что «испытал минуту жгучего волнения» от свидания с Амалией Крюденер (Соч. 1984. С. 358). И все-таки семейное предание до сих пор не находит документального подтверждения. Адресатом ст-ния может быть К. Ботмер (см. примеч. 335*). Р. Лэйн обратил внимание на то, что образная картина в строфе 4 навеяна ст-нием Г. Гейне «Unterm weißen Baume sitzend...» («Под белым деревом сидя...»), посвященным К. Ботмер.

123. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по копии И. С. Гагарина (ЦГАЛИ) с несохранившегося автографа.

124. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по копии И. С. Гагарина (ММ) с несохранившегося автографа. Обращено, по-видимому, к Э. Пфеффель (см. примеч. 134*).

125. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по копии И. С. Гагарина (ЦГАЛИ) с несохранившегося автографа. Обращено, по всей вероятности, поэтом к самому себе и написано в первые годы увлечения Э. Пфеффель (см. примеч. 134*), т. е. в 1833–1835 гг.

*126. РА. 1879, вып. 5. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Тема и образы ст-ния навеяны чтением ст-ния В. Г. Бенедиктова «Прекрасна дева молодая...». Тютчев прочитал его в сборнике ст-ний Бенедиктова (1835), присланном ему И. С. Гагариным. Об этой книге поэт писал Гагарину: «Очень благодарен за присланную вами книгу стихотворений. В них есть вдохновение и, что служит хорошим предзнаменованием для будущего, наряду с сильно выраженным идеалистическим началом есть склонность к положительному, вещественному, даже к чувственному. Беды в том нет... Чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле» (Соч. 1984. С. 17).

127. «Гражданин». 1875, 13 янв. – Печ. по автографу ПД. Вызвано трагической гибелью Пушкина, но написано, видимо, не в Мюнхене, а во время пребывания в Петербурге в мае – июле 1837 г. под впечатлением светских пересудов о дуэли и смерти поэта.

128. С. 1838, т. 9. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. До Соч. 1980 в ст. 4 было «испепелило» вм. «истлило», хотя указывалось, что ст-ние печ. по автографу. Данное чтение идет от вар. С, представляя собой или опечатку, или редакторскую поправку. Написано в Генуе после свидания с Э. Пфеффель (см. примеч. 134). Расставаясь с нею, Тютчев действительно предполагал, что расстанется навсегда. Впоследствии – 17 июля 1839 г. – она стала второй женой поэта.

129. С. 1838, т. 10. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Связано с предыдущим и относится ко времени пребывания Тютчева и Э. Пфеффель (см. примеч. 134) в Генуе.

Тенью элисейской, т. е. подобно душе, блаженствующей в Элизиуме (см. примеч. 95*).

*130. С. 1838, т. 9. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. В тексте С ст. 3, ввиду его двусмысленности, был изменен по ценз. соображениям: «И как Эдем ты растворенный». Написано в дек. 1837 г. по возвращении из Генуи в Турин.

*131. С. 1838. Т. 9. – Р. Ф. Брандт усматривал в этом ст-нии политический подтекст: символическое изображение «разлада между западом и востоком европейским» (см.: Брандт. Кн. 2. С. 176).

*132. С. 1839, т. 13. – С-3. – Печ. по С. 1839, т. 13.

133. С. 1839, т. 14. Отсутствие рукописи ст-ния в раичевском собрании и среди рукописей, посланных И. С. Гагарину в 1836 г., говорит о том, что оно, как и подавляющее число других тютчевских ст-ний, опубликованных в С 1838–1840 гг., было написано в конце 1830-х гг. Противопоставление лебедя и орла как символов лирического и политического поэтов, характерное для поэтики классицизма, было унаследовано многими романтиками. От центрального тютчевского образа – лебедя между двух стихий – протягивается нить к образу лебедя в тютчевском переводе ст-ния Цедлица «Байрон» (№ 66). Символическое значение образа лебедя связано с древнегреческим преданием о том, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей. Ср. оду XX Горация и ст-ние Г. Р. Державина «Лебедь» (1804). Антитеза лебедя и орла имеет в ст-нии еще одно значение: Россия (в гербе которой орел) противопоставляется Баварии (в гербе Людвиг Баварского лебедь). Эту антитезу Тютчев позаимствовал из ст-ния А. П. Мальтица «Лебедь» (1838). См.: Лэйн. С. 49–50.

Неподвижными очами в себя вливает солнца свет. Тютчев имеет в виду поверье о том, что орел может смотреть на солнце, не закрывая глаз.

*134. С. 1840, т. 20. Обращено к Эрнестине Пфедфель – будущей второй жене поэта (1810–1894; в первом браке – Дёрнберг), с которой он сблизился еще в начале 1833 г. В том же году она овдовела. В 1836 г. их роман получил в Мюнхене широкую огласку, в связи с чем несколько пошатнулось душевное равновесие Элеоноры Тютчевой (урожденной графини Ботмер, в первом браке Петерсон, 1799–1838). К несчастью, это совпало по времени с отнятием от груди родившейся у нее в 1835 г. дочери Екатерины. Во время одного из приступов послеродовой горячки Элеонора пыталась покончить жизнь самоубийством, нанеся себе несколько ударов в грудь небольшим маскарадным кинжалом (см. письмо Тютчева к И. С. Гагарину от 2–3 мая 1836 г. // Соч. 1984. Т. 2. С. 15–16). Ст-ние написано уже после смерти Элеоноры (авг. 1838 г.). В первых трех строфах Тютчев описывает одну из первых встреч с Э. Дёрнберг, причем о себе говорит отстраненно – в 3-м лице, а в строфе 4, совершив – после отточия – переход к первому лицу мн. числа, пишет об общности их судеб, намекая на то, что их союз оплачен ценой двух жизней – ее мужа и его жены.

*135. С. 1839, т. 14. – Ст. 1868. – Печ. по С. 1839, т. 14.

136. С. 1839, т. 14. – Перекликается со ст-нием В. И. Красова «Не гляди поэту в очи...» (1838).

Бессмысленный народ – реминисценция ст-ний Пушкина «Поэт и толпа» и «Герой».

*137. РБ. 1858, кн. 10. – Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, датируемому 1857 г. Обращено к великой княгине Марии Николаевне (1815–1876), дочери Николая I, с которой Тютчев встречался осенью 1840 г. в местечке Тегернзее под Мюнхеном. Разночтение текста РБ в ст. 23 («Пускай служить он не умеет» вм. авторского «любить») – результат редакторской правки И. С. Аксакова, в 1858 г. издававшего РБ. Аксакова смутила антитеза строфы 2 («Поэт, я знаю, суверен, но редко служит он властям»), в свете которой он прочитал все ст-ние. Тютчев действительно не умел служить, и Аксаков это знал. Но речь здесь идет совсем о другом служении – о служении поэта красоте женщины. Одержимый своей мечтой о «неземной» любви и лишь порой «доступный страстям людей», поэт противопоставляет любви к «земным кумирам» – «боготворенье всемогущей красоты» женщины. Этим объясняется антитеза: любить – боготворить.

*138. «Русская беседа. Собр. соч. рус. литераторов» / Изд. в пользу А. Ф. Смирдина. Спб., 1841. Т. 2; вошло только в отдельные экземпляры сборника под загл. «Славяне (в альбом г-ну Ганке)». – РБ. 1858, № 12. – Печ. по Ст. 1868. Два автографа – Национальный музей в Праге и ЦГАЛИ. Второй автограф 1867 г., под загл. «Славяне». Это программное для всей политической лирики ст-ние Тютчева написано в авг. 1841 г., когда поэт совершил поездку из Мюнхена в Прагу, где он познакомился с выдающимся деятелем чешского национального возрождения Вацлавом

Ганкой (1791–1861). Ст-ние было вписано в альбом Ганки перед отъездом из Праги. Поездка в Прагу укрепила интерес поэта к историческим судьбам славянских народов. С этого времени славянская тема стала одной из основных тем его

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru политической лирики и публицистики. Ст-ние ходило по России в списках, имело большой общественный резонанс, неоднократно цитировалось в статьях славянофильски настроенных публицистов. Опубликованию ст-ния в России начала 1840-х гг. мешало следующее обстоятельство. К этому времени Ганка был уже известной в России личностью. Русофил, стремившийся сделать русский язык языком межнационального общения всех славянских народов (это вызвало неодобрение прогрессивных кругов Чехии), много сделавший для ознакомления чехов с русской классической литературой, Ганка был вместе с тем приверженцем реакционной в своем существе панславистской утопии, сочетавшейся с ориентацией на российский царизм. Но панславизм, проникнутый идеей гегемонии России, не находил и не мог найти тогда поддержки у российских правящих кругов – прежде всего у Николая I и государственного канцлера графа К. В. Нессельроде (см., например, примеч. 167*). Поэтому ст-ние (до последнего времени считалось, что оно впервые появилось в РБ) или было изъято из большинства экземпляров «Русской беседы» 1841 г., или было включено без ведома цензора в отдельные экземпляры. Вторично оно было опубликовано уже после смерти Николая I, когда панславизм стал одной из идейных основ агрессивного внешнеполитического курса, который проводил друг Тютчева министр иностранных дел и будущий государственный канцлер князь А. М. Горчаков. В 1867 г., в дни Славянского съезда, Тютчев сделал к ст-нию «приписку» (см. раздел «Другие редакции и варианты»*). Поводом для «первого праздника Всеславяинства» послужила организация Этнографической выставки в Москве, в состав которой был включен славянский отдел. В мае 1867 г. на выставку прибыла делегация в количестве 81 представителя различных славянских народностей Балкан и Западной Европы. Вопреки надеждам славянофилов, реального значения эта «всеславянская сходка» не имела.

Доблий – доблестный.

Вышеград – Пражский кремль.

139. «Zeitschrift für slavische Philologie». 1929, Bd. 5. Посвящено Карлу Августу Фарнгагену фон Энзе (1775–1858). В молодости он служил в русской армии и участвовал в войнах против Наполеона. Впоследствии своими переводами сочинений русских писателей способствовал знакомству немцев с русской литературой.

140. «Revue des Études Slaves» (Paris). 1929, vol. 52/53. Ст-ние было послано в Париж из Мюнхена 16/28 сент. 1842 г. Автограф (подпись: Ф. Тчв), ставший источником первой публикации, находится в архиве Мицкевича в Польской библиотеке Парижа. Адрес на конверте был ошибочным: «...professeur à la Sorbonne». Парижская почта исправила: «...en Collège de France». Ст-ние является откликом на лекции о русской литературе, прочитанные Адамом Мицкевичем в Коллеж де Франс, где он с 1840 по 1844 г. занимал кафедру славянских литератур. Многие слушатели Мицкевича – а ими были не только студенты – записывали его лекции. В рукописном и литографированном виде они получили довольно широкое распространение. В 3-й части драматической поэмы «Дзяды» (1832) и в «Книге польского народа и польского пилигримства» (1832) Мицкевич изложил доктрину так называемого «польского мессианизма», согласно которой страдания Польши связаны с особым историческим призванием народа-мученика – «Христа народов». Так польский поэт пришел к идее «всеобщей войны за волю народов». К 1841 г. Мицкевич пережил кризис мировоззрения: вступил в мистическую секту А. Товяньского. Тютчев приветствовал лекции Мицкевича о русской литературе, хотя идее Мицкевича он в своем ст-нии противопоставляет идею общеславянского возрождения. Название ст-ния – измененное (через замену предлога) выражение *Épître de l'Apôtre*, т. е. «апостольское послание».

Недаром ветхие одежды Ты бодро с плеч своих совлек. Намек на то, что, будучи по происхождению евреем (а иудаизм признает только Ветхий завет), Мицкевич исповедовал христианство.

*141. С-З. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Первое ст-ние, написанное Тютчевым по окончательном переезде из-за границы в Петербург.

*142. С-З. – Печ. по копии ЦГАЛИ с несохранившегося автографа позднейшей ред. Автограф – ЦГАЛИ, без загл. Вариация заключительных строк ст-ния Ф. Шиллера «Columbus»: «С гением природа в вечном союзе, – что один обещает, сдержит, наверное, другая».

*143. Ри. 1848, 7 сент., в анонимном фельетоне, только последняя строфа; М.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru 1851, № 11. – Печ. по автографу ЦГАЛИ (где загл. вписано Эрн. Ф. Тютчевой с ее же пометой: «в 1848 г.»), с уточнением ст. 26 по копии СТ с несохранившегося автографа. Отклик на западноевропейские революционные события 1848 г. Образы моря как символа революционного Запада и утеса как символа самодержавной России, мощь которой поэт считал в те годы незыблемой, подсказаны незадолго до этого напечатанным ст-нием В. А. Жуковского «Русскому великану». Однако у Жуковского политическая аллегория выступает более обнаженно и подчеркивается самим загл., тогда как у Тютчева обобщенный характер образов в значительной мере выводит ст-ние за пределы публицистической лирики. Параллельный анализ ст-ний см.: Благой Д. Три века. М., 1933. С. 217–220. По содержанию и лексике ст-ние перекликается и с «Утесом» В. Г. Бенедиктова, сборник стихов которого 1835 г. Тютчев знал и ценил.

Неподвижный, неизменный – цитата из «Оды парафрастической псалма 143» В. К. Тредиаковского.

144. М. 1850, № 8. – Печ. по идентичным автографам ММ и АБ. Написано в десятилетнюю годовщину смерти первой жены поэта Элеоноры Ботмер (см. примеч. 134*). «Есть ужасные години в существовании человеческом, – писал Тютчев Жуковскому 6/18 окт. 1838 г. – Пережить все, чем мы жили – жили в продолжение целых двенадцати лет... Что обыкновеннее этой судьбы – и что ужаснее? Все пережить и все-таки жить» (Соч. 1984. С. 42). 4/16 мая 1846 г. в беседе с дочерью Анной Тютчев сказал: «Первые годы твоей жизни, дочь моя... были для меня самыми прекрасными, самыми полными годами страстей. Я провел их с твоей матерью и Клотильдой <сестрой Элеоноры>. Эти дни были так прекрасны, мы были так счастливы! Нам казалось, что они не кончатся никогда, – так богаты, так полны были эти дни. Но годы промелькнули быстро, и все исчезло навеки... И столько людей более или менее знакомых, более или менее любимых исчезло с горизонта, чтобы никогда больше не появиться на нем. И она также... И все-таки я обладаю ею, она вся передо мной, бедная твоя мать!» (запись в дневнике А. Ф. Тютчевой // Пигарев. С. 100). Последние четыре стиха перекликаются со строками из ст-ния К. Н. Батюшкова «Мой гений» (1815): «и образ милый, незабвенный Повсюду странствует со мной».

145. «Былое». 1922, № 19. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Отклик на революционные события 1848 г. в Западной Европе.

Вавилонский столп – здесь: грандиозная, но преступная и неосуществимая цель. По Библии, строители Вавилонской башни тщились достичь неба и сравняться с богом: за это бог «смешал языки» гордецов и разрушил башню.

146. Соч. 1886. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

Град Петров – имеется в виду Рим, город апостола Петра.

Константинов град – Константинополь, столица Византийской империи.

Как то провидел Дух и Даниил предрек. Намек на библейское пророчество о царстве, которое «вовсе не разрушится» (кн. пророка Даниила, 2.44).

*147. К. 1850, кн. 3, под загл. «Моей землячке». – Печ. по автографу АБ. Загл. в тексте К было изменено с целью приглушения социального смысла ст-ния. Н. А. Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?» привел это ст-ние, охарактеризовав его как «безнадежно-печальные, раздирающие душу предвещения поэта, так постоянно и беспощадно оправдывающиеся над самыми лучшими, избранными натурами в России» (Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9-ти т. М., 1963. Т. 6. С. 137).

*148. М. 1850, № 8. – Печ. по автографу АБ.

*149. К. 1850, кн. 3, под загл. «Гроза». – Печ. по автографу АБ. Другой автограф – ЦГАЛИ. Написано по дороге из Москвы в имение Тютчевых Овстуг.

*150. М. 1850, № 8. – Печ. по автографу АБ. Другой автограф – ЦГАЛИ. Исправление ст. 2 в тексте С-3 («немилые» на «печальные») принадлежит И. С. Тургеневу. См. письмо Г. С. Гагарина к П. В. Быкову от 14 нояб. 1912 г. (Николаев А. А. К истории подготовки сборника стихотворений Тютчева (1854) // Некрасовский сборник. Л., 1983. Вып. 8. С. 53). Написано во время пребывания в Овстуге, куда

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Тютчев приехал 7 июня 1849 г., вторично по своем возвращении из-за границы. По своему настроению близко к тому, что писал Тютчев жене 31 авг. 1846 г. под впечатлением первого посещения Овстуга после многих лет отсутствия.

Ах, и не в эту землю я сложил всё, чем я жил и чем я дорожил. Поэт вспоминает о своей первой жене, умершей и похороненной в Турине.

*151. М. 1850, № 8. – Печ. по автографу АБ. Написано в Овстуге.

*152. М. 1850, № 8. – Печ. по автографу АБ. Другой автограф – ЦГАЛИ.

*153. М. 1850, № 8. – Печ. по автографу АБ. Другой автограф – ЦГАЛИ. И. С. Аксаков писал: «...однажды, в осенний дождливый вечер, возвратясь домой на извозничьих дрожках, почти весь промокший, он сказал встретившей его дочери: „j'ai fait quelques rimes“ <я сочинил несколько стихов>, и, пока его раздевали, продиктовал ей следующее прелестное стихотворение: „Слезы людские, о слезы людские...“» (Аксаков. С. 84–85).

154. ПССТ. 1957. – Печ. по списку в письме Эрн. Ф. Тютчевой к П. А. Вяземскому от 24 нояб. 1849 г. (ЦГАЛИ). Послано писателю-мемуаристу и коллекционеру гравированных портретов Филиппу Филипповичу Вигелю (1786–1856) с литографированным портретом Петра Яковлевича Чаадаева. Написано от лица Чаадаева, приславшего Тютчеву экземпляры литографии для распространения среди друзей и знакомых. Некогда Вигель был членом литературного кружка «Арзамас». Позднее стал крайним реакционером, писал доносы на того же Чаадаева и других.

*155. М. 1850, № 7, под загл. «Плавание». – Печ. по автографу АБ. Другой автограф – ЦГАЛИ.

*156. С–3. – Печ. по списку МА с поправками поэта. Два автографа – ЦГАЛИ. В одном – помета: «Посвящено Фуад-Эфенди», т. е. турецкому государственному деятелю, поэту и публицисту Магомеду Фуаду-паше (1814–1869). Чем конкретно вызвано это посвящение, не установлено.

157. М. 1850, № 8, с порядком строк: 1, 3, 2. – Печ. по автографу АБ. Автограф – ЦГАЛИ, под загл. «Воспоминание», без строфы 2. В автографе АБ эта строфа приписана сбоку. Место ее указано двойным крестом. Обращено, по-видимому, к Эрн. Ф. Тютчевой (см. примеч. 134) и содержит воспоминание о пребывании с ней в Италии в 1838 г.

Киммерийской грустной ночи. Киммерия упоминается в «Одиссее» Гомера как «печальная область», где царит «ночь безотрадная».

158. Соч. 1886. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Навечно чтением книги А. Ламартина «Признания» (1849), где есть такие строки: «Ветер также мелодически шумит в ветвях трех елей, посаженных моей матерью.. когда мне случается забыть там на минуту, меня пробуждают только шаги старого виноградаря, который служил у нас прежде садовником и который приходит иногда навестить свои растения, как я мои воспоминания и мечты» (цит. по: СТ. 1962. С. 398–399). Копия ст-ния имеется в СТ, однако в С–3 оно не вошло, может быть, потому, что Ламартин был крупным политическим деятелем Франции, находившейся в состоянии войны с Россией.

Савойя – один из южных департаментов Франции, родина Ламартина; до 1860 г. принадлежала Сардинскому королевству.

*159. М. 1850, № 7, с перепутанным порядком ст. – Печ. по автографу ММ. Другой автограф – ЦГАЛИ.

*160. М. 1850, № 13. – С–3. – Ст. 1854. – Ст. 1868. – Печ. по автографу ГПБ из собр. М. П. Погодина.

Дольный – земной.

Горний – небесный.

*161. М. 1850, № 13. – Печ. по идентичным автографам ГПБ (из собр. М. П. Погодина) и ЦГАЛИ. В автографе из собр. И. С. Зильберштейна без загл.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru *162–164. М. 1850, № 7. – С–3. – Печ. по автографу АБ. Этот цикл складывался на протяжении ряда лет. Первоначально, в качестве самостоятельного ст-ния, было написано восьмистишие «Два демона ему служили...» (1-й автограф – ЦГАЛИ). Оно возникло под впечатлением характеристики Наполеона в публицистических очерках Г. Гейне, объединенных в его книге «Французские дела» (1832). По выражению Гейне, Наполеон был гением, «в голове которого гнездились орлы вдохновения, между тем как в сердце вились змеи расчета» (Гейне Г. Собр. соч. М., 1958. Т. 5. С. 263–264). Пушкин намеревался поместить это восьмистишие в 3-й том «Современника», но оно было запрещено цензурой «за неясностью мысли автора, которая может вести к толкам весьма неопределенным» (письмо цензора А. Л. Крылова к Пушкину от 28 июля 1836 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 16. С. 144) в 1849 г. Тютчев включил в конспект гл. 7 («Россия и Наполеон») задуманного им публицистического трактата «Россия и Запад» стихотворный отрывок «Он сам на рубеже России...» (автограф ГБЛ). Переработанный и дополненный восемью строками, он вошел в состав самостоятельного ст-ния «Нерешенный вопрос» (2-й автограф – ЦГАЛИ), текст которого почти соответствует 3-й части цикла. Окончательное оформление цикла состоялось, по-видимому, незадолго до публикации. Цикл отражает стремление Тютчева разрешить в духе славянофильской доктрины проблему революции и исторических судеб России. Характеристика Наполеона, данная в 1-й части цикла, – отголосок того, что писал о нем Шатобриан: «Детище нашей революции, он поразительно похож на свою мать»; «рожденный главным образом для того, чтобы разрушать, Буонапарте несет зло в самом себе». См.: Chateaubriand F. R. De Buonaparte, des Bourbons et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. Paris, 1814 (Шатобриан Ф. Р. О Буонапарте, о Бурбонах и о необходимости сплотиться вокруг наших законных государей для благоденствия Франции и Европы. Париж, 1814). Развитием этой мысли служат и след. заметки Тютчева, относящиеся к его трактату «Россия и Запад»: «Риторика по поводу Наполеона заслонила историческую действительность, смысла которой не поняла и поэзия. Это центавр, который одною половиною тела – Революция» (Аксаков. С. 220).

Да сбудутся ее судьбы! – цитата из приказа Наполеона по армии при переходе через Неман 22 июня 1812 г.: «Россия увлекаема Роком: да свершатся ее судьбы». Эта цитата имеется в конспекте гл. «Россия и Наполеон» трактата Тютчева «Россия и Запад» (ГБЛ). Под

новой загадкой в изгнание подразумеваются слова Наполеона, сказанные на острове Св. Елены: «Через пятьдесят лет Европа будет либо под властью революции, либо под властью казаков».

На родину вернувшийся мертвец. В 1840 г. останки Наполеона были перевезены с острова Св. Елены в Париж.

*165. С–3. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. 2-й и 3-й автографы – ЦГАЛИ и ГПБ (собр. Погодина). В ст-нии имеется в виду обряд «обручения» венецианских дождей с Адриатическим морем, справлявшийся ежегодно до конца XVIII в.

Века три или четыре...Разрасталась в целом мире Тень от львиного крыла. Расцвет Венецианской республики относится к XII–XV вв. Крылатый лев – эмблема св. Марка, считавшегося покровителем Венеции. Перед Дворцом дождей в Венеции стоит колонна, увенчанная этой эмблемой.

Звенья Тяжкой цепи. С 1814 по 1866 г. Венеция, входившая в состав Ломбардо-Венецианского королевства, была под владичеством Австро-Венгрии.

*166. М. 1850, № 8. – С–3, ранняя ред. – Печ. по автографу ММ. В автографе зачеркнуто загл. «Самосознание». Другой автограф ранней ред. – АБ.

*167. С–3, без загл. – Печ. по списку МА, в котором загл. приписано на полях рукой поэта. Автограф – ЦГАЛИ. Появление в печати ст-ния вызвало недовольство Николая I. 12 мар. 1854 г. по поручению царя генерал-адъютант Н. Н. Анненков направил министру народного просвещения А. С. Норову «конфиденциальное» отношение: «Государь император, прочитав это стихотворение, изволил последние два стиха собственноручно зачеркнуть и написать: „Подобные фразы не допускать“ Уведомляя о сем Ваше превосходительство, имею честь присовокупить, что о таковой высочайшей воле сообщается мною вместе с сим для надлежащего сведения государственному канцлеру иностранных дел и генерал-адъютанту графу Орлову»

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
(Лирика. Т. 2. С. 361. См. также: Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания, дневник. М., 1928 Вып. 1. С. 134.)

«Четвертый век уж на исходе, – Свершится он – и грянет час!» Осуществление своих панславистских чаяний Тютчев связывал с 400-летней годовщиной падения Византийской империи (1853).

Своды древние Софии. Имеется в виду мечеть Айя-София в Константинополе, ранее бывшая христианским храмом.

*168. «Сев. пчела». 1850, 7 мар. – Печ. с уточнением по автографу ЦГАЛИ. Слова, выделенные курсивом и кавычками, заимствованы из манифеста Николая I от 14 мар. 1848 г. по поводу революционных событий в Австрии и Пруссии.

*169. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Копия ст-ния имеется в СТ, однако в С-3 оно не вошло, так как обращено к государственному канцлеру графу К. В. Нессельроде (1780–1862) и содержит критику с панславистских позиций проавстрийского курса его политики.

170. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Копия – в СТ.

*171. С-3. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. До Соч. 1980 печ. по С-3. Однако оказалось, что разночтения первопечатного текста являются ошибками переписчиков СТ (в ст. 4 «жаркой» вм. «жесткой») и МА (в ст. 16 «освежит» вм. «осенит»).

*172. С-3, с опечаткой в ст. 1 («ныряет» вм. «играет»). – Печ. по двум идентичным автографам ЦГАЛИ. Одно из первых ст-ний так называемого «денисьевского» цикла любовной лирики поэта. Об отношениях Тютчева с Е. А. Денисьевой и стихах, ей посвященных, см.: Чулков Г. Последняя любовь Тютчева. М., 1928; Пигарев. С. 145–148, 169–172; Петрова И. В. Любовная лирика Тютчева 1850–1870-х годов («денисьевский цикл») // «Ученые записки Магнитогорского гос. пед. ин-та». 1963. Вып. 14. С. 72–109. Близкие отношения Тютчева и Елены Александровны Денисьевой (1826–1864) продолжались 14 лет, вплоть до ее смерти.

*173. М. 1851, № 22, под загл. «Совет». – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

174. С-3. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Одно из первых ст-ний, внушенных любовью Тютчева к Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172*).

175. С-3. – Печ. по автографу АБ. Другой автограф – ЦГАЛИ. Написано во время поездки в Преображенский монастырь (на о. Валаам в Ладожском озере), совершенной вместе с Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172) и А. Ф. Тютчевой, старшей дочерью поэта.

*176. С-3. – Печ. по автографу АБ.

177. С-3. – Печ. по автографу АБ. А. А. Блок отметил в этом ст-нии «эллинское, дохристианское чувство Рока, трагическое» (см.: Блок А. Дневник 1911 г. // Собр. соч.: в 8-ми т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 99). Вместе с тем, как верно заметил Б. М. Козырев, в ст-нии выразилось прощание Тютчева с «язычеством»: «Здесь разрыв с „благими“ богами природы, здесь величественная попытка утвердить достоинство человека в нем самом как в высшем существе во вселенной, которому, несмотря на то что оно обречено на гибель и уничтожение, завидуют сами олимпийцы. Морально здесь торжествует человек. Но удержаться на этой позиции отчаянья, в себе самом находящего призрачное утешение и призрачную победу, Тютчев не захотел – или не смог. С той поры он пытается стать христианином. Об этом свидетельствует прежде всего большое число христианских образов, хлынувших в его поэзию. Античные же природные боги вымирают после „Двух голосов“...» (Козырев Б. М. Мифологемы творчества Тютчева и ионийская натурфилософия: Из писем о Тютчеве // Историко-филологические исследования: Сборник статей памяти академика Н. И. Конрада. М., 1974. С. 127–128.). Ст-ние перекликается с масонским гимном Гете «Symbol» (1816). «Но по содержанию, – пишет Б. М. Козырев, – „Два голоса“ являются самой смелой и горькой отповедью названному гимну с позиций сурового и – по моральному своему пафосу – атеистического стоицизма» (Соч. 1980. С. 326).

Горний – небесный.

*178. Р. 1852. – С-3. – Печ. по Р. 1852. Посвящено поэтессе Евдокии Петровне

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

Ростопчиной, урожденной Сушковой (1811–1858), племяннице Н. В. Сушкова.

Во мгле стигийской. Стикс – см. примеч. 13*.

В замке феи-Нелюдимки. «Нелюдимка» – драма Ростопчиной, напечатанная в 1850 г.

*179. Р. 1851, с перепутанным порядком строф. – Печ. по С, с исправлением ошибок по автографу ЦГАЛИ, с сохранением поправок Н. В. Сушкова, внесенных в текст СТ и учтенных в С-3 наряду с поправками автора. Перевод хоровой песни Ф. Шиллера «Das Siegesfest» («Победное торжество»). Она соткана из «речей», вложенных в уста греческих героев и побежденных ими троянцев. Персонажи, которым принадлежат речения или которые упомянуты в ст-нии, в большинстве своем описаны в «Илиаде» Гомера. До Тютчева песнь Шиллера была известна на русском языке в вольном переводе Жуковского под загл. «Торжество победителей».

Приамов град – Троя (или Илион), царем которого был Приам.

Ахейцы – греки.

Пэан – торжественная хоровая песнь, гимн.

Калхас – жрец-прорицатель в греческом войске.

Паллада – прозвище богини Афины, которая покровительствовала грекам.

Эгидоносный Зевс. Эгида – щит Зевса, постоянный атрибут этого бога.

Атреев сын, или

Атрид, – Агамемнон, предводитель ахейцев (греков) в Троянской войне.

Керы (греч. миф.) – богини насильственной смерти.

Афиной всеблагою Вдохновенный Одиссей. Афина-Паллада покровительствовала Одиссею.

Супругой, взятой с бою, снова счастливый Атрид. После падения Трои Елена, жена царя Менелая, младшего брата Агамемнона (названного здесь также Атридом), была возвращена мужу. Похищение Елены троянским царевичем Парисом и послужило причиной Троянской войны.

Кронид – Зевс, сын Кроноса.

Аякса брат меньшой – Тевкр, покончивший с собой в припадке ярости, когда Одиссей присвоил себе хитростью доспехи павшего Ахилла, на которые по праву притязал Аякс младший, спасший подоженный троянцами ахейский флот,

Патрокл – друг Ахилла, славный своим благородством и храбростью; убит троянцем Гектором.

Терсит – безобразный, дерзкий и трусливый грек.

Пелид – Ахилл, сын Пелея.

Персть – прах.

Сын Тидеев – Диомед.

Нестор – в «Илиаде» один из греческих царей, воевавших против Трои, мудрый старец.

Маститый Брашник – здесь: распорядитель пира.

Гекуба – жена Приама, потерявшая при разрушении Трои всех своих детей.

Ниоба – фиванская царица; за дерзкую похвальбу своими детьми перед богиней Латоной Феб и Артемида (дети Латоны) поразили стрелами семь дочерей и семь

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
сыновей Ниобы: по одной версии мифа она превратилась в скалу, по другой – нашла
утешение в вине.

Провозвестница-жена – прорицательница Кассандра.

*180. М. 1851, № 11. – Печ. по автографу ЦГАЛИ, без поправки ст. 4, сделанной
рукою П. А. Вяземского: «За льдиной льдина вслед плывет». Не исключено, что
поправка (с ней ст-ние было напечатано в М) была сделана с ведома Тютчева.
Однако из-за нее, как верно писал Б. Я. Бухштаб, «ритмическое изображение
медленно и неровно плывущих льдин утратилось» (ПССт. 1957. С. 43). О смысловой
оправданности ритмической структуры ст. 4 ранее писал В. В. Гиппиус (ПССт. 1939
С. 23)

181. С-3. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

*182. Соч. 1886. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. В 1857 г. Тютчев вписал по памяти
это ст-ние в альбом Н. В. Гербея (ГПБ); текст его здесь заметно уступает в
художественном отношении ред. начала 1850-х гг. Имеется в СТ, однако в С-3 не
вошло по ценз. причинам.

*183. С-3, с поправкой Н. В. Сушкова в ст. 13. – Печ. по копии СТ с
несохранившегося автографа, где ст. 13 лишен первого слога – союза «и». Такой
прием – замена первого безударного слога стиха паузой-вздохом – называется
липометрией. Видимо, написано в первый год сближения с Е. А. Денисьевой (см.
примеч. 172*), однако, как верно отметил Г. И. Чулков, «прошедшее время,
введенное поэтом с первых стихов пьесы и выдержанное до конца, вызывает
некоторое сомнение» в том, что ст-ние относится к ней (Чулков Г. Последняя
любовь Тютчева. М., 1928. С. 79).

*184. С-3. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано от лица Е. А. Денисьевой (см.
примеч. 172*).

*185. С-3. – Печ. по копии СТ с утраченного автографа.

Часть – здесь: участь, судьба.

186. С-3. – Печ. по копии СТ с утраченного автографа. До Соч. 1980 в ст-нии
сохранялась ошибка первой публикации (и переписчика МА) в ст. 7: «постыдилась»
вм. «устыдилась». До настоящего времени печ. (за исключением изд.: Тютчев Ф. И.
Стихотворения. М., 1945) с поправкой Н. В. Сушкова в ст. 9 («Ах, если бы живые
крылья») и ст. 12 («Бессмертной пошлости людской»). В ст. 9, как и в ст-нии №
183 (см. примеч. к нему*), использован прием липометрии.

*187. С-3. – Печ. по копии СТ с утраченного автографа. Ранее ст-ние печ. по
первой публикации, в тексте которой имелись поправки Н. В. Сушкова, мелкие
ошибки переписчика МА и дефекты набора в С.

188. РА. 1892, вып. 4. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева. Перед
текстом помета на французском языке: «Для вас (чтобы прочесть наедине)». Обращено
ко второй жене поэта, Эрн. Ф. Тютчевой (см. примеч. 134*). Написанное в
первый год любви Тютчева к Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172*), ст-ние было
вложено поэтом в альбом-гербарий, принадлежавший его жене, и пролежало в нем, не
замеченное ею, 24 года – до мая 1875 г. Прочитав впервые это ст-ние, И. С.
Аксаков писал (в письме к дочери поэта Екатерине от 8 июня 1875 г.): «Стихи эти
замечательны не столько как стихи, сколько потому, что бросают луч света на
сокровеннейшие, интимнейшие брожения его сердца к жене... В 1851 г...она еще не
настолько знала по-русски, чтобы понимать русские стихи, да и не умела еще
разбирать русского писанья Ф. И...каков же был ее сюрприз, ее радость и скорбь при
чтении этого привета d'outre tombe <замогильного>, такого привета, такого
признания ее подвига жены, ее дела любви!» (цит. по: Пигарев. С. 149-150).

*189. Р. 1852. Автограф – ЦГАЛИ.

190. «Звенья». М.; Л., 1932. Кн. 1. – Печ. по автографу ПД. Обращено к Е. А.
Денисьевой (см. примеч. 172*) вскоре после рождения ее первой дочери Елены.
Впервые опубликовавшая это ст-ние Е. П. Казанович полагает, что оно написано еще
до крещения дочери, чем и объясняется выражение «безымянный херувим» («Звенья».
С. 86).

*191. М. 1851, № 16. – Печ. с исправлением ошибок по автографу ПД.

«Впусти меня! – я верю, боже мой!..» и т. д. – перефразировка евангельского изречения (Марк, 9.24).

192. Р. 1852, под загл. «Волна и дума». – Печ. по копии СТ с утраченного автографа. Загл. в тексте Р, видимо, придумано издателем-редактором сборника Н. В. Сушковым.

*193. Р. 1852, под загл. «Ночь в дороге». – С-З. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано по дороге из Москвы в Петербург.

194. СН. 1914, кн. 18. – Печ. по автографу ГБЛ (в письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 6 авг. 1851 г.).

*195. Р. 1852, под загл. «Kennst du das Land? (Из Гете)». – С-З. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Перевод песни Миньоны из романа И.-В. Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера» (ч. 3, гл. 1). Посылая ст-ние Н. В. Сушкову для помещения в Р, Тютчев писал 27 окт. 1851 г.: «Романс из Гете несколько раз переведен был у нас, – но так как эта пьеса из числа тех, которые почти обратились в литературную поговорку, то она навсегда останется пробным камнем для охотников» (Соч. 1984. С. 187). До Тютчева песню Миньоны переводили В. Жуковский, П. Ободовский, А. Струговщиков и П. Шкляревский. В переводе Тютчева произведена перестановка стрóf 2 и 3.

196. С-5.

*197. С-З. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева.

198. С-З. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Обращено к одной из дочерей поэта, нечаянно раздавившей канарейку.

*199. С-З. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Перевод песни сына рыбака «Es lächelt der See...» из драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» (акт 1, сцена 1).

200. С-З. – Печ. по копии СТ с поправками автора. Автограф – ЦГАЛИ, без эпиграфа. Б. М. Козырев в «Письмах о Тютчеве» (ММ) убедительно показал, что в образе «своенравной волны» Тютчев создал символически обобщенный портрет Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172)

Не кольцо, как дар заветный и т. д. Этот образ, в основе которого вариация на тему немецкой народной песни (ср. ст-ние В. А. Жуковского «Кольцо души-девицы...»), построен на противопоставлении «законной» любви и роковой любви-самоубийства и включает намек на то общественное положение, в котором оказалась Е. А. Денисьева из-за своих отношений с поэтом.

201. С-З. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Тютчев был знаком с Жуковским, бывавшим в доме его родителей, с юношеских лет. Позднее они встречались за границей. Сохранилось письмо Тютчева к Жуковскому, написанное после смерти первой жены (Соч. 1984. С. 41–42). «Он человек необыкновенно гениальный и весьма добродушный, мне по сердцу», – отзывался Жуковский о Тютчеве в письме к Н. Н. Шереметевой (В. А. Жуковский. Соч. СПб., 1878. Т. 6. С. 502). 29 июля 1852 г. Тютчев присутствовал на похоронах Жуковского, тело которого было перевезено из Баден-Бадена в Петербург и погребено в Александро-Невской лавре. Жуковскому посвящены также тютчевские ст-ния «Прекрасный день его на Западе исчез...» (№ 224) и «17-ое апреля 1818» (№ 372).

Он были мне Омировы читал. Омир – Гомер. В авг. 1847 г. в Эмсе Жуковский читал Тютчеву свой перевод «Одиссеи» Гомера. «Я провел несколько прекрасных мгновений с Жуковским...занимаясь чтением его „Одиссеи“ и с утра до вечера болтая о всевозможных вещах, – писал тогда же Тютчев жене. – Его „Одиссея“ будет действительно величественным и прекрасным творением...» (Соч. 1984. С. 140).

«Лишь сердцем чистые, те узрят бога!» – несколько перефразированное евангельское изречение (Матфей, 5.8).

202. С-З. Автограф – ПД, без ст. 1–3 вследствие утраты части рукописи. Написано

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru на Каменном острове (помета в рукописи) в Петербурге, где Тютчев жил с июня по сент. 1852 г. В последней строфе – обращение к Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172*).

*203. Соч. 1886. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано в Овстуге.

*204. С-3. В Ст. 1886 и Соч. 1886 ст-ние подвергалось редакторами изменениям, связанным с устранением добавочных слогов:

*205. Р. 1854, под загл. «Проезд через Ковно». – Печ. по автографу ГБЛ (в письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 27 сент. 1853 г.). Другой автограф – ЦГАЛИ. Написано в Ковно (Каунасе), где поэт останавливался по пути из-за границы в Петербург. Посылая ст-ние жене, Тютчев писал: «Это стихи, о которых я тебе говорил, навеянные Неманом. Чтобы их уразуметь, следовало бы перечитать страницу из истории 1812 г. Сегюра, где идет речь о переходе через эту реку армии Наполеона, или по крайней мере вспомнить картинки, так часто попадающиеся на постоянных дворах и изображающие это событие» (СН. 1914, кн. 18. С. 53).

Южный демон – Наполеон, уроженец острова Корсики.

Другой – бог или рок, воля которого, согласно религиозно-романтическим представлениям, предопределила поражение Наполеона.

206. «Звенья». 1932, кн. 1. – Печ. по автографу ПД. Считается, что ст-ние написано в период увлечения Тютчева спиритизмом (осень 1853 – весна 1854 гг.) и отражает надежды поэта на победный для России исход Крымской войны.

*207. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Другой автограф – ГБЛ. Первоначальная ред. была послана поэтом Эрн. Ф. Тютчевой с письмом от 11 авг. 1854. (ГБЛ). Перекликается со следующими строками из письма поэта к жене от 5 авг. 1854 г.: «Какие дни! Какие ночи! Какое чудное лето! Его чувствуешь, дышишь им, проникаешься им и едва веришь этому сам. Что мне кажется особенно чудесным – это продолжительность, невозмутимая продолжительность этих хороших дней, внушающая какое-то доверие, называемое удачею в игре» (СН. 1915, кн. 19. С. 87–88).

208. Ст. 1868. – Печ. по автографу ГБЛ (в письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 11 сент. 1854 г. из Петербурга).

*209. Ст. 1868. Автографы – ЦГАЛИ и ЦГАДА (арх. Паниных-Блудовых). Предназначалось для Р. 1855 (корр. л. – ЦИАЛ, под загл. «Е. И. П., требовавшей у автора стихов в альбом»). Е. И. П. – Екатерина Ивановна Попова (1820–1878), знакомая поэта.

Созрела жатва, жнец готов. Тютчев использует здесь библейский образ войны-«жатвы», который был традиционным в поэтическом стиле древнерусской литературы (см.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л., 1947. С. 129).

Ты – лучших, будущих времен глагол, и жизнь, и просвещение! Тютчев, как и многие славянофилы, поддерживал идею В. Ганки (см. примеч. 138*) о превращении русского языка в язык интернационального общения всех славянских народов.

*210. РА. 1867, вып. 12. – Печ. с уточнением по автографу ГПБ (альбом Г. П. Данилевского); в ст. 14 слово «божьих» было заменено по ценз. причинам на «тяжких». В альбом Данилевского писано 31 дек. 1855 г. с датой вм. загл.: «1856». Тем самым поэт давал понять, что многие его пророчества по поводу 1855 г. актуальны и для следующего года. Текст альбомной записи имеет несоответствия в глагольных формах. П. А. Бартенев, издатель РА, в примеч. к первой публикации ст-ния писал: «...стоит перенестись мыслию к злосчастной эпохе Альмы и Инкермана, стоит вспомнить напряжение всей Европы, тогдашнюю общественную и политическую духоту, чтобы понять, какой животрепещущий смысл имело это стихотворение для того времени. Нельзя не признать за ним высокого историко-литературного значения. Мы испросили у автора обязательного дозволения закрепить печатью эти удивительные в их поэтической чуткости строфы» (РА. 1867, вып. 12. Стб. 1638–1639).

Я не свое тебе открою. В предпосланной стихам в альбоме Данилевского записке говорится: «Вы спрашиваете, милый поэт мой, нет ли у меня мысли о наступающем

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru где?.. У меня собственно – никакой. Но вот вам мысль – чужая. Чья же именно?.. Это довольно трудно объяснить, да и не нужно» (Там же. Стб. 1638). В записке и в ст-нии содержится намек на модное в то время в русских светских кругах увлечение спиритическим «столоверчением», которому поддался и Тютчев. А. Ф. Тютчева иронически писала об увлечении отца спиритизмом: «Странно, что дух этого стола как две капли воды похож на дух моего отца; та же политическая точка зрения, та же игра воображения, тот же слог» (Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М., 1928. Вып. 1. С. 128).

Одна ли выя, Народ ли целый обречен? Намек на то, что результатом неудачного хода Крымской войны может быть падение Николая I, который умер спустя 50 дней после написания ст-ния. Строфы 2 и 3 перекликаются со строфой 1 ст-ния Ф. Шиллера «Начало нового века».

*211. Ст. 1868. – Печ. с уточнением по автографу ЦГАЛИ в ст. 3 («Бесстыдству» вм. «Безумству»). 21 марта 1868 г. цензор И. Росковшенко писал начальнику Главного управления по делам печати М. Н. Похвисневу, что в Ст. 1868 находится ст-ние, которое «заключает брань, обращенную и к Австрийскому эрцгерцогу и к царствующей династии Габсбургов... Неуместна была бы задержка нами этих стихов, на это нет у нас закона; но, во всяком случае, я считаю нужным предупредить об этих стихах Ваше превосходительство, – было бы жаль, если б австрийский посланник предъявил жалобу на почтенного автора этих горячих стихов» («Щукинский сборник». М., 1910, Вып. 9. С. 206–207). Похвиснев предупредил Тютчева о возможных неприятностях, но Тютчев «только рассердился и объявил, что ему дела нет, пускай захватывают все издание, и что он об нем знать ничего не хочет...» (см.: письмо М. Ф. Бирилевой И. Ф. Тютчеву от 1 апр. 1868 г. // ММ). Ст-ние не было изъято из Ст. 1868. В ст-нии Тютчев выражает возмущение русских придворных и официальных кругов политикой Австрии во время Крымской войны, в частности отказом соблюдать нейтралитет.

И весь апостольский их род. Австрийский император имел титул «апостольского величества».

212. РС. 1885, февр. Ранее считалось, что в ст. 14 опечатка («люблю» вм. «ловлю»). Однако текст первой публикации соответствует тексту копии Ф. Ф. Тютчева с утраченного подлинника (ПД, архив РС), которую сын поэта передал через Я. П. Полонского в редакцию РС. Обращено к Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172).

*213. РБ. 1857, ч. 2, кн. 6. – Ст. 1868. – Печ. по РБ. Написано в г. Рославле Смоленской губ., по пути из Москвы в Овстуг. Д. Д. Благой в примеч. к Ст. 1953 указал на связь между этим ст-нием и написанным в тот же день «Вот от моря и до моря...» (№ 214), полагая, что строфа «Эти бедные селенья...» «подсказана не только непосредственными впечатлениями от зрелища угнетенной крепостным рабством страны, но и мыслями о неисчислимых страданиях защитников Севастополя – простых русских солдат, в исключительно тяжелых условиях с беспримерным героизмом отстаивавших свою родину» (Ст. 1953. С. 367–368).

*214. РБ. 1857, ч. 2, кн. 6. Проникнуто мрачными предчувствиями, вызванными осадой Севастополя.

Нить железная – телеграфная проволока.

215. Ст. 1868. Написано по случаю приезда в Петербург Е. П. Ростопчиной (см. о ней примеч. 178). В 1846 г. она опубликовала балладу «Насильный брак», в которой аллегорически изобразила взаимоотношения Польши и России, чем вызвала негодование Николая I, запретившего ей показываться в столице.

*216. РБ. 1857, ч. 2, кн. 6. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

Вещая душа моя – выражение из «Слова о полку Игореве».

Так ты – жилица двух миров...По-видимому, обращение к Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172*). Это сравнение (здесь «так» в значении «также», «подобно этому», «так и») имеет интимно-личный и оригинальный художественный смысл. Поэт обнаруживает свойства своей души в любимой женщине. Подробнее см.: Николаев А. А. Художник – мыслитель – гражданин // «Вопросы литературы». 1979, № 1. С. 139–148.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Страсти роковые – выражение из «Цыган» Пушкина.

Мария – сестра Лазаря, которая, по Библии, припала к ногам Христа, прося о воскрешении умершего брата (Иоанн, 11.32). Она слушала слово Христа, сидя у ног его, в то время как ее сестра Марфа «заботилась о большом угощении». Когда Марфа сказала Христу: «Господи!.. Скажи ей <Марии>, чтобы помогла мне», тот ответил: «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую участь, которая не отнимется у нее» (Лука, 10. 39–42). Именно этот эпизод имел в виду Тютчев, ибо его ст-ние также построено на противопоставлении мирской суеты святому делу души.

*217. Ст. 1868, под загл. «Сонет Микель-Анжело». – Печ. по автографу ГБЛ. Две первоначальные ред. – автографы ЦГАЛИ. Перевод четверостишия «Grato m'è 'l sonno, e più l'esser di sasso...» (1545), являющегося ответом на стихи Д. Строщи, навеянные знаменитым изваянием Ночи на саркофаге Джулиано Медичи (в усыпальнице рода Медичи во Флоренции). Восхищенный гениальным творением Микеланджело, Строщи писал:

Ночь, что так сладко пред тобою спит,
То ангелом одушевленный камень;
Он недвижим, но в нем есть жизни пламень,
Лишь разбуди – и он заговорит.
Переведенное в годы Крымской войны четверостишие Микеланджело поэт и позднее хранил в своей памяти. В одном из писем 1870 г. к А. Ф. Аксаковой, негодуя на правящие круги России, он процитировал две строки из этого четверостишия, по-своему перефразировав их: «Есть стихи Микельанжело, где говорится следующее о том времени, когда он жил:

*Mentre che il danno e la vergogna dura,
Non sentir, non pensar è gran ventura,*
что означает по-русски: пока глупцы царствуют и управляют, умные люди должны бы молчать» (ЛН. 1935. Т. 19/21. С. 245). Предварительно Тютчев перевел четверостишие на французский язык (см. № 394*).

218. «Былое». 1922, № 19. – Печ. по списку АБ. Эпиграмма-эпитафия Николаю I, умершему 18 февр. 1855 г. Написана, по всей вероятности, несколько позже, когда под впечатлением падения Севастополя Тютчев подверг особенно резкой критике личность и деятельность покойного самодержца. В письме к жене от 17 сент. 1855 г. он писал: «Для того, чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека...» (Соч. 1984. С. 239).

Ты был не царь, а лицедей. Здесь речь идет скорее не о том, что Николай I участвовал в любительских спектаклях, а о его пристрастии разыгрывать перед подданными эффектные роли и его позерстве.

219. РС. 1885, февр. Текст РС соответствует копии Ф. Ф. Тютчева с утраченного автографа (ПД, архив РС).

220. РА. 1907, вып. 2. – Печ. по автографу ГБЛ (Отдел редких книг) Вклеено в экземпляр Ст. 1854, посланный Тютчевым Абраму Сергеевичу

Норову (1795–1869).

Служил ей мыслию и кровью. Намек на участие Норова в Бородинском сражении, в котором он получил ранение.

Поставлен новым поколеньям в благонадежные вожди. С 1854 по 1858 г. Норов занимал пост министра народного просвещения.

221. Соч. 1900. – Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой (см. примеч. 134*) в день ее рождения.

222. РВ. 1857, кн. 2. – Печ. по автографу ПД. Список рукой Н. Ф. Щербины – ПД. В лирике Николая Федоровича

Щербины (1821–1869) преобладали античные темы и мотивы. В 1858 г. Щербина издал «Сборник лучших произведений русской поэзии», в который включил восемь ст-ний Тютчева.

*223. Шиллер Ф. Полн. собр. соч...в переводе русских писателей. Спб., 1857. Т. 2, под загл. «Фортуна и мудрость». – Печ. по автографу ГПБ с датой: 2 апреля 1857 г. (альбом Н. В. Гербеля). Другой автограф – ГПБ. Перевод ст-ния «Das Glück und die Weisheit» («Счастье и мудрость»), сделанный специально для указ. издания Шиллера, вышедшего под редакцией Н. В. Гербеля.

София – олицетворенная мудрость.

224. «Временник Пушкинского дома». Пг., 1914. Написано в 5-ю годовщину со дня смерти В. А. Жуковского на форзаце несохранившегося экземпляра 10-го тома его сочинений (Спб., 1857), подаренного Тютчевым дочери Дарье (см.: Лирика. Т. 2. С. 369). Тютчев был членом комитета по редактированию этого издания.

На Западе исчез. Намек на то, что последние годы жизни Жуковский провел в Германии, где и умер (в Баден-Бадене).

*225. РБ. 1858, ч. 2, кн. 10. – Ст. 1868, под загл. «Народный праздник». – Печ. по автографу ЦГАЛИ. В первоначальной ред. (автограф Гос. музея Л. Н. Толстого) состояло из двух строф, соответствующих строфам 1 и 3 окончательной ред. Написано в церковный праздник Успенья, на котором Тютчев присутствовал в Овстуге летом 1857 г. Этим объясняется загл., под которым ст-ние было напечатано в Ст. 1868. Замысел ст-ния подсказан предстоящей крестьянской реформой.

*226. РБ. 1858, ч. 2, кн. 10. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева. Текст данного автографа соответствует первоначальной записи (другой автограф – ЦГАЛИ); со слов «птиц не слышно боле» записано под диктовку поэта его дочерью М. Ф. Тютчевой. Впоследствии Тютчев, обратив внимание на двусмысленность ст. 2, несколько изменил его. Текст РБ соответствует автографу ЦГАЛИ. Написано по пути из Овстуга в Москву.

*227. РБ. 1858, ч. 2, кн. 10. – Печ. по двум идентичным автографам ЦГАЛИ. Написано по пути из Овстуга в Москву.

228. НСт. 1926. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано ко дню восемнадцатилетия дочери поэта Марии (1840–1872), в замужестве Бирилевой.

229. РБ. 1858, ч. 2, кн. 10. – Ст. 1868. – Печ. по списку И. Ф. Тютчева (ЦГАЛИ). Автограф ранней ред. – ЦГАЛИ. Посвящено памяти Эл. Ф. Тютчевой (см. примеч. 134), первой жены поэта. Написано в 20-й год со дня ее смерти.

230. РБ. 1858, ч. 2, кн. 10. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. По семейным преданиям Тютчевых, в ст-нии имеется в виду Эрн. Ф. Тютчева (см. примеч. 134*), уничтожившая свою переписку с Тютчевым, относящуюся к первым годам их знакомства.

Присушая (церк. – слав.) – здесь: присутствующая.

*231. РВ. 1858, кн. 1. – Ст. 1868. – Печ. по РВ. Автограф – ГБЛ, ранняя ред., без загл. (соответствует тексту Ст. 1868). Стихи на тему ст-ния австрийского поэта-романтика Н. Ленау (1802–1850) «Wlick in den Strom» («Взгляд в поток»).

*232. РБ. 1859, ч. 1, кн. 13. – Ст. 1868. – Печ. по автографу ГБЛ. Ранняя ред. автографа ЦГАЛИ соответствует тексту Ст. 1868.

Белокрылые виденья – белые лебеди царскосельских прудов, воспетые в стихах многих русских поэтов.

*233–234. «Наше время». 1860, 17 янв., в обратной последовательности ст-ний. – Ст. 1868. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева. Написано по дороге из Кенигсберга в Петербург.

Леман – Женевское озеро.

*235. Ст. 1868, откуда вырезано по требованию автора. – Печ. по списку М. Ф. Тютчевой из собр. К. В. Пигарева. Автограф – ЦГАЛИ, ранняя ред. 20 дек. 1859 г. Тютчев получил пакет с надписью: «Е<го> п<ревосходительству> Федору Ивановичу Тютчеву от в<еликого> к<нязя> генерала-адмирала для будущего бала». В пакете

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru оказались очки. Этот непонятный подарок заставил Тютчева предположить, что на балу у Н. Н. и В. И. Анненковых, за два дня до присылки очков, он не заметил вел. кн. Константина Николаевича и не поклонился ему. Зная, что генерал-адмирал отличается грубостью, Тютчев принял очки за «урок» с его стороны. Раздраженный, он тотчас ответил Константину Николаевичу стихами, которые и были ему доставлены. Однако присылка очков объяснялась предстоящим костюмированным балом в Михайловском дворце, на котором Тютчев и Константин Николаевич должны были появиться в одинаковых домино. Будучи близоруким и не желая быть узнанным по очкам, последний разослал ряду лиц очки. Последствий эта история не имела, так как стихи Тютчева, по существу весьма едкие, могли быть истолкованы и в лестном для адресата смысле: стоило только принять на свой счет не строки о «мелких созвездиях», а строки о «красе небес родных» (см.: коммент. К. В. Пигарева // Лирика. Т. 2. С. 370).

Горний – небесный.

*236. «Гражданин». 1872, 3 янв. – Печ. по новонайденному автографу ЦГАЛИ (ф. 505, оп. 1, ед. хр. 52, л. 80). Карандашный авторский текст прописан в автографе рукой Д. И. Сушковой. Автограф ранней ред. (строфы 1 и 2) – ЦГАЛИ (ф. 505, оп. 1, ед. хр. 35, л. 2).

237. Соч. 1886. – Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Посвящено Елизавете Николаевне

Анненковой (1840–1886), в замужестве княгине Голицыной.

238. «Былое». 1922, № 19. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Эпиграмма вызвана, по-видимому, дебатами по поводу подготовлявшейся крестьянской реформы.

*239. Ст. 1868. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева с поправками по авториз. списку ЦГАЛИ. Вызвано смертью императрицы Александры Федоровны (1798–1860), вдовы Николая I. В ст-нии Тютчев вспоминает о встречах с нею в Веве (Швейцария) в сент. 1859 г.

240. «День». 1861, 16 дек. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

*241. «Наше время». 1861, 6 марта. – Печ. по списку М. Ф. Тютчевой из собр. К. В. Пигарева. Написано по поводу 50-летия литературной деятельности П. А. Вяземского (1792–1878), с которым Тютчева связывали многолетние приятельские отношения. Ст-ние было прочитано на банкете 2 марта 1861 г., устроенном Академией наук в честь Вяземского. О личных и творческих взаимосвязях Тютчева и Вяземского см.: Благой Д. Д. Три века. М., 1933. С. 236–268.

Фиал – кубок.

242. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано в связи с крестьянской реформой.

*243. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Другой автограф – ЦГАЛИ, ранней ред., соответствует тексту Ст. 1868. О ком идет речь в ст-нии, не установлено.

244. Тютчевiana. – Печ. по фотокопии с автографа (архив Института марксизма-ленинизма). Написано на фотографическом портрете Тютчева, подаренном немецкому журналисту Вильгельму

Вольфсону (1820–1865), который в 1861 г. по приглашению Академии наук приезжал из Дрездена в Петербург на юбилей Вяземского. Написанные на немецком языке труды Вольфсона содействовали ознакомлению западноевропейского читателя с русской литературой. В ст. 1 заключен намек на то, что Вольфсон родился в России (в Одессе).

*245. «День». 1861, 21 окт. – Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Два автографа ранних ред. – ЦГАЛИ. Написано ко дню рождения Вяземского.

Теперь не то, что за полгода. Напоминание о чествовании Вяземского в 50-летний юбилей его литературной деятельности, состоявшийся 2 марта 1861 г. (см. примеч. 241*).

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
*246. РА. 1874. вып. 7, по копии П. Д. Голохвастова с утраченного автографа
оконч. ред. Автограф ранней ред. – ЦГАЛИ. Адресат не установлен.

247. «День». 1861, 28 окт. Обращено к старшей дочери поэта Анне (1829–1889), в
замужестве Аксаковой. Под

нелегким жребием Тютчев подразумевает прежде всего раннее сиротство (смерть
матери, первой жены поэта) и придворную службу дочери, которая была фрейлиной
императрицы Марии Александровны (см. примеч. 259*) и воспитательницей ее дочери.
В своих мемуарах и дневнике А. Ф. Тютчева правдиво изобразила придворную жизнь
последних лет царствования Николая I и первых лет правления Александра II. См.:
Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания, дневник. М., 1928–1929.
Вып. 1–2.

248. «Каторга и ссылка». 1931, № 11/12. – Печ. по записи в дневнике Н. Н.
Боборыкина от 5 окт. 1861 г. (ПД, арх. М. Н. Лонгинова). Эпиграмма направлена
против попечителя Петербургского учебного округа Григория Ивановича Филиппсона
(1809–1883). Вызвана его мероприятиями по борьбе со студенческими волнениями
1861 г. и закрытием 25 сент. Петербургского университета. Ранее Филиппсон был
казачьим атаманом, на что и намекает Тютчев в ст. 1. Каламбур, заключающий
эпиграмму, построен на дословном переводе с немецкого на русский фамилии
Филиппсона – сын Филиппа – и на том, что имя отца Александра Македонского было
Филипп.

249–250. Ст. 1868. – Печ. по автографу ПД. Ст-ния были посланы А. А. Фету 14
апр. 1862 г. Написаны в ответ на ст-ние фета «Мой обожаемый поэт...», содержащее
просьбу к Тютчеву о присылке его портрета. Фет был большим почитателем Тютчева.
Он называл его «одним из величайших лириков, существовавших на земле», и дорожил
дружеским расположением, с каким поэт к нему относился. См.: Фет А. А. Мои
воспоминания. М., 1890. Ч. 2. С. 3. Фету принадлежит восторженная статья «О
стихотворениях Ф. Тютчева» (РС. 1859, февр. С. 63–84). Кроме уже упомянутого
ст-ния, Фет посвятил Тютчеву еще два: «Прошла весна, темнеет лес...» и
«Нетленностью божественной одеты...». Уже после смерти поэта Фет написал известные
стихи «На книжке стихотворений Тютчева» (1883), в которых были строки: «Вот эта
книжка небольшая Томов премногих тяжелей». Первая строфа ст-ния фета
перекликается с двумя последними строфами ст-ния «Безумие» (№ 52).

Великой Матерью любимый. Культ Великой Матери (Magna Mater) – древний
синкретический культ, распространенный среди всех средиземноморских народов.

251. Тютчевиана. – Печ. по списку М. Ф. Тютчевой из собр. К. В. Пигарева.
Эпиграмма на повесть Л. Н. Толстого «Казачьи», которая впервые появилась в № 1 РВ
за 1863 г.

252. «День». 1863, 10 авг. Автограф ранней ред. – ЦГАЛИ. Вызвано совместным
дипломатическим выступлением Австрии, Англии и Франции в связи с польским
восстанием 1863 г.

Притон разбойничий в дому молитвы и т. д. Намек на участие католического
духовенства в польском восстании.

253. «Колокол». 1864, 1 янв., л. 176. – Печ. по автографу ГБЛ. Другой автограф –
ЦГАЛИ. Вызвано отказом петербургского генерал-губернатора Александра Аркадьевича

Суворова (1804–1882) подписать приветственный адрес палачу польских повстанцев
М. Н. Муравьеву, прозванному «Вешателем». Как администратор Суворов отличался
мягкостью и был сторонником относительно либерального курса. Это привлекало к
нему симпатии петербургского населения, в частности студенческой молодежи, и
восстановило против него консервативно настроенные круги общества.

Ваш дед великий Его скрепил бы подписью своей. Намек на то, что войска А. В.
Суворова в 1754 г. штурмом взяли предместье Варшавы – Прагу.

*254. Ст. 1868. – Печ. по авториз. списку М. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Посвящено
Надежде Сергеевне Акинфьевой (1839–1891), урожд. Анненковой (во втором браке –
графиня Богарнэ, жена герцога Н. М. Лейхтенбергского).

Она вертела, как хотела, Дипломатическим клубком. Намек на увлечение А. М.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Горчакова (см. примеч. 263*) своей внучатой племянницей Акинфьевой. См. также примеч. 274*, 281*, 331*.

*255. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Николай Иванович

Кроль (1823–1871) – поэт, драматург, сотрудник сатирического журнала «Искра».

*256. РИ. 1864, 22 февр. – Ст. 1868, под загл. «На смерть графа Д. Н. Блудова». Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – государственный и литературно-общественный деятель, президент Академии наук. С Тютчевым и его семьей Блудова связывали многолетние приятельские отношения.

Великий день. Блудов умер в третью годовщину со дня обнародования манифеста о крестьянской реформе.

*257. РВ. 1865, № 2. – Ст. 1868, под загл. «Женева», без строфы 4. – Печ. по автографу ГБЛ. Другие автографы – ЦГАЛИ и ПД. Написано в Женеве.

Биза – местное название сев. ветра, дующего на Женевском озере.

Белая гора – Монблан (буквальный перевод слова Montblanc).

Одной могилой меньше было. Имеется в виду могила Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172*) на Волковом кладбище в Петербурге. Исключение последней строфы И. С. Аксаковым связано именно с этим.

258. РВ. 1865. – Печ. по автографу ГБЛ. В ст-нии поэт вспоминает о последних часах жизни Е. А. Денисьевой. Написано в Ницце.

259–260. 1 – Соч. 1886. 2 – «Русь». 1880, 22 нояб. Посвящены императрице Марии Александровне (1824–1880), жене Александра II, с которой поэт встречался в Ницце. См. также примеч. 369* и 402*.

261. РВ. 1865. – Печ. по автографу ГБЛ. Ст-ние отражает подавленное состояние, в котором поэт находился после смерти Е. А. Денисьевой. Покинув Ниццу весной 1865 г., он писал дочери Анне: «Странную роль сыграла Италия в моей жизни... Дважды являлась она передо мной, как роковое видение, после двух самых великих скорбей, какие мне суждено было испытать... Есть страны, где носят траур ярких цветов. По-видимому, это мой удел...» (Соч. 1984. С. 276). Первая «великая скорбь», пережитая Тютчевым, была вызвана смертью его первой жены, Элеоноры (см. примеч. 134).

262. «День». 1865, 8 янв. Написано в связи с обнародованием 26 нояб. 1864 г. энциклики (послания) папы римского Пия IX, осуждавшей в числе «заблуждений века» свободу совести. В строфе 1 говорится о разрушении Иерусалимского храма римлянами в 70 г.

263. Ст. 1868. По предположению И. С. Аксакова, написано «по поводу грозивших русской печати новых стеснений» (Аксаков. С. 281), По-видимому, Тютчев рассчитывал на то, что князь Александр Михайлович

Горчаков (1798–1883), сменивший в 1856 г. на посту министра иностранных дел австрофила К. В. Нессельроде и проводивший политику защиты национальных интересов, выступит против этих «стеснений», которые грозили и славянофильским органам. В ст. 5–6 содержится намек на дипломатическую деятельность Горчакова во время польского восстания 1863–1864 гг.

264. Ст. 1868. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева. В автографе перед текстом помета: «Из Ниццы в Сими, 11/23 января 1865». Ст-ние было подарено поэтом дочери Дарье со следующей припиской в автографе: «Моя милая дочь, храни это на память о нашей вчерашней прогулке и разговоре, но не показывай никому... Пусть это будет иметь значение лишь для нас двоих... Обнимаю и благословляю тебя от всего сердца. Ф. Т.». Из содержания ст-ния явствует, что темой разговора поэта с дочерью были переживания его в связи со смертью Е. А. Денисьевой. Вместе с тем ст-ние имеет прямое отношение и к Д. Ф. Тютчевой. Со строфой 1 следует сопоставить строки из письма поэта к Дарье от 8 сент. 1864 г., написанного через месяц после смерти Е. А. Денисьевой: «...если б что и могло меня подбодрить, создать мне по крайней мере видимость жизни, так это сберечь себя для тебя,

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru посвятить себя тебе, мое бедное, милое дитя, – тебе, столь любящей и столь одинокой, внешне столь мало рассудительной и столь глубоко искренней, – тебе, кому я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви, которая у тебя, мое бедное дитя, осталась неутоленной» (Соч. 1984. С. 271).

*265. «День». 1865, 22 янв. – РВ. 1865, кн. 2. – Печ. по автографу ГБЛ, посланному Тютчевым в редакцию РВ 1 февр. 1865 г. со следующим письмом: «Прилагаемая пьеса напечатана была без моего ведома, в самом безобразном виде, в 4-м № «Дня»... Я, бог свидетель,нисколько не дорожу своими стихами, – теперь менее, нежели когда-нибудь, но не вижу и необходимости брать на свою ответственность стихов, мне не принадлежащих» (Лирика. Т. 1. С. 422). Четыре автографа ранних ред. – ЦГАЛИ. Написано в Ницце.

*266. РА. 1885, вып. 10, под загл. «Москвичам». – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Вызвано адресом московского дворянства о созыве Земской думы, поданным Александру II 11 янв. 1865 г. На эпиграмму последовал ответ «москвичей», написанный князем Н. П. Мещерским:

Вы ошибаетесь грубо,
И в вашей Ницце, дорогой,
Сложили, видно, вместе с шубой
Вы память о земле родной.
В раю терпение уместно,
Политике там места нет;
Там всё умно, согласно, честно,
Там нет зимы, там вечный свет.
Но как же быть в стране унылой,
Где ныне правит Константин
И где слились в одно светило
Валуев, Рейтерн, Головнин?
Нет, нам парламента не нужно,
Но почему ж нас проклинать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко караул кричать?

См.: А. В. Никитенко. Дневник. Л., 1955. Т. 2. С. 510. В ответном ст-нии упоминаются председатель Государственного совета вел. кн. Константин, министры: внутренних дел П. А. Валуев, финансов – М. Х. Рейтерн и народного просвещения – А. В. Головнин.

267. РА. 1874, вып. 10, ст. 1–11, 13–16. – ив. 1903, № 7, в статье: Тютчев Ф. Ф. Федор Иванович Тютчев: Материалы к его биографии, под загл. «По возвращении из Ниццы в 1865 г.». В ст-нии поэт вспоминает о Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172*). Темой умирания памяти о минувшем переключается со ст-нием № 304.

*268. «Иппокрена». 1917, окт. – Печ. по автографу ЦГАОР (при письме к А. М. Горчакову от 11 апр. 1865 г.). Два автографа ранних ред. – ПД и ГПБ. Написано по случаю столетней годовщины со дня смерти М. В. Ломоносова, исполнившейся 4 апр. 1865 г. Было прочитано Я. П. Полонским на вечере памяти Ломоносова в зале Дворянского собрания.

Зловещей думою томим. Умиравший Ломоносов высказал опасение, что все его полезные начинания умрут вместе с ним.

Борец ветхозаветный – древнееврейский патриарх Иаков. По библейскому сказанию, однажды с Иаковом «боролся некто до появления зари», и только на рассвете Иаков понял, что он боролся с богом (Бытие, 32.24–32).

269. «Былое». 1922, № 19. Три автографа – ЦГАЛИ и ГБЛ. Вызвано предсмертной болезнью старшего сына Александра II, наследника престола вел. кн. Николая Александровича (1843–1865). См. также примеч. 270 и 271*.

Ков – здесь: коварная молва, злой умысел.

270. РИ, 1865, 14 апр., под загл. «12 апреля 1865». – Печ. по Ст. 1868. Вызвано смертью наследника престола вел. кн. Николая Александровича. См. также примеч. 269.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
271. Ст. 1868, откуда было вырезано по требованию автора. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Эпиграмма вызвана слухами о том, что «уход» за вел. кн. Николаем Александровичем графа С. Г. Строганова (1794–1882), попечителя при наследнике, пагубно отразился на здоровье последнего и был причиной его смерти от туберкулеза. См. также примеч. 269* и 270*.

*272. РВ. 1865, № 8. – Ст. 1868, без строфы 4. – Печ. по автографу ГБЛ. Отбросил строфу 4 И. С. Аксаков, в которой ему не понравилось «иностранное слово» «протест». См. по этому поводу письмо Аксакова к Е. Ф. Тютчевой // Чулков Г. Последняя любовь Тютчева. М., 1928. С. 60. Написано в Петербурге во время поездки на острова. Эпиграф заимствован у римского поэта IV в. до н. э. Авзония. Б. М. Козырев в «Письмах о Тютчеве» (ММ) отметил, что философскому содержанию этого ст-ния о разладе человека и природы соответствует и стилистический диссонанс. Мировой гармонии, описанной в духе пифагорейско-платонического учения, противостоит «отчаянный протест» – выражение, «словно бы сошедшее со страниц радикальной журналистики шестидесятых годов». По мнению В. В. Гиппиуса, в ст-нии отразилось влияние учения Шеллинга о свободе (см.: ПССТ. 1939. С. 17–18).

Музыкальный – музыкальный.

Мыслящий тростник – образ, восходящий к известному афоризму Б. Паскаля, французского философа, писателя, математика (из его «Мыслей»): «Человек не более как самая слабая тростинка в природе, но это тростинка мыслящая».

Глас вопиющего в пустыне – библейское выражение (кн. пророка Исаяи, 40.3), процитированное во всех четырех евангелиях и ставшее идиомой.

273. Полонский Я. П. Соч. СПб., 1869. Т. 1. Написано в ответ на ст-ние Якова Петровича

Полонского (1819–1898) «Ф. И. Тютчеву» («Ночной костер зимой у перелеска...»).

274. ПССТ. 1934. – Печ. по списку ЦГАОР. Посвящено

Н. С. Акинфьевой (см. примеч. 254*). Написано по ее просьбе написать стихи в альбом.

Дядя достославный – А. М. Горчаков (см. примеч. 263*).

275. ИВ. 1903, № 7. Обращено, по всей вероятности, к близкому другу поэта А. И. Георгиевскому (1829–1911), мужу сестры Е. А. Денисьевой Марии.

276. РВ. 1865, № 7. – Ст. 1868, под загл. «Восход солнца», по неисправному списку. – Печ. по РВ. Ст-ние в аллегорической форме выражает мечты поэта о политическом и национальном возрождении восточных славян. Вместе с тем, по верному замечанию И. С. Аксакова, «образ сам по себе так самостоятельно хорош, что очевидно, если не перевесил аллегорию в душе поэта, то не подчинился ей, а вылился свободно и независимо» (Аксаков. С. 118).

277. ИВ. 1903, № 7. Написано накануне первой годовщины смерти Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172*).

278. «День». 1865, 25 сент. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф строфы 1 – ПД. Написано в городе Рославле.

*279. «День». 1865, 25 сент. – Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано по дороге из Овстуга в Дядьково или на обратном пути.

280. ИВ. 1903, № 7. Написано поэтом в день своего рождения и связано с воспоминанием о Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172*).

281. РА. 1874, вып. 12. В Соч. 1900 указано, что в ст-нии речь идет об Н. С. Акинфьевой (см. примеч. 254*, 274* и 331*), внучатой племяннице А. М. Горчакова (см. примеч. 263*). Вызвано, по-видимому, светскими пересудами об ее разводе с мужем и предполагавшемся браке с Горчаковым.

282. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано в связи со второй годовщиной

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
смерти графа Д. Н. Блудова (см. примеч. 256*). Обращено к его дочери Антонине Дмитриевне (1812–1891),

283. Соч. 1900. Написано по случаю покушения Д. В. Каракозова (1840–1866) на Александра II 4 апр. 1866 г. Возможно, что ст-ние было написано в тот же день.

284. ПССт. 1934. – Печ. по автографу ПД. Повод к написанию не установлен.

285. Ст. 1868, откуда вырезано по требованию автора. – Печ. по списку М. Ф. Бирилевой (ММ), в котором загл. вписано рукой Эрн. Ф. Тютчевой. В резком тоне тютчевского ст-ния сказались предубежденное отношение консервативных слоев русского общества к административной деятельности А. А. Суворова (см. примеч. 253*). Покушение Каракозова на Александра II 4 апр. 1866 г. было расценено в правительственных кругах как следствие нерадивости Суворова. Это повлекло за собой упразднение должности генерал-губернатора, которую он занимал.

286. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Вызвано распоряжением Министерства внутренних дел о приостановке на три месяца МВ, к редакции которых Тютчев был в эти годы близок. См.: Бухштаб Б. Я. Три стихотворных послания Тютчева // «Труды Ленинградского гос. библиотечного ин-та им. Н. К. Крупской». 1956. Т. 1. С. 238–240.

*287. «Былое». 1922, № 19. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Эпиграмма вызвана назначением директора канцелярии морского ведомства Самуила Алексеевича Грейга (1827–1877) товарищем министра финансов.

288. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. В письме к жене от 31 июля 1866 г. из Царского Села, о котором идет речь в ст-нии, Тютчев писал: «В течение нескольких дней стоит довольно хорошая погода, и, когда солнце пригревает и небо ясно, царскосельские сады в самом деле очень красивы. Чувствуешь себя погруженным в более изысканную стихию: это прелестно и величественно в одно и то же время» (СН. 1916, кн. 21. С. 230). Датируется по связи с этим письмом.

289. РИ. 1866, 7 сент., под загл. «Памяти графа М. Н. Муравьева». – Ст. 1868. – Печ. по двум идентичным автографам ЦГАЛИ. О Муравьеве – см. примеч. 253.

*290. Ст. 1868, откуда было вырезано по требованию автора, под загл. «Еще князю П. А. Вяземскому». – Печ. по автографу ЦГАЛИ (ст. 4 вписан рукой Эрн. Ф. Тютчевой). Непосредственным поводом к написанию ст-ния послужили сатирические ст-ния Вяземского «Воспоминания из Буало» и «Хлестаков», направленные против М. Н. Каткова (1818–1887), редактора РВ и МВ. См.: Вяземский П. А. Избр. стихотворения. М. – Л., 1935. С. 463–468. Несмотря на консервативность тогдашних политических убеждений Вяземского, ему претил откровенный национализм Каткова и его манера поучать правительство. Тютчев в то время был близок к редакции РВ и МВ, членом которой состоял его друг А. И. Георгиевский. Данное ст-ние, написанное как бы в защиту Каткова, было послано Тютчевым Георгиевскому при письме от 3 сент. 1866 г. для публикации в РВ, где оно не было напечатано. Ст-ние является очень острой, хотя и косвенной характеристикой Вяземского в его отношении к молодым поколениям вообще. Нечто подобное писал Тютчев о Вяземском, прослушав однажды его статью по поводу «Войны и мира» Л. Н. Толстого: «...натуры столь колючие, как Вяземский, являются по отношению к новым поколениям тем, чем для малоисследованной страны является враждебно настроенный и предубежденный посетитель-иностранец» (письмо к Е. Ф. Тютчевой от 3 янв. 1869 г. // Соч. 1984. С. 332). Требование исключить стихи из Ст. 1868 объясняется нежеланием Тютчева портить давние приятельские отношения с Вяземским. См. по этому поводу его письмо к Е. Ф. Тютчевой от 26 марта 1868 г. (Соч. 1984. С. 321).

*291. «Лит. библиотека». 1866, окт., кн. 1. – Печ. по идентичным автографам ЦГАЛИ и ГБЛ. Два автографа ранних ред. – ЦГАЛИ. Написано по поводу приезда в Петербург в сент. 1866 г. датской принцессы Дагмары, невесты наследника престола вел. кн. Александра Александровича (будущего императора Александра III).

292. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

*293. «Вестник Европы». 1866, т. 4, без строк 4–5 и с последним ст., измененным по требованию цензуры (см.: ЛН. 1935. Т. 19/21. С. 586). – Печ. по Ст. 1868. Автограф ранней ред. – ЦГАЛИ. Написано для вечера памяти Н. М. Карамзина (в 100-летнюю годовщину его рождения) в Обществе для пособия нуждающимся

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
литераторам, где оно было прочитано М. М. Стасюлевичем.

*294. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано по поводу восстания христианского населения острова Крит против турецкого владычества. Критяне пользовались поддержкой греков. Тютчев, понимавший, что без поддержки Европы и России эти выступления христиан Востока против турок обречены на поражение, но явно переоценивавший возможности России после поражения в Крымской войне, надеялся, что Россия окажет помощь восставшим и воспользуется событиями на Крите для решительного выступления по восточному вопросу. Ст-ние было написано 20 дек. 1866 г., а через несколько дней, после обращений русского кабинета к европейским державам с призывом защитить христианские племена исламского мира, Тютчев написал ст-ние «Хотя б она сошла с лица земного...» (№ 295). Предпринятые русским правительством дипломатические акции практических результатов не имели.

295. Ст. 1868. См. примеч. 296*. В списке М. Ф. Тютчевой (собр. К. В. Пигарева) имеется помета: «На слово леди Бьюкенен: „...бал в пользу кретин“ вместо „христиан“» (в подлиннике по-французски: «...„une bal pour des crétins“ au lieu „de chrétiens“»). Имеется в виду какой-то благотворительный бал для сбора пожертвований в помощь борющимся христианам Крита. На фоне пассивности официальных кругов России желание лишний раз устроить увеселительное мероприятие не могло не вызвать возмущения Тютчева, не раз говорившего о недостойном поведении русского правительства в данной ситуации. Так, летом 1867 г. он писал жене: «Трагична участь бедных кандиотов, которые будут раздавлены. Наше поведение в этом деле самое жалкое. Иногда преступно и бесчестно быть настолько ниже своей задачи» (СН. 1916, кн. 21. С. 225). Вместе с тем Тютчев одобрял дипломатические шаги русского правительства по этому вопросу, противопоставляя их двуличию буржуазных правительств, демагогически заявлявших о верности религиозным и нравственным принципам, а на деле подчинявших свою политику корыстным интересам данного момента. См. также примеч. 294*, 385* и 401*.

*296. Ст. 1868, под загл. «В альбом княгини Т.» и с заменой в ст. 5 слова «бог» на «царь», видимо, по ценз. причинам. – Печ. по автографу ПД. Автограф ранней ред. – ЦГАЛИ. Ст-ние 13 января 1867 г. было вписано в альбом Елизаветы Эсперовны Трубецкой (1830–1907). Французский оригинал не установлен.

Золотой дворец – отличавшийся неслыханной роскошью дворец, построенный Нероном (37–68) после пожара Рима в 64 г. и разрушенный после падения императора. Ст-ние перекликается с эпизодом из романа «Коринна, или Италия», где Ж. де Сталь пишет о судьбе «Золотого дворца», путая его с Дворцом цезарей, что «от него осталась лишь груда развалин... Сейчас на этом месте лежат камни, покрытые бурно разросшейся травой: так природа еще раз восторжествовала над творением человека, утешая его красотой своих цветов за причиненные ею разрушения» (Сталь де Ж. Коринна, или Италия. М., 1969. С. 69).

297. «Былое». 1922, № 19. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Эпиграмма направлена против графа Петра Андреевича Шувалова (1827–1889), шефа жандармов и начальника III Отделения. Назначенный в 1866 г. на эти посты, Шувалов был облечен чрезвычайными полномочиями и получил в Петербурге прозвища «Петр IV» и «Аракчеев II» (см.: Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1934. С. 270).

298. Ст. 1868, под загл. «Графине А. Д. Блудовой при получении от нее книги с заметками гр. Д. Н. Б.». – Печ. по списку М. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). О

Блудовой см. примеч. 282*.

Посмертным альбомом Тютчев назвал изданную посмертно книгу Д. Н. Блудова «Мысли и замечания» (Спб., 1866).

*299. «Отечественные записки». 1867, май, кн. 1, вслед за статьей Н. Н. Страхова «Новая повесть Тургенева». Три автографа – ЦГАЛИ, Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки АН УССР (фонд Н. Н. Страхова) и в собр. П. Г. Богатырева. Во втором загл. «Современное». Написано в связи с появлением в № 3 РВ за 1867 г. романа И. С. Тургенева. «Дым». 23 апр. 1867 г. В. П. Боткин писал Тургеневу: «Вчера я был у Ф. И. Тютчева, – он только что прочел и очень недоволен. Признавая все мастерство, с каким нарисована главная фигура, он горько жалуется на нравственное настроение, проникающее повесть, и на всякое отсутствие национального чувства» (Боткин В. П. и Тургенев И. С. Неизданная переписка. М.; Л., 1930. С. 264). В своем ст-нии Тютчев противопоставляет роману «Дым»

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
творчество писателя 1840-х – начала 1850-х гг., которое он называет «могучим и прекрасным», «волшебным и родным» лесом.

300. мв. 1867, 14 мая. – «Галичанин». 1867, 20 мая. – Ст. 1868. – Печ. по беловому автографу ПД. Черновой автограф – ПД. Написано в связи со Славянским съездом (см. примеч. 138). Прочитано Б. М. Маркевичем в качестве приветствия славянским гостям, прибывшим на московскую Этнографическую выставку, 11 мая 1867 г. на банкете в петербургском Дворянском собрании.

Косово поле. Имеется в виду сражение при Косове, произошедшее 27 авг. 1389 г. между османской армией под начальством султана Мурада I и христианскими союзниками, действовавшими под командованием сербского короля Лазаря, – сражение, в котором турки одержали победу.

Белая Гора – возвышенность близ Праги. Жестокое поражение, нанесенное здесь чехам 8 нояб. 1620 г. войсками германского императора Фердинанда II, привело к утрате политической самостоятельности Чехии. В строфе 7 выразилось характерное для реакционно настроенной части русского общества отношение к Польше, представители которой не были приглашены на Славянский съезд.

*301. мв. 1867, 24 мая. – Ст. 1868, с эпиграфом мв. загл. – Печ. по автографу собр. К. В. Пигарева, посланному И. С. Аксакову 16 мая 1867 г. со следующим письмом: «Вот вам, любезнейший Иван Сергеич, окончательное издание этих довольно ничтожных стихов, уже, вероятно, сообщенных вам Ю. Ф. Самариным. Не смейтесь над эту ребячески-отеческою заботливостью рифмотворца об окончательном округлении своего пустозванного безделья» (Ст. Письма-1957. С. 539). Два автографа ранних ред. – ЦГАЛИ и ПД. Прочитано С. М. Сухотиным 21 мая 1867 г. на банкете, данном в честь прибывших на московскую Этнографическую выставку славянских гостей. По просьбе публики И. С. Аксаков прочитал его вторично. Эпиграф – слова австрийского министра иностранных дел графа фон Бейста, проводившего политику подавления славянских народностей. Характеризуя роль Австрии в судьбах славянства, Тютчев еще в 1849 г. писал в набросках к трактату «Россия и Запад», что именно Австрия «выражала факт преобладания одного племени над другим: племени немецкого над славянским» (Аксаков. С. 212).

*302. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф ранней ред. – ЦГАЛИ. Повод к написанию ст-ния не выяснен. И. С. Аксаков приводит ст-ние в доказательство того, что «ничто не раздражало Тютчева в такой мере, как скудость национального понимания в высших сферах, правительственных и общественных, как высокомерное, невежественное пренебрежение к правам русской народности» (см.: Аксаков. С. 74).

303. «Юбилей государственного канцлера князя А. М. Горчакова 1867 года» (литогр. изд., ЦГАОР). – Печ. по Ст. 1868. Автограф – ЦГАОР. Написано по поводу 50-летия государственной деятельности Горчакова (см. о нем примеч. 263). 13 июня 1867 г. в связи с юбилеем он был назначен государственным канцлером.

304. Сочинения графа П. И. Капниста. М., 1901. Т. 1. – Печ. по новонайденному автографу, поступившему в Музей русской культуры (Сан-Франциско, Калифорния, США), в собр. М. Чижевской, из Японии. Написано 14 окт. 1867 г. во время заседания Совета Главного управления по делам печати. Присутствовавший на заседании писатель и редактор «Правительственного вестника» П. И. Капнист заметил, что Тютчев «был весьма рассеян и что-то рисовал или писал на листе бумаги, лежавшей перед ним на столе. После заседания он ушел в раздумье, оставив бумагу». Экспромт был взят Капнистом «на память о любимом им поэте». Этот листок с автографом и рисунком поэта обнаружен недавно Р. Лэйном.

305. «Москва». 1867, 29 окт. написано по поводу вторжения итальянских патриотов, возглавляемых Дж. Гарибальди (1807–1882), в Папскую область и их борьбы со светской властью пап. Конечным результатом этой борьбы было завершение к 1879 г. объединение Италии.

Чью помощь ни зови. Намек на помощь, оказанную папству французскими войсками, которые в нояб. 1867 г. отбили наступление гарибальдийцев. Об отношении Наполеона III к светской власти папы Тютчев упоминает в письме к жене от 8 окт. 1867 г. // Соч. 1984. С. 312.

Тиара – тройная корона папы римского.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
А ты, ее носитель неповинный, и т. д. Обращение к папе Пию IX.

*306. «Русский». 1868, 1 янв. – Печ. по автографу ЦГАОР. Три автографа других ред. – ЦГАОР. Написано в связи с обнародованием 5 дек. 1867 г. дипломатической переписки русского правительства по восточному вопросу, в особенности же в связи с декларацией, в которой оно отказывалось от дальнейшего гарантирования целостности Турецкой империи. Тютчев тщетно надеялся, что это заявление вызовет всеобщее восстание восточных славян против турецкого владычества.

«Journal de St.-Pétersbourg» – правительственная газета, издававшаяся в Петербурге на французском языке.

307. ив. 1903, № 7. В последней строфе – воспоминание о Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172*).

308. «Русский». 1868, 19 июля. Навечно зрелищем лесных пожаров под Петербургом летом 1868 г.

309. Ст. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано на хуторе Гостиловка близ Овстуга.

*310. «Русский». 1869, 31 янв. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф ПД – на форзаце экземпляра Ст. 1868, подаренного Тютчевым М. П. Погодину. Автограф ЦГАЛИ был послан Погодину в письме от 30 авг. 1868 г., в котором Тютчев писал: «Простите авторской щепетильности. Мне хотелось, чтобы по крайней мере те стихи, которые надписаны на ваше имя, были по возможности исправны, и потому посылаю вам их вторым изданием». Получив сборник ст-ний, Погодин ответил Тютчеву: «Вы заставили меня пожалеть, что не пишу стихов, любезнейший Федор Иванович. Возражу вам прозой, что такие стихи, родясь утром, не умирают вечером, потому что чувства и мысли, их внушающие, принадлежат к разряду вековечных...» (цит. по: Лирика. Т. 2. С. 396).

Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – публицист и историк, университетский товарищ Тютчева.

311. «Москва». 1868, 25 сент. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева (в письме к И. С. Аксакову от 22 сент. 1868 г.).

Ковалевский Егор Петрович (1809 или 1811–1868) – писатель, путешественник, востоковед, почетный член Петербургской Академии наук. Деятельность его высоко ценили также Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин.

312. «Былое». 1922, № 19. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Эпиграмма вызвана ценз. преследованиями славянофильского органа – газеты «Москва» и почти дословно перекликается с письмом Тютчева к брату Николаю от 13 апр. 1868 г.: «Все они <чиновники Министерства внутренних дел> более или менее мерзавцы, и, глядя на них, просто тошно, но беда наша та, что тошнота наша никогда не доходит до рвоты» (Соч. 1984. С. 325).

313. «Заря». 1869, № 2. Вольный перевод ст-ния Г. Гейне «Der Tod, das ist die kühle Nacht...» («Книга песен»: «Опять на родине», 87).

314. РА. 1884, вып. 1. – Печ. по идентичным автографам ЦГАЛИ (в письме к А. Ф. Тютчевой от 18 янв. 1869 г.) и ЦГАОР. Эпиграмма направлена против Владимира Дмитриевича Скарятин, издателя-редактора газеты «Весть», органа дворянской оппозиции реформам 1860-х гг. «Весть» требовала передачи административной власти в деревне в руки дворянства и ограничения самодержавия дворянским парламентом с преимущественными правами аристократии на управление государством.

Громите речью вы свободной всех тех, кому зажали рот! Имеются в виду, в первую очередь, славянофилы, против которых выступала «Весть» и которые после закрытия в 1868 г. «Москвы», издававшейся И. С. Аксаковым, не имели своего печатного органа.

315. ПСст. 1934. – Печ. по автографу ЦГАОР. Обращено к А. М. Горчакову (см. о нем примеч. 263*).

316. «Празднование тысячелетней памяти первосвятителя славян св. Кирилла 14

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru февр. 1869 года в С.-Петербурге и Москве». Прага. 1869. – Печ. по списку, посланному М. Ф. Тютчевой И. С. Аксакову в письме от 15 февр. 1869 г. (ЦГАЛИ).

Кирилл (827–869) – первоучитель славян, создатель (вместе с Мефодием) церковно-славянской азбуки.

Он нехотя свой прах тебе оставил, Рим. По жалобе католических священников Моравии на Кирилла и Мефодия они были вызваны на суд к папе римскому. Вскоре по прибытии в Рим Кирилл умер.

317. «Сев. цветы на 1903 год». М. 1903. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

*318. Соч. 1886. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

319. Соч. 1868. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано по случаю празднования 11 мая 1869 г. памяти просветителей славян Кирилла и Мефодия в Славянском благотворительном обществе.

Не утаится град от зрения людского, Стоя на горней высоте – цитата из евангелия от Матфея (5. 14).

320. «Эстляндские губернские ведомости». 1869, 25 июня. Автографы – ЦГАЛИ и ГПБ. В первых строках имеется в виду сад, разведенный по приказанию Петра I вокруг построенного им загородного дворца в Екатеринентале близ Ревеля (Таллина).

Екатерининская долина – дословный перевод с немецкого слова «Екатериненталь» (по-эстонски: Кадриорг).

321. МВ. 1882, 14 мая, в анонимной заметке «Из Серпуховского уезда», по тексту записной книжки (памятного альбома) усадьбы Отрада-Семеновское, с пометой «Отрада» и подписью: Ф. Тютчев. Написано в имении Орловых-Давыдовых Серпуховского уезда Московской губ. Граф В. П. Орлов-Давыдов (1809–1882), известный богач, занимался благотворительностью, заботился об устройстве быта крестьян.

322. Соч. 1868. – Печ. по списку И. Ф. Тютчева (ЦГАЛИ), в котором имеется следующее примеч.: «Стихотворение это написано Ф. И. Тютчевым в одно из последних пребываний его в принадлежавшем ему имении с. Овстуге и вызвано видом собаки, гнавшей за стадом гусей и уток». Автограф строфы 5 – ЦГАЛИ.

*323. «Православное обозрение». 1869, № 9. – Печ. по беловому автографу ПД. Черновой автограф – ПД. Прочитано 24 авг. 1869 г. в Москве на заседании Славянского комитета, посвященном 500-летию со дня рождения чешского проповедника-реформатора Яна Гуса (1369–1415). Стихи были присоединены к золотой чаше, посланной Комитетом в Прагу. В русских славянофильских кругах гуситство рассматривалось как протест славянской религиозной мысли против западноевропейской. Разделяя это убеждение, Тютчев писал в статье «Россия и Революция»: «...вся еще сохранившаяся в Богемии национальная жизнь сосредоточена в ее гуситских верованиях, в этом постоянно живучем протесте ее угнетенной славянской национальности против захватов римской церкви, а также и против немецкого господства» (ПССоч. 1913. С. 463). Под

страшной ценой подразумевается казнь Яна Гуса, обвиненного в ереси и сожженного живым по приговору католической церкви.

*324. «Заря». 1869, № 9. Автограф – ЦГАЛИ. Ст-ние навеяно встречей с А. Н.

Муравьевым (см. примеч. 12*) в Киеве в авг. 1869 г.

Воздушно-светозарный храм – Андреевский собор в Киеве, построенный по проекту Растрелли. Назван в честь святого Андрея Первозванного, считавшегося первым проповедником христианства на Руси. А. Н. Муравьев жил неподалеку от Андреевского собора.

325. Соч. 1886. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано в Овстуге.

326. «Красная нива». 1926, № 6. – Печ. по идентичным автографам ПД и Гос. литературного музея.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

*327. «Голос». 1869, 15 окт. Автограф – ЦГАЛИ. Вызвано торжествами, проходившими в окт. 1869 г. в Турции в связи с завершением строительства Суэцкого канала, которое было осуществлено с помощью Франции. Поэтому Наполеону III и его жене императрице Евгении (о ней говорится в строфах 9–11) в Турции оказывались особенные почести.

Музыка – музыка.

Рима дочь – католичка.

Как вторая Клеопатра. В древности, при египетской царице Клеопатре (I в. до н. э.), уже существовал канал на Суэцком перешейке, но позднее он был занесен песком.

*328. «Голос». 1869, 28 дек. – Печ. по списку Эрн. Ф. Тютчевой из собр. К. В. Пигарева. Написано по поводу забаллотирования на выборах в адъюнкты Академии наук известного слависта-этнографа, собирателя онежских былин Александра Федоровича

Гильфердинга (1831–1872). Тютчев высоко ценил его заслуги перед русской и славянской филологией. Во время предсмертной болезни он написал ст-ние, посвященное памяти Гильфердинга (№ 375).

329. Соч. 1886, с опечаткой в ст. 19 («на» вм. «не» – исправлена в ПССоч. 1912). Юлия Федоровна

Абаза (ум. 1915) – музыкантша и певица. Была дружна с Гуно и Листом, принимала активное участие в основании Русского музыкального общества.

330. Нст. 1926. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Повод к написанию эпиграммы не установлен.

331. ПСст. 1934. – Печ. по списку из архива А. М. Горчакова (ЦГАОР), в котором подпись «Ө. Т.» воспроизведена с ошибкой («О. Т.»). В ст. 9 слово «смелый» заменено на «милый» по рифме и смыслу (см: Лирика. Т. 2. С. 434). Обращено, по-видимому, к Н. С. Акинфьевой (см. примеч. 254*, 274*, 281*).

*332. Соч. 1886. – Печ. по идентичным автографам ЦГАЛИ и ПД (альбом Е. Н. Опочинина). Русскому тексту в автографах предшествует полный текст немецкого подлинника. Автограф ранней ред. – ЦГАЛИ. Перевод песни Клары из 2-й сцены 3-го акта драмы Гете «Эгмонт».

*333. «Заря». 1870, № 5. Автографы ранних ред. – ЦГАЛИ и ПД, без загл. Написано для прочтения на вечере с «живыми картинами», устроенном 1 апр. 1870 г. в пользу Славянского благотворительного комитета. Предварительно, 26 марта, оно было прочитано на литературном вечере у Тютчева.

Клир – церковный причт; духовенство.

Вероломный кесарь – германский император Сигизмунд, давший Гусу (см. примеч. 323*) охранную грамоту при вызове его на церковный собор в Констанце, но затем, под давлением собора, признавший ее недействительной, как выданную еретика.

Старица простая. По преданию, одна старая женщина бросила вязанку хвороста в костер Гуса, чем вызвала его восклицание: «Sancta simplicitas!» («Святая простота!»).

334. Соч. 1886. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано проездом через Вильну (Вильнюс) за границу.

Крин – лилия.

Позднее былое – польское восстание 1863 г.

335. «Заря». 1870, № 12, с пометой: Карлсбад. По указанию, сделанному Я. П. Полонским П. В. Быкову, инициалы в загл. обозначают сокращение переставленных слов «Баронессе Крюденер» (см.: ПССоч. 1912. С. 638). Как и многие другие

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru примеч. ПССоч. 1912, данное примеч. не вызывает доверия. В перечне курортных гостей и полицейских протоколах Карлсбада имя А. Адлерберг (в первом браке – Крюденер) не значится. Скорее всего, ст-ние обращено к сестре первой жены Тютчева Клотильде Ботмер (1809–1882), в замужестве Мальтиц, которая находилась в июле 1870 г. в городе Кезене под Наумбургом (в 120 км от Карлсбада) и с которой Тютчев мог встретиться между 21 и 26 июля, перед поездкой в Теплиц.

*336. «Заря». 1870, № 10. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Прочитано 1 окт. 1870 г. на празднестве, устроенном Славянским благотворительным комитетом по случаю перехода в православие 13-ти чехов.

Кровь льется через край. Имеется в виду начавшаяся 19 июля 1870 г. франко-прусская война.

Оракул наших дней – германский канцлер Отто Бисмарк (1815–1898), процитированные в ст-нии слова которого выражают идеологию германского милитаризма.

*337. «Русь». 1880, 22 нояб., под загл. «В альбом П. А. Вакара» и с примеч. от редакции: «Это стихотворение, так сказать, от цензора к цензору – печатается нами с разрешения самого П. А. Вакара <1820–1899>, которому, как члену Совета Главного управления по делам печати, Ф. И. Тютчев в качестве члена того же Совета приходился коллегой». – Печ. по списку ГБЛ с утраченного автографа (в письме К. П. Победоносцева к Е. Ф. Тютчевой). О ценз. деятельности поэта и его сослуживцев см.: Брискман М. Ф. И. Тютчев в комитете цензуры иностранной // ЛН. 1935. Т. 19/21. С. 565–578; Пигарев. С. 158–168.

Штуцер – род ружья; здесь: намек на охранительную функцию цензуры.

*338. РВ. 1871, янв. Автографы – ЦГАЛИ, ПД (собр. К. Р.) и собр. Ю. Г. Оксмана. Александра Васильевна

Плетнева (1826–1901) – жена поэта и критика П. А. Плетнева.

339. «Поздравления князю А. М. Горчакову по поводу циркуляра 19 окт. 1870 г.» (литогр. изд., ЦГАОР). – Печ. по автографу ЦГАОР (в письме к А. М. Горчакову от 6 дек. 1870 г.) с восстановлением загл. по автографам ПД и Центрального гос. музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки. Еще два автографа – ЦГАЛИ и ЦГАОР. Вызвано обнаружением 3 нояб. 1870 г. декларации А. М. Горчакова (см. о нем примеч. 263) о расторжении 14-й статьи Парижского мирного договора 1856 г., ограничивавшей права России на Черное море. Пояснением к последней строфе служит письмо Тютчева к А. Ф. Аксаковой от 22 нояб. 1870 г., в котором «твердому и достойному образу действий» правительства он противопоставляет «жалкое и даже омерзительное поведение петербургских салонов», заискивающих перед иностранцами (см.: ЛН. 1935. Т. 19/21. С. 245).

Точка Архимеда – поворотный пункт; Архимеду приписываются слова: дайте мне точку опоры, и я поверну весь мир.

*340. РА. 1874, вып. 10. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева (в письме поэта к Е. Ф. Тютчевой от 31 дек. 1870 г. из Петербурга). Автограф ранней ред. – ЦГАЛИ.

Брат – Николай Иванович Тютчев (1800–1870). Написано по дороге из Москвы в Петербург, куда Тютчев возвращался после похорон брата. По словам И. С. Аксакова, Н. И. Тютчев был, «можно сказать, единственным другом Ивана Федоровича, у которого вне семьи было великое множество «друзей», но между ними ни одного, с кем бы преимущественно пред прочими делился он всеми тайнами мысли и сердца, с кем бы состоял в отношениях исключительно тесной, задушевной дружбы. Николай Иванович Тютчев любил брата не только с братскою, но с отцовскою нежностью, и ни с кем не был Иван Федорович так короток, так близко связан своею личною судьбой с самого детства» (Аксаков. С. 307).

341. «Труды Ленинградского гос. библиотечного института имени Н. К. Крупской». 1956. Т. 1. Четверостишие было записано Тютчевым в альбом П. А. Вакара (см. примеч. 337*).

342. Мур. сб. 1928. – Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой в письме ее к Е. Ф. Тютчевой от 4 февр. 1871 г. (ММ).

343. «Стихотворения к живым картинам, данным в пользу Славянского благотворительного комитета 29 марта 1871 г.». Спб., 1871. Автограф строф 3 и 4 – ЦГАЛИ. Вызвано отменой 14-й статьи Парижского мирного договора 1856 г. (см. примеч. 339). В строфе 4 курсивом выделена цитата из ст-ния Пушкина «К морю».

Петропавловского свода...гробовая сень. Имеется в виду могила Николая I в Петропавловском соборе.

*344. «Гражданин». 1872, 17 янв., по несохранившемуся автографу. Автограф – ГБЛ. Написано по поводу первой годовщины со дня провозглашения догмата о непогрешимости папы римского, принятого Ватиканским собором 18 июля 1870 г.

Далай-лама – титул первосвященника ламаистской церкви в Тибете. Далай-лама являлся не только духовным, но и светским правителем Тибета. Сравнением с далай-ламой Тютчев намекает на постоянные претензии пап на светскую власть.

*345. Соч. 1886. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Первоначальный набросок (11 ст.) – ЦГАЛИ. Написано под впечатлением поездки в село Вщиж Брянского уезда Орловской губ., которое было некогда столицей удельного княжества и близ которого сохранились древние курганы, напоминающие о кровавых событиях истории села. Тематически и идейно перекликается со ст-нием № 78.

346. «Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М. П. Погодина». М., 1872. О Погодине см. примеч. 310*.

347. «Гражданин». 1872, 6 марта.

Политковская М. К. (ум. в 1872 г.) – писательница и переводчица, знакомая поэта.

*348. мв. 1883, 19 апр., под загл. «Светлое Христово Воскресение». – Печ. без загл., отсутствующего в автографах (ЦГАЛИ и собр. К. В. Пигарева). и с исправлением по автографам ошибок в ст. 2 («Святой, святой» вм. «Святись, святись») и в ст. 18 («полей» вм. «повей»). В строфе 4, отсутствующей в автографах, было ошибочно напечатано: «врачество» вм. «врачевство» или «врачебство». Написано в день Пасхи, 16 апр. 1872 г., и послано дочери Марии (в замужестве Бирилевой), умиравшей в то время от чахотки в Рейхенгалле (Бавария). В ЦГАЛИ имеется список ст-ния, сделанный Марией незадолго до смерти.

349. Тютчевiana. Обрывок автографа – ЦГАЛИ. Написано в альбом Марии Карловне Петерсон (род. 1856), внучке первой жены поэта.

350. Ф. И. Тютчев в своих письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову. Л., 1926. – Печ. по автографу ПД. Написано на тетради стихов Екатерины Кирилловны

Зыбиной (1845–1923), поэтессы-дилетантки.

351. Соч. 1900. – Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой (см. примеч. 134*).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ДЕТСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

352. «Звенья». 1933, кн. 2. – Печ. по списку Е. Л. Тютчевой (ММ), матери поэта. Написано ко дню рождения отца, Ивана Николаевича Тютчева (1768–1846).

II. СТИХОТВОРНЫЕ ШУТКИ И ТЕЛЕГРАММЫ

353. СН. 1904, кн. 8, с. 57. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано от лица дочери поэта Марии (в замужестве Бирилевой) в связи с 50-летним юбилеем П. А. Вяземского и содержит намеки на любительский спектакль (дек. 1853 г.), в котором Мария Тютчева выступала в мужской роли – майора. Тогда Вяземский посвятил ей ст-ние «Любезнейший майор, теперь ты чином мал...». Позднее он же, по случаю помолвки М. Ф. Тютчевой с Н. А. Бирилевым, написал ст-ние «Я знал майором вас когда-то...».

354. ПССТ. 1934. – Печ. по списку Е. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Послано телеграфом брату поэта Н. И. Тютчеву (см. примеч. 340*) и Николаю Васильевичу Сушкову (1796–1871), мужу сестры поэта, Дарьи, в день их именин.

355. «Одnodневная газета Комитета академических театров помощи голодающим». 1922, 28/29 мая. – Печ. по тексту телеграфного бланка (ЦГАЛИ). Послано дочери Дарье (1834–1903) в день ее рождения.

*356–357. 1 – Тютчевиана. 2 – Ст. 1868, под загл. «Телеграмма в Петергоф князю П. А. Вяземскому». Печ.: 1 – по автографу ЦГАЛИ; 2 – по авториз. списку М. Ф. Бирилевой (автограф – ЦГАЛИ). Два варианта поздравительной телеграммы П. А. Вяземскому по случаю дня его рождения (29 июня 1865 г.).

Лазарь – бедняк, о котором рассказывается в евангельской притче (Лука, 16. 19–31).

Ир – см. примеч. 115*.

Буря дождевая. Имеется в виду каскад петергофских фонтанов.

358. НСт. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано от лица Эрн. Ф. Тютчевой (см. примеч. 134*), обращено к П. А. Вяземскому. Повод к написанию не установлен.

359. ПССт. 1934. – Печ. по телеграфному бланку (ГБЛ). Послано жене поэта Эрн. Ф. Тютчевой (см. примеч. 134*).

360. Тютчевиана. Текст ст-ния выгравирован на серебряном салфеточном кольце, имеющем вид собачьего ошейника (собр. К. В. Пигарева). Вручение этого подарка, предназначавшегося Эрн. Ф. Тютчевой (см. примеч. 134*), было устроено так, что он был поднесен ее собакой по кличке Ромп.

361. «Одnodневная газета Комитета академических театров помощи голодающим». 1922, 28/29 мая. – Печ. по телеграфному бланку (ЦГАЛИ). Послано дочери Анне в день ее рождения 21 апр. 1872 г. На это же число приходились именины самого поэта.

III. СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ПРЕДСМЕРТНОЙ БОЛЕЗНИ

*362. «Гражданин». 1873, 8 янв. – Печ. по списку И. С. Аксакова (ЦГАЛИ). Автограф (набросок ст. 1–20) – ЦГАЛИ. Вызвано известием о смерти

Наполеона III (1808–1872)

363. «Красная нива». 1926, № 6. – Печ. по списку ПД. Обращено к Елене Карловне

Богдановой (1823–1900), приятельнице Е. А. Денисьевой (см. примеч. 172*). Письма Тютчева к ней см.: Федор Иванович Тютчев в письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову. Л., 1926.

364. Соч. 1900. – Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Посвящено Евгении Сергеевне

Шеншиной (1833–1873). В ст. 21–33 идет речь о кончине дочери поэта от второго брака, М. Ф. Бирилевой, которая была приятельницей Е. С. Шеншиной.

365. Соч. 1900. – Печ. по спискам Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Посвящено взаимоотношениям России и Англии во время Хивинского похода 1873 г., за которым Тютчев с самого его начала внимательно следил по газетам (см.: Аксаков. С. 316).

Британский леопард – Великобритания, в гербе которой изображен лев.

366. «Рупор». 1928, № 6. – Печ. по авториз. списку Эрн. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Написано по поводу столкновения московского губернатора П. П. Дурново (р. 1835) с московским городским головой И. А. Лямым (или Ланиным), явившимся к нему не в мундире, а во фраке. Подробнее см.: Лирика. Т. 2. С. 430.

Баскаки – татаро-монгольские военачальники, собиравшие подать для золотоордынских ханов.

367. НСт. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru
Дурново – см. примеч. 366*.

*368. НСт. – Печ. по автографу ЦГАЛИ.

369. ПССт. 1934. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано по поводу отъезда императрицы Марии Александровны (см. примеч. 259*) в Сорренто.

370. НСт. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Обращено к дочери Дарье в день ее именин.

371. НСт. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева. Переложение начала церковного песнопения «Чертог твой вижду, Спасе мой, украшенный...», исполняемого в седьмую неделю великого поста.

*372. РА. 1874, вып. 10. С. 18. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. 2-й автограф – ЦГАЛИ. Написано в 55-ю годовщину со дня рождения Александра II. 17 апр. 1818 г. 15-летний Тютчев с отцом посетили В. А. Жуковского, жившего тогда в Кремле, в Чудовом монастыре.

373. Соч. 1900. – Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Написано в связи с предполагавшимся, но несостоявшимся посещением больного поэта Александром II.

374. Соч. 1900. – Печ. по списку ЦГАЛИ.

375. соч. 1886. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Посвящено кончине А. Ф. Гильфердинга (см. примеч. 328*).

376. РС. 1873, № 8, в некрологе Тютчева, написанном А. В. Никитенко. – Печ. по автографу ПД. Было послано академику, профессору русской словесности Петербургского университета Александру Васильевичу Никитенко (1804–1877). В автографе после текста приписка: «Друг мой, когда я вас увижу? Мне страшно тяжело и грустно».

IV. КОЛЛЕКТИВНОЕ

377. «День». 1862, 15 сент. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Переработка стихов, написанных старшей дочерью поэта Анной и изображающих Святогорский монастырь, находящийся на берегу Северного Донца в Изюмском уезде Харьковской губ. Текст ст-ния А. Ф. Тютчевой см.: Лирика Т. 2. С. 427.

Лития – вид непродолжительного богослужения.

V. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ТЮТЧЕВУ

В данный раздел вошли только те ст-ния, атрибуция которых Тютчеву подкрепляется достаточно вескими доводами. Сюда не включены издавна приписывавшиеся поэту ст-ние К*** («Уста с улыбкою приветной...») («Пантеон дружбы на 1834 год». М., 1834, подпись: Т – в) и эпиграмма «„И дым отечества нам сладок и приятен“...» («Голос», 1867, 22 июня, с указанием: «наш поэт-ветеран»). Автором первого ст-ния считал Тютчева Н. В. Гербель, составитель хрестоматии «Русские поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1873 и послед. изд.). Со ссылкой на него оно было введено П. В. Быковым в ПССоч. 1912. Вообще, информация Гербеля – крайне ненадежный источник. У самого Гербеля этого ст-ния нет в библиографии ст-ний Тютчева, помещенной в хрестоматии. Вдобавок к тому авторы «Пантеона дружбы» и его издатель И. Орлов – друзья-офицеры (см.: Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965. С. 188). Эпиграмма же была приписана Тютчеву Н. И. Мордовченко (см.: «Звезда». 1929, № 9. С. 202–203) на том основании, что поэт получил в 1867 г. гонорар от А. А. Краевского, издателя газеты «Голос». На самом деле он был получен за ст-ние «Дым», напечатанное в другом издании Краевского – журнале «Отечественные записки» (см. примеч. 299*). Желчный тон эпиграммы более соответствовал отношению к роману Тургенева «Дым» П. А. Вяземского, чем Тютчева, в одноименном ст-нии которого господствует иная тональность. В сб. «Русская эпиграмма второй половины XVIII – начала XX в.» (Л., 1975. С. 741) эта эпиграмма введена в комментарий в качестве приписываемой Вяземскому.

378. Тютч. сб., по списку из альбома 1820-х гг., в статье Б. В. Томашевского и Ю. Н. Тынянова «Молодой Тютчев». Написано, по-видимому, во время конгресса в Троппау и Неополитанского восстания 1820 г. В эпиграмме содержится намек на склонность Александра I к любовным приключениям и на легкомысленное поведение австрийской императрицы.

379. Тютч. сб., по списку из альбома 1820-х гг. (см. примеч. 378*). Эпиграмма на профессора Московского университета Михаила Григорьевича Павлова (1793–1840), читавшего курсы минералогии и сельского хозяйства. Павлов выступал и на литературном поприще, сотрудничал в журналах и альманахах, позднее издавал журнал «Русский зритель».

380. РЗ. 1828, № 1/2, с двумя звездочками вм. подписи. На принадлежность ст-ния Тютчеву указал П. В. Быкову Л. Н. Майков (ПССоч. 1913. С. 616). Обращено к С. Е. Раичу (см. примеч. 7* и 31*) по поводу окончания им перевода поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». Раич не мог не уведомить любимого ученика об окончании своего большого труда, с которым Тютчев имел возможность ознакомиться по отрывкам, печатавшимся в журналах и альманахах с 1825 г. Тютчеву было свойственно откликаться стихами на важнейшие события литературной жизни своего воспитателя. Непроясненным остается тот факт, что данное ст-ние с датой 27 дек. 1827 г. появилось в № 1/2 РЗ, разрешенного цензором к печати 30 янв. 1828 г., между тем как на пересылку ст-ния из Мюнхена и на печатание номера журнала должно было бы уйти не менее полутора двух месяцев.

Но девы павшего Сиона Другой венок тебе сплели. Из сельских крин и роз Сарона. Реминисценция из библейской «Песни песней» (3. 11), намек на бракосочетание Раича.

381. Г. 1829, № 44, с подписью: Т. . .ъ. На принадлежность ст-ния Тютчеву указал В. Я. Брюсов (см.: РА. 1898, кн. 3. С. 253–254).

382. Печ. впервые по списку М. Ф. Бирилевой (ЦГАЛИ). На обороте – сделанный ею же список ст-ния «Как хорошо ты, о море ночное...» (конец янв. 1865 г.). Ст-ний других поэтов в данной группе списков М. Ф. Бирилевой нет. Судя по почерку и качеству чернил и бумаги, ст-ние было записано гораздо раньше, однако не ранее 1857 г., когда в тютчевском семействе начали пользоваться химическими чернилами. Список обрывается на середине строфы. Окончание было перенесено на другой лист, который не обнаружен. Подавление общественной мысли в России в 30-летнее царствование Николая I и – как результат этого – поражение в Крымской войне, политический кризис 1850-х – начала 1860-х гг. – одна из центральных тем поэзии Тютчева петербургского периода. Эта тема постоянно звучит и в его письмах и является ведущей в его «Записке о цензуре» (1857). Об этом говорится, например, в письме к жене поэта от мая 1855 г. (см.: Соч. 1984. С. 231). Ст-ние написано, по-видимому, по поводу студенческих беспорядков 1861 г. и закрытия Петербургского университета. См. примеч. к ст-нию № 248*. Автор не говорит, какая именно мысль находит себе защитников в «детях». Он сочувствует не направлению их мысли, а их борьбе против оупляющего действия режима. Это характерно для Тютчева, умевшего ценить и «другие призванья» (ср. ст-ние № 290, в котором также поставлена проблема «отцов и детей», но доминирует этический аспект отношений между поколениями). Обращают на себя внимание и типичные для Тютчева стилистические элементы: обилие вопросительных конструкций, оксюморон «тьмой ослеплены», архаизмы «противу» и «тать», излюбленный провиденциалистский эпитет «роковой». Ст-ние, написанное скачущим разностопным ямбом (встречающимся у Тютчева как раз в 1860-е гг.), явно недоработано и не рассчитано на публикацию.

Какие песни, милый мой, Когда вокруг лишь ненависти крики. Ответ на вопрос, оставшийся за текстом, непосредственность и задушевность обращения как бы в середине разговора – черта, присущая многим ст-ниям Тютчева. Поэту не в первый раз приходилось оправдывать свое творческое молчание политическими неурядицами (ср. ст-ние № 209). После того как в 1854 г. вышел сборник его лирики, к Тютчеву не раз обращались с просьбами дать стихи для печати или написать в альбом. Между тем в конце 1850-х – начале 1860-х гг. он очень мало писал и еще меньше печатался.

383. Тютч. сб., в статье: Быков П. В. Ф. И. Тютчев. Из встреч минувшего. По утверждению Быкова, автограф ст-ния он получил непосредственно из рук Тютчева. Воспоминания Быкова о Тютчеве не внушают доверия. Сомнителен сам факт знакомства Быкова с Тютчевым. Непонятно также, почему Быков не включил это ст-ние в ПССоч. 1912. Вместе с тем полностью отрицать авторство Тютчева и подозревать факт подделки тоже нет пока достаточных оснований, ибо в ст-нии немало тютчевских лексико-стилистических черт. По сообщению Быкова, ст-ние написано после смерти Денисьевой и ее дочери Елены, т. е. не ранее 1865 г.

384. «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам: Литературно-научный сборник». М., 1897. Возможно, что это не первая публикация. Повод к написанию – по-видимому, восстание на острове Крит и волнения христианских народностей на Балканах (1866–1867). См. примеч. 294*, 295* и 402*.

385. «Заря». 1869, кн. 11. На принадлежность ст-ния Тютчеву указали редактору ПССоч. 1912 П. В. Быкову издатель «Зари» В. В. Кашпиров и Н. Н. Страхов (см.: ПССоч. 1912. С. 638). Не исключено, что ст-ние имеет политический подтекст. Ср. в «Записке о цензуре в России»: «...следовало бы всем, как обществу, так и правительству, постоянно говорить и повторять себе, что судьба России уподобляется кораблю, севшему на мель, который никакими усилиями экипажа не может быть сдвинут с места, и лишь только одна приливающая волна народной жизни в состоянии поднять его и пустить в ход» (ПССоч. 1913. С. 329).

VI. СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

386. Тютч. сб. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано в Линдау, красивом курортном городке на берегу Боденского озера (Германия), по пути из Мюнхена в Турин. Обращено к Аполлонию Петровичу Мальтицу (1795–1870), второстепенному немецкому поэту. В 1837 г. Мальтиц сменил Тютчева на посту первого секретаря русской миссии в Мюнхене. В 1839 г. он женился на сестре первой жены Тютчева Клотильде Ботмер. В автографе после текста ст-ния приписка по-французски: «Прощайте! Какой я ребенок! Какой я слабый человек! Сегодня я только и делал, что читал вас и думал о вас. Мой дружеский привет Клотильде. Будьте счастливы – она и вы. Тютчев».

Et sentir sur nos fronts flotter le même ombrage (Ичувствовать на наших лбах ту же колеблющуюся тень). Аполлоний Мальтиц и его брат Фридрих Мальтиц часто бывали в доме Тютчевых в Мюнхене, поэтому у них было много общих воспоминаний.

387. Сн. 1914, кн. 18. – Печ. по автографу ГБЛ (вложен в одно из писем к Эрн. Ф. Тютчевой за 1842 г.).

388. Соч. 1900. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева. Первая строфа написана от лица Эрн. Ф. Тютчевой. (см. примеч. 134*).

389. Соч. 1900. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева. Написано в Петербурге.

390. ПСст. 1934. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано, по-видимому, в том же 1849 г., что и посвященное А. Ламартину ст-ние № 158.

391. «Звенья». 1933, кн. 2. – Печ. по списку Д. Ф. Тютчевой (ЦГАЛИ). Обращено, по-видимому, к Эрн. Ф. Тютчевой (см. примеч. 134*).

392. Соч. 1900. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. В автографе после текста ст-ния и даты помета по-французски: «Прогулка ночью с Нести». Нести – уменьшительное имя Эрн. Ф. Тютчевой (см. примеч. 134*).

393. РА. 1892, вып. 4. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева. Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой (см. примеч. 104*) в день ее рождения.

394. «Звенья». 1933, кн. 2. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Перевод ст-ния Микеланджело, тогда же переведенного на русский язык («Молчи, прошу, не смей меня будить...»). См. № 217*.

395. Тютчевiana. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано от лица дочери поэта Дарьи, которую уговаривали принять участие в любительской постановке комедии-пословицы А. де Мюссе «*Il faut qu'une port ouverte ou fermée*». Об этом говорится в письме Эрн. Ф. Тютчевой к К. Пфеффелю от 24 нояб. 1855 г. (ММ).

396. Соч. 1900. Посвящено Е. Н. Анненковой (см. примеч. 237*).

397. «Однодневная газета Комитета академических театров помощи голодающим». 1922, 28/29 мая. – Печ. по автографу из собр. К. В. Пигарева.

398. Тютчевiana. – Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф другой ред. – ЦГАЛИ. Обращено к дочери Марии в день ее рождения.

Гекуба – здесь: собака М. Ф. Тютчевой.

399. Печ. впервые по автографу ЦГАОР. Посвящено вел. кн. Елене Павловне (1806–1873), принцессе Вюртембергской, жене вел. кн. Михаила Павловича. Елене Павловне Тютчев был представлен уже в 1844 г. (см.: Соч. 1984. С. 102). Впоследствии он был частым гостем в ее дворцах. Елена Павловна была одной из немногих, кто выразил Тютчеву сочувствие по поводу смерти Денисьевой (см. примеч. 172*). Дочь Тютчева и Денисьевой Елена воспитывалась в пансионе мадам Труба, находившемся под особым покровительством великой княгини (см.: Соч. 1984. С. 272, 398).

400. Печ. впервые по автографу ЦГАОР. Посвящено императрице Марии Александровне (см. примеч. 259*). Ей посвящены ст-ния № 259, 260 и 369. Дочь Тютчева Анна в 1852–1855 гг. была фрейлиной вел. кн. цесаревны Марии Александровны, а дочь Дарья – с 1858 г.

401. РА. 1874, вып. 10. – Печ. по автографу ГБЛ (в письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 24 июля 1867 г.). В этом письме Тютчев сообщал: «Вот стихотворение, посланное недавно леди Бьюкенен по случаю приема, сделанного султану королевой английской» (СН. 1916, кн. 21. С. 327). летом 1867 г. турецкий султан Абдул-Азис (1830–1876) посетил Париж и Лондон и был принят с большими почестями Наполеоном III и королевой Викторией. В это время турецкие войска разгромили восстание христианских народностей на острове Крит. См. примеч. 294*, 295* и 385*.

«Nonny soit qui mal y pense» («Позор тому, кто дурно подумает об этом») – девиз английского ордена Подвязки.

402. Тютчевiana. Вызвано желанием дочери Марии работать сестрой милосердия в Георгиевской общине. Об этом имеется запись в дневнике М. Ф. Тютчевой от 9 дек. 1870 г. (ММ).

Примечания

1

Статья покойного Н. Я. Берковского печатается по изд.: Тютчев Ф. И. Стихотворения. М.; Л., 1962 (Б-ка поэта, МС), где она впервые была опубликована. Все ссылки на источники цитат и примечания к тексту статьи принадлежат редактору.

2

См. примеч. 136* к наст. изд.

3

См.: Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 96.

4

Это издание вышло в 1868 г.

5

«Египетские ночи».

6

См. примеч. № 17* к наст. изданию.

7

В изд.: Тютчев Ф. И. Стихотворения. Л., 1957. С. 343 (Б-ка поэта, БС).

8

Название этого труда Шеллинга: «Философские исследования о сущности человеческой свободы».

9

Это было сказано несколько позднее. См. запись в дневнике М. П. Погодина от 20–25 июня 1825 г. // Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1888. Кн. 1. С. 310.

10

«Брат, столько лет сопутствовавший мне...» (1870).

11

Бонч-Бруевич В. Ленин о художественной литературе // «30 дней». 1934, № 1. С. 15.

12

Заглавие этого стихотворения – «Осенний вечер»

13

«Пошли, господь, свою отраду...»

14

См. примеч. № 230*.

15

Из стихотворения «Заклинание» (1830).

16

О источник слез... Грей (лат.). – Ред.

17

Игра в прятки (фр.). – Ред.

18

Молчание! (лат.). – Ред.

19

Зараженный воздух (ит.). – Ред.

20

Проблема (фр.). – Ред.

21

Вилла (ит.) – Ред.

22

Послание к апостолу (фр.). – Ред.

23

Ты знаешь край?.. (нем.). – Ред.

24

Смеется озеро... (нем.). – Ред.

Полное собрание стихотворений. Федор Иванович Тютчев tyutchevfyodor.ru

25

Непостоянна, как волна (фр.). – Ред.

26

Помни (лат.). – Ред.

27

Веце 1859 – Женева 1860 (фр.). – Ред.

28

Энциклика (лат.). – Ред.

29

Есть музыкальный строй в прибрежных тростниках (лат.). – Ред.

30

Славян надо прижать к стене (нем.). – Ред.

31

«Санкт-петербургской газете» (фр.). – Ред.

32

Отсюда – гнев (лат.). – Ред.

33

Она была кроткой перед лицом смерти (фр.). – Ред.

34

Перевод Тютчева с итальянского оригинала см. под № 217*.

35

Сказано (лат.).

36

О судьбе поэтического наследия Тютчева см.: Благой Д. Тургенев – редактор Тютчева // Тургенев и его время. М., 1923. С. 142–163; Чулков Г. Судьба рукописей Тютчева // Тютчевский сборник. Пг., 1923. С. 48–62; Пигарев К. Судьба литературного наследия Ф. И. Тютчева // «Лит. наследство». 1935. Т. 19/21. С. 371–418; Николаев А. А. Судьба поэтического наследия Тютчева 1822–1836 гг. и текстологические проблемы его изучения // «Рус. литература». 1979, № 1. С. 128–143; его же. К истории подготовки сборника стихотворений Ф. И. Тютчева (1854), изданного редакцией Некрасовского «Современника» // Некрасовский сборник. Л., 1983. Вып. 8. С. 36–54.

37

В письме от 7/19 октября 1829 г. П. В. Киреевский писал родным из Мюнхена: «...скажите Максимовичу, что Тютчев отправляет Раичу пакет со стихами, из которых он Макс<имовичу> в альманах дает пиес 7, что, следовательно, он может их истребовать от Раича» (см.: Осповат А. Л. Из материалов для биографии Тютчева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Вып. 4. С. 335).

38

Этим спискам Гагарина посвящена статья: Шур Л. А. Неосуществленное издание стихотворений Ф. И. Тютчева 1836–1837 гг. (По материалам архива И. С. Гагарина) // «Oxford slavonic papers». New series. vol. 19. 1986. P. 102–115.

39

Опубликовано: «Лит. наследство». 1952. Т. 58. С. 132.

40

Она (как и опись Раича) хранится в Славянской библиотеке в Париже; опубликована: «Символ» (Париж). 1984, № 11. С. 204–214.

41

Аксаков И. С. [Вступит. заметка к публикации стихотворений, присланных И. С. Гагариным] // «Рус. архив». 1879, вып. 5. С. 123.

42

ЦГАЛИ. Фонд 505 (см. Список условных сокращений*).

43

В начале 1875 г. И. С. Гагарин выслал И. С. Аксакову по его просьбе все имевшиеся у него автографы и большую часть списков стихотворений Тютчева. См. по этому поводу переписку Гагарина с Аксаковым: «Символ» (Париж), 1984, № 11. С. 197–229. Аксаков опубликовал часть присланных текстов в «Рус. архиве» (1879) и отдельной брошюрой «Новонайденные стихотворения». М., 1879 (31 стихотворение). Многие стихотворения оказались в трудночитаемых черновиках. Их публикация продолжалась до 1928 г. Ошибки данных публикаций исправлены в Сочинениях (М., 1980. Т. 1). Рукописи эти в большинстве своем сохранились и находятся в ЦГАЛИ. Три автографа из гагаринского собрания (1836 г.) и 2 автографа из раичевского – в частных собраниях. Из раичевского собрания не сохранилось только два текста – стихотворения «Рыбак» (автограф?) и «Сны» (список). Из гагаринского собрания не сохранилось, по крайней мере, 11 автографов, в том числе 6 автографов стихотворений, опубликованных в «Современнике» 1836 г. Из 48 копий, снятых Гагариным, сохранилось только 21: 13 – в Славянской библиотеке в Париже, 7 – в ЦГАЛИ, 1 – в Музее-усадьбе Мураново.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tyutchevfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!